

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ III.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Молдаване.	}	3. Татары Волжскіе и Сибирскіе.
2. Цыгане.		4. Татары Крымскіе.

Четыре хромофотографіи и 7 гравюръ.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

Подписка продолжается.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.
1878.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬБОМЪ.

ВЫПУСКЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.
1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 сентября 1878 года

ХVIII. МОЛДАВАНИЕ (РУМЫНЫ).

Народный характеръ и бытъ.

Молдаване (Румыны) составляютъ главную часть населенія, почти $\frac{3}{4}$ общаго итога, Бессарабской губерніи. Уѣзды: Кишиневскій, Ясскій, Сорокскій почти исключительно населены ими; въ Хотинскомъ уѣздѣ они перемѣшаны съ русинами или русняками (какъ вѣдѣется первобытными жителями сѣверной Бессарабіи), въ Бендерскомъ и Кишиневскомъ — съ пришельцами изъ разныхъ мѣстъ, приписанными къ обществамъ городовъ и селеній, по разрѣшенію правительства, въ видахъ заселенія пустыннаго края. Молдаване составляютъ племя, давно живущее въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ Бессарабіи; въ южныя же уѣзды они переселились въ недавнее время, занимая мѣста, оставленныя кочевыми ногайцами.

Происхожденіе молдаванскаго племени до сихъ поръ составляетъ предметъ, не вполне разрѣшенный историческими розысканіями. Съ одной стороны близкое сродство съ языками латинскаго корня, долгое пребываніе римскихъ легионовъ въ странахъ при-Дунайскихъ,

извѣстное стремленіе римлянъ къ колонизаціи (особенно мѣсть важныхъ въ стратегическомъ отношеніи), самое названіе румыны (римляне), сохраняемое молдаванскимъ племенемъ, даютъ поводъ считать ихъ происхожденіе западнымъ.

Бессарабскіе молдаване говорятъ испорченнымъ латинскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью словъ славянскихъ. Языкъ ихъ имѣетъ корень латинскій и удержалъ въ своемъ основаніи болѣе оригинальности древняго римскаго, нежели итальянскій.

Наружность молдаванина-простолюдина носитъ на себѣ слѣды южнаго его происхожденія, смягченныя славянскимъ типомъ. Молдаванинъ обыкновенно выше средняго роста, и сухаго, мускулистаго тѣлосложенія; большая ихъ часть имѣетъ темный цвѣтъ волосъ, выразительную физіономію, довольно правильный профиль, темные глаза, густыя брови и усы. Движенія ихъ вялыя и неуловія, а походка медленная и тяжелая; грудь и шея у нихъ всегда открыты. Большая часть молдаванъ-простолюдиновъ носитъ длинныя до плечъ волосы, а бороды всегда брѣютъ. Нѣтъ возможности опредѣлить эпохи, съ которой началось бритье бородъ; извѣстно только то, что въ румынскихъ княжествахъ борода считалась въ числѣ привилегій и ее могли носить исключительно бояре перваго класса.

Молдаванка большею частію выше средняго роста, стройна съ низко опущенными плечами и грудью, съ густыми темными волосами. Лицо ея не отличается правильностью: у нея низкій лобъ, замѣтно выдавшіяся скулы, острый носъ и вообще въ линіяхъ контура кривизна преобладаетъ надъ правильностью и округленностью. Смугловатый цвѣтъ кожи, темные, блестящіе, полные огня глаза, граціозныя, то лѣнныя, то быстрыя, порывистыя и страстныя движенія придаютъ молдаванкѣ много особенности и прелести, свойственныхъ исключительно женщинамъ юга; но за то, какъ и вообще южныя женщины, молдаванки скоро старѣются и часто въ 30 лѣтъ женщина теряетъ всю грацію, всю прелесть молодости. Молдаванка

по природѣ добрая, но права пылаго, и ея южная натура рѣзче выражается въ крайностяхъ женскаго характера, чѣмъ у женщинъ климата болѣе уѣбреннаго. Молдаванка, выдвинутая счастливыми обстоятельствами въ чуждую ей высшую сферу, по своей впечатлительности, подвижности и переимчивости, способна скоро принять наружный лоскъ, который не дается молдаванину; но лоскъ этотъ не усваивается ей, — онъ скоро тускнѣетъ и дѣлается безцвѣтнымъ.

Женщина-поселянка, предоставленная въ хозяйствѣ безопасностью мужа сама себѣ, всегда дѣлается расчетливою и бережливою. Скромная, послушная и покорная мужу, какъ главѣ семейства, она, также какъ и малороссіянка, неуживчива съ посторонними.

Молдаванинъ-селянинъ съ семействомъ живетъ въ небольшой, опрятной, выбѣленной, чамурной или валькованной хатѣ (касса), которая строится изъ навознаго кирпича и небольшого количества дерева.

Чамурныя строенія возводятся въ лѣсистыхъ мѣстахъ Бессарабіи; въ мѣстахъ же, гдѣ лѣсъ дороже, строятъ хаты валькованныя. Последнія отличаются отъ чамурныхъ тѣмъ только, что воля, вмѣсто хвороста, переплетаются соломкою, напитанною чамуромъ.

Въ Буджакѣ, на югѣ области, гдѣ лѣса почти совсѣмъ нѣтъ, хаты дѣлаются изъ мѣстнаго плитняка или изъ землелитнаго кирпича.

Кругомъ кассы молдаванина, также какъ и у малороссіяня, дѣлается всегда пристѣба (завалина); снаружи хата почти всегда выбѣлена (небѣленныя встрѣчаются довольно рѣдко), крыши крыты соломкою, но больше камышемъ. Трубы на крышѣ дѣлаются только у зажиточныхъ; обыкновенно-же дымъ изъ печи, чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, идетъ прямо къ крышѣ, влѣдствіе чего внутренность чердака (горѣшти) всегда покрыта толстымъ слоемъ сажы. Внутри хата молдаванина обыкновенно раздѣлена на сѣни, одну или двѣ комна-

ты и каморки — зимняго жилья хозяевъ. Стѣны комнаты всегда тщательно выбѣлены, а полъ ровно вымазанъ глиною.

Едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь столько чистоты въ обстановкѣ домашняго быта простаго класса людей, какъ у молдавянъ. Все опрятно, прибрано, выбѣлено. Въ углу комнаты, на востокъ, висятъ иконы, убранныя цвѣтами, нерѣдко искусственными, и драпированныя кускомъ бумажной или шелковой матеріи; подъ иконами, на полѣ, лежатъ свѣчи и просфоры; съ боговъ висятъ, связанные, на-крестъ, небольшіе пучки перваго сжатаго хлѣба; тутъ-же прибиты къ стѣнѣ куски обоевъ, а далѣе развѣшаны лубочныя картины. Перекладина подъ потолкомъ унизана яблоками-домнештами (видъ яблоковъ) и звѣздчатыми небольшими тыквами, желтаго цвѣта. Тутъ-же въ углу пучки василька, высушивая который молдаванки-дѣвушки обращаютъ въ порошокъ и имъ посыпаютъ свои платья, отправляясь на чью-нибудь свадьбу или просто въ гости.

Во время сбора винограда потолокъ хаты убирается кистями его.

Подъ образами, во всю длину стѣны, находится широкій, мягкій диванъ, покрытый у зажиточныхъ хозяевъ богатыми коврами, а у небогатыхъ — прѣстыми, но лучшими коврами собственнаго издѣлія, сдѣланными, какъ выражаются здѣшніе простолюдины, «прекрасными и умѣющими руками».

По дивану, вмѣсто спинки, въ стѣнѣ владутъ подушки изъ красной или зеленой, большею частію шерстяной матеріи, набитыя сѣномъ. Около дивана къ окну поставленъ чистый столъ, покрытый ковромъ, клеенкою или полотномъ. Около стола два, три стула, тоже покрыты маленькими коврами.

Въ заднемъ углу ставится разукрашенный сундукъ, на которомъ въ порядкѣ положены ковры и подушки; это — «сестре» — приданое хозяйскихъ дочерей.

Сундуки зачастую пустыя. Все это возвышеніе, приданое, покры-

то узорчатымъ шерстянымъ одѣяломъ, и чѣмъ оно выше, тѣмъ болѣе поазываетъ трудолюбіе хозяйки и благосостояніе живущихъ въ домѣ.

Надъ диваномъ нерѣдко протянута жердочка, на которой развѣшанъ гардеробъ хозяевъ. Тутъ и чистенькія ситцевыя и шелковыя платья хозяйки и дочерей, шубки на мѣху, крытыя сукномъ и «кожокъ» (кожухъ) барбатула (мужа); все это защищено отъ пыли полотномъ.

Вообще хозяйки тщательно смотрятъ за комнатами, каждое утро ихъ выметають и передъ праздниками мажутъ полъ и бѣлятъ стѣны.

Около хаты зажиточнаго селянина, въ мѣстахъ обильныхъ лѣсами, иногда устроивается небольшая хатка съ кладовою (кэсой), въ которой хранятся разныя хозяйственныя принадлежности. Тутъ-же дѣлается погребъ для храненія вина (квивица); вблизи хаты устроены большія изъ хвороста корзины, — «сосіакъ», въ которыхъ хранятся, отдѣленные отъ стебля, початки кукурузы; неподалеку отъ этого находится конюшня, сплетенная изъ хвороста и обмазанная грубо чамуромъ; такая-же овчарня и другія хозяйственныя постройки, составляющія дворъ, который обносится невысокимъ плетнемъ или заборомъ, въ безлѣсныхъ мѣстахъ грубо выложеннымъ изъ лѣснаго камня. У нѣкоторыхъ впрочемъ его нѣтъ.

Одежда молдаванъ-простолудиновъ въ многомъ схожа съ одеждою малороссіянъ, но въ ней также видно многое, заимствованное отъ турокъ. Повседневная мужская одежда состоитъ: лѣтомъ въ рабочее время—изъ соломенной шляпы съ широкими полями или смушковой шапки, изъ рубахи (кәмеша) и «измѣни» — нижняго платья, сдѣланнаго изъ грубаго холста домашняго издѣлія; на ноги лѣтомъ надѣваютъ лапти, сплетенные изъ листьевъ камыша, по молдавски изъ папури. Кромѣ того, лѣтомъ еще надѣваютъ «манту» — свитку, въ родѣ

халата, длинную и широкую, такъ что, садясь верхомъ, ею покрываютъ и лошадь.

Рабочая женская одежда лѣтомъ состоитъ изъ рубахи грубаго домашняго холста, старой кацавейки и стараго платья. Ноги преимущественно не обуваются.

Праздничная мужская одежда состоитъ изъ такъ называемаго «интерѣу», демивотоноваго, а у богатыхъ шелковаго кафтана, подпоясанаго шерстянымъ кушакомъ (бріу) разныхъ цвѣтовъ.

Богатый селянинъ, сверхъ кушака, подпоясывается еще широкимъ ремнемъ, украшеннымъ пуговицами, крестиками и разными блестящими. Шаровары носятъ демивотоновыя, преимущественно синія и очень широкія, или изъ домашняго сукна, называемыя «берневишь»; сверхъ интерѣу надѣвается «скулѣйка» — куртка, или, вѣрнѣе, кацавейка изъ пестрой матеріи, подбитая мѣхомъ. Сапоги длинные съ высокими каблуками, подбитые нерѣдко мѣдью и разукрашенные на подборахъ различными фигурами.

Вообще каждый молдаванинъ-парубокъ (флакѣу), т. е. не женатый, старается щегольнуть поясомъ, сапогами и пестротой своего наряда, въ которомъ онъ неуклюжь, тяжелъ, неповоротливъ.

Праздничную женскую одежду составляютъ ситцевое, бумажное или шелковое платье подъ шею (рокія); сверхъ него кацавейка, подбитая мѣхомъ, опушенная снаружи, шириною вершка въ два, болѣе дорогимъ мѣхомъ, и изъ шелковаго или бумажнаго платка, наброшеннаго на голову и только подвязаннаго подъ подбородкомъ; эти платки (тульпанъ) преимущественно пестрыхъ цвѣтовъ.

Замужнія женщины (фимѣи) убирають свои волосы подъ платокъ, дѣвушки-же (фаты) ходятъ съ открытыми головами; онѣ заплетаютъ свои роскошныя волосы или въ нѣсколько косъ, которыя спускаются по плечамъ, или въ одну косу, придерживаемую гребнемъ, разукрашеннымъ цвѣтными стеклушками.

Вообще молдаванки-поселянки охотницы щеголять; онѣ постоянно

но носятъ на пальцахъ множество колець (инель), на шеѣ разноцвѣтныя ожерелья (гормузы) и въ ушахъ — блестящія серьги (шерпей).. Страсть молдаванокъ къ щегольству даетъ возможность страствующимъ по деревнямъ русскимъ мелкимъ торговцамъ сбывать имъ разныя блестящія женскія украшенія чуть-ли не за десятичную цѣну. Впрочемъ, надо отдать справедливость дѣвушкамъ-молдаванкамъ, что въ обыкновенные дни онѣ одѣваются просто, но чистенько, и даже съ кокетствомъ.

Зимняя мужская одежда состоитъ изъ ватной фуфайки (минтянъ), овчиннаго кожуха (кожохъ), изъ овчинныхъ-же шароваръ (меньшинъ) и бараньей смушковой шапки. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою, молдаване ходятъ съ открытою шею и грудью.

Зимнюю женскую одежду составляютъ обыкновенно: платье, кацавейка, подбитая мѣхомъ, и овчинный тулупъ. Старухи вообще повязываютъ голову, вмѣсто платка, бѣлымъ полотномъ.

Пищу простолюдина составляетъ преимущественно мамалыга, т. е. прѣсное тѣсто, приготовляемое особеннымъ образомъ изъ муки кукурузы (папушой). Мамалыга замѣняетъ хлѣбъ и часто составляетъ собою всю бухню селянина; ее ѣдятъ по нѣскольку разъ въ день, причемъ не нужны ни вилка, ни ножикъ, ни ложка. При употребленіи мамалыги, молдаванинъ беретъ рукою кусокъ тѣста, мнетъ его въ ладони, послѣ чего обмакиваетъ его въ растопленное сало или масло, и затѣмъ въ овечьій сыръ (брынза). Мамалыгу иногда замѣняетъ малай — тѣсто изъ смѣси кукурузной муки съ пшеничною.

Вообще надобно замѣтить, что молдаванинъ не прихотливъ и воздерженъ въ пищѣ; онъ совершенно покоевъ, если у него есть запасъ кукурузы для мамалыги, чтобы было чѣмъ утолить голодъ; но за то молдаванина можно упрекнуть въ нетрезвости. Онъ любитъ не только пьянство, но и процессъ самаго опьянѣнія, истребляя съ разстановкою, съ наслажденіемъ, на дружескомъ *сокетелло* (собственно значить — совѣтъ, рада) необыкновенное количество вина и водки.

Въ семейномъ быту молдаванъ-поселянъ господствуетъ патриархальное уваженіе и подчиненность главѣ семейства. Слово «ты» употребляется только въ обращеніи съ невзрослыми; прочіе всѣ, даже супруги, говорятъ другъ другу «вы». Хозяинъ и господинъ въ домѣ — мужчина, и, послѣ обѣда, помолясь Богу, жена почти всегда первая цѣлуетъ мужу руку. Все хозяйство лежитъ на отвѣтственности жены; вообще молдаванки трудолюбивы и болѣе всего способствуютъ нѣкоторому изобилію или по крайней мѣрѣ достатку въ семейномъ кругу.

Многіе изъ поселянъ имѣютъ у себя корову, десятокъ - другой овецъ, пару лошадей или воловъ, а это ужъ даетъ возможность удовлетворить даже не первой нуждѣ. Варбатуль (мужъ) въ домашнее хозяйство почти не вмѣшивается, да его рѣдко и можно видѣть дома: онъ или на работѣ, или въ корчмѣ за литрой раки (водки), съ веселой компаніей, толкуетъ о тревоженіяхъ моря житейскаго или о сильныхъ міра сего, или сидитъ дома на печи и дремлетъ.

Въ деревенскихъ собраніяхъ и компаніяхъ мужчины, какъ въ занятіи мѣсть, такъ и при подчиваніи, пользуются преимуществами передъ женщинами. Даже въ церкви женщины вездѣ становятся позади мужчинъ, и только рѣдкая, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ, становится около алтаря, впереди мужчинъ; но вообще приступаютъ къ алтарю для причастія, приложиться къ кресту или иконѣ женщины послѣ мужчинъ. Впрочемъ, это понемногу выводится; но еще, кажется, долгъ будетъ существовать обычай цѣловать руки у старшихъ и вообще высшихъ лицъ, а также у начальниковъ, съ которыми молдаване-простолюдины робки и неловки, а другіе — подобострастно — искательны, точно такъ-же, какъ бывають надменны съ низшими себя.

Обычаи и предрассудки.

Молдаване всё безъ исключенія исповѣдуютъ православную вѣру. Простолюдины весьма набожны, строго соблюдаютъ посты и всё религиозныя обряды, часто не понимая ихъ значенія.

Обычаи и обряды, сохраняемые молдаванскимъ простолудиномъ, выражаютъ характеръ народа добраго, гостеприимнаго и привѣтливаго. Родины, крестины, свадьбы, похороны, новоселье и т. д. сопровождаются хлѣбосольствомъ; при всѣхъ случаяхъ хозяинъ созываетъ гостей, угощаетъ ихъ, а всё, въ свою очередь, являются съ хлѣбомъ-солью, съ подарками, съ добрымъ словомъ, привѣтомъ, поздравленіемъ или соболѣзнованіемъ, которыя всегда выражаются, по восточному обыновенію, цвѣтистыми, часто рѣчюванными поэтическими фразами.

По прошествіи трехъ дней послѣ рожденія ребенка, празднуютъ такъ называемый по молдавански—родишъ. Повивальная бабка созываетъ для этого сосѣдей и знакомыхъ на обѣдъ въ домъ родителей новорожденнаго. Гости являются на притлашеніе съ подарками, женщины приносятъ: горохъ, фасоль, огурцы, сливы, яблоки, виноградъ и проч.; мужчины даютъ деньги — мелкую серебряную или мѣдную монету, смотря по средствамъ, а главное — по богатству хозяина и его значенію.

Приходя въ домъ къ новорожденному, поздравляютъ отца и мать.

Собравъ подарки, устраиваютъ столъ, на которомъ устанавливаютъ разныя кушанья, вино и водку, и этимъ угощаютъ посѣтелей.

Черезъ недѣлю послѣ родишъ бывають крестины. Въ кумовья

(куметры) приглашаются заранѣе почетныя лица деревни. Въ прежнее время приглашался только мужчина—кумъ, крестныхъ матерей не было; теперь же, вслѣдствіе сближенія съ русскими, и у молдаванъ стали вездѣ приглашать въ куметры и женщинъ.

Послѣ совершенія таинства, священникъ приглашается въ домъ родителей новорожденнаго, куда идетъ торжественно впереди всѣхъ.

Вечеромъ того же дня крестный отецъ обязанъ сдѣлать ужинъ у себя. Когда соберутся гости, то на столъ выставляются два графина вина; изъ одного пьютъ гости, а изъ другаго—хозяинъ.

На другой день послѣ крестинъ назначается торжественное умываніе ребенка, при которомъ обязаны участвовать кумовья. По окончаніи этого обряда дѣлается обѣдъ.

Свадебныя обряды молдаванъ-простолудиновъ весьма замѣчательны и интересны.

Молодой парубокъ избираетъ самъ себѣ невесту; родители въ это дѣло почти не вмѣшиваются, и не бываетъ случая, чтобы они заставляли насильно сына жениться на той, которая ему не по нраву, или принуждали выходить дочь за немалаго.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, которое хранится въ глубокой тайнѣ, выпытавъ отъ своей возлюбленной, что она готова отдать ему руку и сердце, женихъ объявляетъ объ этомъ своимъ родителямъ, которые стараются подробно и достоверно узнать все о будущей роднѣ *).

Когда родители согласны, то парень обращается къ родственнику, преимущественно къ своему крестному отцу, а за неимѣніемъ его — къ лицу постороннему, но вообще къ старому, почетному человѣку

Этотъ послѣдній, принявъ на себя обязанность и названіе старосты, приглашаетъ одного изъ почетныхъ хозяевъ той деревни, гдѣ

*) Нелишнимъ считаемъ прибавить здѣсь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бессарабіи еще существуетъ обычай воровать себѣ невестъ.

живеть будущая невѣста, вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ домъ ея родителей и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, спрашиваетъ согласія ихъ.

Намѣреваясь выдать дочь замужъ, родители дѣвушки съ своей стороны избирають старость, вмѣняя имъ въ обязанность разузнать на мѣстѣ: о состояніи жениха, его поведеніи, занятіяхъ и пр. Получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія, родители дѣвушки дозволяютъ пріѣхать къ нимъ жениху, который является въ ихъ домъ въ сопровожденіи старости обѣихъ сторонъ. Молодыхъ людей знакомятъ официально, благословляютъ образомъ, послѣ чего невѣста цѣлуетъ у всѣхъ руки, не исключая и жениха. Тутъ-же идетъ трактать о приданомъ невѣсты, причемъ обязанность старосты заключается въ томъ, чтобы выпрашивать какъ можно болѣе. Затѣмъ готовится ужинъ, идетъ попойка, на дворѣ выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ *). Пирушка продолжается далеко за полночь. Во время пирушки накрывается отдѣльно столъ, на которомъ ставятъ двѣ тарелки: на одну изъ тарелокъ родители невѣсты кладутъ платокъ и кольцо, а на другую — женихъ кладетъ деньги. Затѣмъ отецъ подзываетъ дочь и говоритъ ей: «ступай и возьми, что тебѣ угодно». Невѣста, если ей нравится женихъ, беретъ деньги; тогда женихъ беретъ себѣ кольцо и платокъ, и такимъ образомъ совершается обрученіе. Пирушка, остановленная исполненіемъ этого обряда, снова продолжается.

На прощаніе назначается окончательный день, въ который рѣшится дѣло о свадьбѣ. Затѣмъ уже обѣ стороны отправляются въ

*) У молдаванъ-простолюдиновъ ни одно празднество не обходится безъ выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ. Даже въ день Богоявленія, когда священникъ опускаетъ крестъ въ воду, нарочно готовне къ этому парубки съ ружьями, даютъ залпъ изъ нихъ, между тѣмъ какъ другая партія нарядниковъ на переконку свачетъ по всей деревнѣ, и кто первымъ пріѣдетъ къ назначенному мѣсту—получаетъ и надолго сохраняетъ потомъ званіе молодца (войника).

городъ, гдѣ закупаютъ все необходимое для свадьбы, нанимаютъ цыганъ-музыкантовъ и пр.

Наканунѣ назначеннаго дня свадьбы, что бываетъ обыкновенно въ субботу, женихъ приглашаетъ къ себѣ всю молодежь изъ деревни и родственниковъ. По полученіи благословенія отъ своихъ родителей, онъ отправляется верхомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей въ домъ невѣсты. Позади поѣзда женихова ѣдутъ въ повозкахъ его родственники. Въ срединѣ повозокъ помѣщаются въ одной каруцѣ цыгане-музыканты, которые, въ продолженіи всей дороги до той деревни, гдѣ живеть невѣста, наигрываютъ и распѣваютъ національныя молдавскія пѣсни; молодежь же выказываетъ свое удалство въ скачкѣ.

Подѣзжая къ деревнѣ, гдѣ живеть невѣста, женихъ посылаетъ впередъ двухъ друзей извѣстить, что свадебный поѣздъ у деревни и чтобъ тамъ приготовились. Отецъ невѣсты, узнавъ сколько семействъ и холостыхъ ѣдутъ съ женихомъ, заботится о приготовленіи имъ квартиры въ постороннихъ домахъ.

Посланныхъ друзей встрѣчаетъ на порогѣ сама невѣста, въ присутствіи своихъ родителей. Послѣ привѣтствія, дружка невѣсты надѣваетъ жениху на голову большой калачъ, который тотчасъ-же, при громкихъ восклицаніяхъ, раздробляется его товарищами. Послѣ этого дружки невѣсты становятся по обѣимъ сторонамъ жениха и такъ сопровождаютъ его къ самому дому невѣсты, которая встрѣчаетъ его, окруженная родными. По приближеніи жениха къ невѣстѣ, одинъ изъ друзей, имѣющій даръ и способность говорить отчетливо и выразительно, произноситъ внятно народныя стихи.

Послѣ этого привѣтствія, невѣста начинаетъ кропить своего суженнаго водою (пучкомъ васильковъ), а дружкамъ даетъ по платку. Женихъ, въ благодарность ей, бросаетъ червонецъ. Затѣмъ пріѣхавшіе съ женихомъ расходятся по отведеннымъ имъ квартирамъ. Женихъ тоже имѣетъ отдѣльную квартиру у когонибудь изъ будущей

своей родни; къ нему вскорѣ собираются гости и устраиваютъ танцы, продолжающіеся до обѣда.

По окончаніи обѣда, женихъ, съ своими гостями, отправляется къ себѣ на квартиру, гдѣ продолжается танецъ джогъ; а между тѣмъ онъ посылаетъ шаферовъ съ подарками къ невѣстѣ. Подарки эти состоятъ изъ башмаковъ, чулокъ и разныхъ принадлежностей женскаго туалета; для ея отца куски сукна на конташь (подъ шубы), сапоговъ и пр., а для матери — на платье матеріи и пр. и пр. При врученіи подарковъ, одинъ изъ дружекъ говоритъ опять привѣтствіе. Выслушавъ эту рѣчь и принявъ подарки, невѣста угощаетъ дружекъ и, въ замѣнъ полученныхъ отъ жениха подарковъ, посылаетъ ему свои, которые состоятъ преимущественно изъ мужскаго бѣлья и пр. мужскихъ принадлежностей. Вручая ихъ, шаферъ невѣсты снова говоритъ стихи.

Когда готовъ обѣденный столъ, посаженная мать беретъ невѣсту и приводитъ въ комнаты. Затѣмъ приготавливаются къ прощанію и отъѣзду. Обрядъ этотъ сопровождается торжественностью.

Посрединѣ комнаты ставятъ два стула для родителей невѣсты; женихъ и невѣста, на постланнымъ коврѣ, становятся передъ родителями на колѣни; присутствующіе встаютъ и одинъ изъ дружекъ говоритъ эртычуне (прощаніе), въ которомъ испрашивается у родителей прощеніе и благословленіе.

Во время чтенія эртычуне родители невѣсты и сама она обыкновенно плачутъ; по окончаніи чтенія наступаетъ сцена благословенія. Затѣмъ посаженная мать беретъ невѣсту изъ родительскаго дома и ведетъ ее въ церковь.

Впереди идетъ посаженный отецъ съ женихомъ и парубками; за ними посаженная мать съ невѣстою и ея подругами, а позади ихъ — музыканты. Родители невѣсты не провожаютъ своей дочери и не участвуютъ въ брачной церемоніи. Во время шествія играетъ музы-

ка, а парубки по временамъ всѣ вмѣстѣ издаютъ неистовый, дикій, протяжный крикъ.

По окончаніи обряда, родственники и знакомые, присутствующіе здѣсь, осыпаютъ молодыхъ сѣменами и орѣхами, съ пожеланіемъ имъ счастья.

По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, на порогѣ дома встрѣчаютъ молодыхъ родители жениха съ поздравленіемъ.

Тѣмъ временемъ дружки опять отправляются по деревнѣ и просятъ гостей къ обѣденному столу. Во время этого обѣда одинъ изъ дружекъ съ калачемъ въ одной и тарелкою въ другой рукѣ, обходитъ гостей, даетъ каждому по кренделю; присутствующіе за столомъ кладутъ на тарелку деньги. Деньги эти посаженный отецъ сосчитываетъ и, завязавъ въ платокъ, вручаетъ молодой, послѣ чего посаженная мать, взявъ подъ руку жениха и невѣсту, ведетъ ихъ въ брачную комнату, а между тѣмъ гости расходятся.

Каждый женатый молдаванинъ-селянинъ и каждая замужняя молдаванка хранятъ, какъ драгоценность, обручальное кольцо. Умиравшему надѣваютъ это кольцо на палецъ, ежели онъ снялъ его; и тотъ, кто обмываетъ тѣло усопшаго, что дѣлается всегда людьми посторонними, преимущественно бѣдными, тотъ беретъ это кольцо себѣ, вмѣстѣ съ кускомъ мыла, оставшимся отъ умовенія мертваго. Величайшимъ грѣхомъ считается покрывать покойнаго, особенно лицо, купленнымъ полотномъ; для этого непременно дѣлается полотно дома, которое обыкновенно припасаетъ каждая хозяйка, если можно, изъ своего или изъ купленнаго льна.

Въ старину мертвому надѣвали на голову шапку; но теперь этотъ обычай замѣнился тѣмъ, что шапка кладется возлѣ или чаще подъ голову покойнику.

Понятія молдаванъ-простолудиновъ о будущей жизни заимствованы отъ турокъ, съ примѣсью преданій временъ языческихъ. При выносіи мертваго тѣла, у воротъ стелется кусокъ отъ до 2-хъ до

З-хъ аршинъ новаго полотна или же коверъ, чрезъ который должна пройти погребальная процессія, и потомъ этотъ коверъ или полотно дарится какому нибудь бѣдняку. Значеніе этого обряда выражаетъ какой-то мостъ, чрезъ который душа умершаго должна пройти на тотъ свѣтъ. Въ погребальной процессіи впереди гроба несутъ живаго пѣтуха или курицу, и, по спускѣ тѣла въ могилу, этого пѣтуха или курицу перебрасываютъ черезъ могилу какому-нибудь бѣдняку, съ желаніемъ умершему легкаго воспаренія на небо.

На поминальномъ обѣдѣ по умершемъ, каждому присутствующему дается калачъ со свѣчою и двумя или тремя вѣтками, украшенными различными ягодами, также орѣхами, яблоками и пр., въ ознаменованіе райскихъ деревьевъ.

Священнику, присутствующему на поминкахъ, подается, кромѣ того, утиральникъ и баклажка вина, съ привязанною къ ней вѣткою, украшенною плодами.

На поминальныхъ обѣдахъ не употребляютъ свинины, чтобы не поминать покойнаго нечистымъ животнымъ.

Въ сороковой день по смерти дѣлаются поминки по умершемъ; день этотъ называется мошил. Родственники покойнаго въ этотъ день приглашаютъ знакомыхъ на обѣдъ; повзнуается новый столъ и приборъ, какъ-то: миски, ложки, тарелки, чашки, графины и стаканы, и готовится полная костюмъ мужской или женской, какой носило умершее лицо.

Когда наступаетъ время обѣда, накрываютъ столы; новый же столъ ставятъ отдѣльно поодаль отъ прочихъ и убираютъ его приборомъ, съ кушаньями и напитками. При этомъ приглашается бѣдный селянинъ, котораго одѣваютъ въ одежду, приготовленную съ память покойника (что впрочемъ теперь выводится).

Послѣ совершенія панихиды, приглашенные садятся обѣдать, но съ новому столу никто не прикасается; по окончаніи обѣда этотъ столъ дарится одѣтому въ платье покойника; даритель долженъ три

раза приподнять уголь стола, приговаривая за каждымъ разомъ: «на этомъ свѣтѣ тебѣ, а на томъ свѣтѣ такому-то» (поминая имя умершаго); затѣмъ присутствующіе переносятъ столъ въ домъ получателя, гдѣ также служится молебень.

Въ день поминанія усопшихъ, по выходѣ изъ церкви, на могилахъ служатъ панихиды и въ память умершихъ раздаютъ бѣднымъ кувшины съ виномъ, миски съ разными кушаньями и калачи со свѣчами.

Зажиточные поселяне иногда даютъ бѣднымъ живыхъ домашнихъ птицъ и даже животныхъ: вола, корову и овцу.

Поминающіе своихъ родственниковъ, послѣ панихиды, угощаютъ другъ друга «коливою» (кутья), сдѣланною изъ ячменя и пшеницы съ изюмомъ, а также съ сушеными или свѣжими, смотря по времени, яблоками, грушами, сливами, виноградомъ и проч., которые, по мѣстному обычаю, приносятся въ церковь во время служенія панихиды.

Иные изъ особенной любви къ памяти умершаго, желая участвовать въ благотворительности и не имѣя для того достаточно средствъ, замѣняютъ недостатокъ ихъ собственнымъ своимъ трудомъ: строятъ на проселкахъ мосты или выкапываютъ около дорогъ колодцы. Вотъ почему каждый молдаванинъ, переѣхавши чрезъ новый мостъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ его не было, или напившись воды изъ вырытаго при дорогѣ колодца, непременно скажетъ: «Бо да прости», т. е. Богъ да проститъ, подразумевая того, въ чью память построены мостъ или вырытъ колодезь.

Праздники рождественскіе немного чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ большихъ годовыхъ. У молдаванъ нѣтъ обыкновенія проводить кавунъ Рождества, какъ это дѣлается въ Малороссіи или Польшѣ. Живущіе вблизи границъ Херсонской и Подольской губерній усвоили впрочемъ нѣкоторые обряды, освященные временемъ и принадлежащіе собственно славянскому племени. Такъ коляда на

ЦЫГАНЕ.

МОЛДАВАНЕ.

БОЛГАРЫ.

ГРЕКЪ.

первый день Рождества, путешествіе со звѣздой, щедровка на новый годъ — все это заимствовано изъ быта южноруссовъ

Вечеромъ наканунѣ новаго года молодежь, отъ 13 до 20 и болѣе лѣтъ, раздѣляется на партіи и ходитъ отъ дома къ дому, декламируя подъ окнами разныя легенды, въ которыхъ подчасъ трудно добиться толку. Изъ всей партіи выбирается одинъ развязный и бойкій «войнику» (молодчикъ, боецъ), который декламируетъ страшную чепуху чрезвычайно быстро, отчетливо и безъ запинки: рассказы эти сопровождаются звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей, дружнымъ крикомъ послѣ каждой строфы, произнесенной деревенскимъ ораторомъ-говоруномъ. Рапсодій этихъ на молдаванскомъ языкѣ очень много; всѣ онѣ отличаются легкостью, игривостію воображенія, и для молдаванъ тогда только имѣютъ пріятность, когда рассказчикъ передаетъ ихъ съ особеннымъ выговоромъ, быстро и отчетливо. Рапсодисты молдаванскіе получаютъ обыкновенно въ вознагражденіе нѣсколько копѣекъ и калачъ, которыхъ всегда готовится достаточно при наступленіи праздниковъ.

Молдаванинъ-простолюдинъ, соблюдая всѣ священные обряды и постановленія православной церкви, примѣшиваетъ къ своему вѣрованію и вымыслы народнаго суевѣрія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ повѣрій:

Въ понедѣльникъ молдаванка ни за что не дастъ изъ дому огня, хлѣба, сыра, масла — словомъ ничего изъ собственнаго хозяйства, чтобы не обидѣлъ ея домъ. Въ этотъ же день она не будетъ ничего считать, чтобы не было въ домѣ пропажъ, и если кто вошедшій вздумаетъ что-либо считать изъ ея хозяйства, то, въ отвращеніе зла, она непременно проворчитъ: «считай свои зубы».

Во вторникъ ничего не спуютъ, говоря, что въ этотъ день Богъ началъ основывать небо и землю. Въ субботу ничего не кроютъ, опасаясь, что тотъ, для кого будутъ кроить, непременно скоро умретъ. Принесенную ночью воду молдаване будутъ пить не иначе,

какъ бросивши прежде въ нее три горячихъ угля, потому что въ водѣ ночью сидитъ нечистый духъ, и горячіе уголья, брошенные въ воду съ молитвою, уничтожаютъ его вліяніе. Если пѣтухи поютъ ранѣе обыкновеннаго, то это служитъ признакомъ перемены погоды или тому, что по деревнѣ ходятъ злые люди.

Въ день Рождества Христова молдаване встаютъ какъ можно ранѣе и непремѣнно занимаются какою нибудь работою, напр. хозяинъ рубитъ дрова, пилитъ, долбитъ долотомъ, а хозяйка шьетъ, прядетъ или чешетъ ленъ, для того, чтобы цѣлый годъ легко работалось.

На св. Георгія, 23-го апрѣля, ночью, стерегутъ коровъ, иначе можетъ ихъ выдоить въ эту ночь вѣдьма и цѣлый годъ не будетъ у этихъ коровъ молока.

День святаго Фокя молдаване празднуютъ съ особенною торжественностью. Фокъ, по молдавански, значитъ огонь, и празднованіе этого дня они почитаютъ лучшимъ средствомъ предотвращенія отъ пожаровъ.

Среда на 4-й недѣлѣ Великаго поста и вся недѣля послѣ Духова дня посвящены празднованію русалокъ. Молдаванинъ въ эти дни ничего не работаетъ, а молдаванка до дня русалокъ старается набрать лекарственныхъ травъ, полагая, что съ этого дня теряется ихъ цѣлебность.

Повѣрья молдаванъ о русалкахъ весьма сбивчивы: одни приняли повѣрья о русалкахъ отъ малороссіянъ и считаютъ ихъ утопившимися молодыми дѣвцами; другія вѣрятъ, что дѣти, умершія до крещенія, превращаются въ русалокъ; но болѣе всего русалокъ представляютъ старыми, злыми женщинами, имѣвшими при жизни ихъ сношенія съ нечистымъ духомъ, но за измѣну ему, за ихъ вѣтранный нравъ и за любовь къ мужчинамъ, злой духъ осудилъ ихъ сидѣть на днѣ озеръ и болотъ.

Молдаване вѣрятъ также въ существованіе домового, добраго ду-

ха, который живет во всякомъ домѣ въ видѣ змѣи или ужа, и что онъ своимъ свистомъ даетъ знать хозяевамъ о какомънибудь счастливымъ событіи, которое должно случиться въ ихъ домѣ. Поэтому, чтобы не убить своего домового, они не убиваютъ ужей.

Знать свое будущее каждому любопытно; но мужчина до нѣкоторой степени самъ управляетъ своею будущею судьбою; будущность же молодой женщины, тѣмъ болѣе дѣвушки-поселянки, совершенно зависитъ отъ случая и отъ мужа, какой выпадетъ на долю ея. Поэтому въ дѣвушкѣ молдаванкѣ также развито желаніе скорѣе узнать своего суженаго, какъ и въ дѣвушкахъ другихъ мѣстъ. Средства, употребляемые для этого, почти вездѣ одинаковы: молдаванки также выливаютъ воскъ и олово, подслушиваютъ подъ окномъ, и если услышатъ первое слово «мерзь» (стунай), то ожидаютъ скорого замушества; а если услышатъ «шець» (сиди)—значитъ придется еще сидѣть въ дѣвкахъ. Выйдя ночью на дворъ, дѣвушка прислушивается, какое животное раньше отзовется, и если первая хрюкнетъ свинья, то ее ждетъ невзгода. Изъ мѣстныхъ особенныхъ гаданій извѣстны слѣдующія: дѣвушка беретъ пучекъ бусіока (василька) и красную нитку, выходитъ ночью на дворъ и, зажмуривъ глаза, отыскиваетъ палку, втыкаетъ ее въ землю и привязываетъ къ ней ниткою траву. Если на разсвѣтѣ дѣвушка замѣтитъ на травѣ росу, то значитъ, что она скоро выйдетъ замужъ. Наканунѣ дня св. Андрея или передъ новымъ годомъ, раздѣвшись, дѣвушка-молдаванка выбѣгаетъ на дворъ, и если ей на глаза попадетъ свѣже-срубленный сукъ дерева, то она скоро выйдетъ замужъ за молодого, красиваго и богатаго; или, насыпавши около забора конопля, дѣвушка спимаетъ съ себя рубаху и три раза проводитъ ею по коноплѣ; если ей потомъ приснится хорошо принявшаяся конопля, то ее ждетъ счастье; если же приснится конопля сухая или дурно принявшаяся, — то несчастье и проч.

Простолюдины-молдаване большіе охотники до музыки и пля-

сокъ. Ни одна свадьба, ни одинъ почти праздникъ не обходится безъ вина, музыки и плясокъ. Любимый народный танецъ молдаванъ—джогъ. Онъ совершенно не похожъ на другіе народные танцы; въ немъ нѣтъ ни удали русскаго трепака или казачка, ни смѣсла хоровода или малороссійскаго танца.

Джогъ — нѣчто въ родѣ хоровода; его танцуютъ становясь въ кругъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, взявшись за руки, подъ звуки унылой и тоскливой музыки ходячаго артиста кобзаря-цыгана, вторящаго себѣ свистомъ, а иногда подъ звуки скрипки, въ тактъ, выдѣлываютъ конвульсивныя движенія не только ногами, дѣлая по два шага то вправо, то влѣво, но и руками, махая ими взадъ и впередъ, и даже животомъ, плечами и бедрами, сторбивши часто спину, вытянувши шею и вытаращивши безъ выраженія глаза.

Молдаване имѣютъ очень много народныхъ пѣсень; слогъ нѣкоторыхъ изъ нихъ цвѣтистъ и роскошенъ, какъ природа Бессарабіи; за то многія пѣсни отличаются безсмыслицею припѣва, притомъ же большинство пѣсень начинается съ обращенія къ «фрунзы верди» — къ зеленому листу.

Молдаванскій поетъ свою пѣсню грустнымъ, тяжелымъ, протяжнымъ напѣвомъ, нескончаемымъ, какъ вѣка пережитаго этимъ народомъ горя. Это не грусть удалой, широкой и могучей натуры, выражаемой напѣвомъ русской пѣсни, не тоскливый, трогающій душу, вызывающій слезу, мотивъ украинской народной думы; нѣтъ! это — напѣвъ безвыходнаго горя, убитаго самолюбія.

Въ народныхъ молдаванскихъ пѣсняхъ воспѣвается преимущественно или пастушеская любовь, или любовь чувственная, но вообще пѣсни этого отдѣла большею частію чрезвычайно бѣдны по содержанию. Лучшія изъ пѣсень, это — хоцскія или разбойничьи, а самый незначительный числомъ отдѣлъ пѣсень героическихъ.

ХІХ. ЦЫГАНЕ.

Кто не видѣлъ цыганъ? Кому не приходилось встрѣчаться съ этимъ непосѣднымъ племенемъ? Кажется, нѣтъ народа на свѣтѣ, который бы пользовался такою извѣстностью, какъ цыгане.

Обыкновенно всѣ встрѣчаютъ цыганъ съ нѣкоторою боязнью и съ любопытствомъ. Дѣйствительно, жизнь цыганъ, ихъ привычки, самая наружность ихъ слишкомъ необыкновенны, чтобы не возбуждать въ насъ любопытства. Цыганъ и по характеру, и по наружности, и по образу жизни—по всему противоположенъ русскому человеку. Оттого онъ рѣзко бросается въ глаза и невольно обращаетъ на себя наше вниманіе.

Прежде всего, откуда пришли цыгане? Но они сами не знаютъ, откуда они пришли. Какъ встрѣчаются отдѣльные люди, такъ называемые «непомянціе родства», которые не могутъ сказать, гдѣ они родились и кто именно были ихъ родители, точно также существуетъ на бѣломъ свѣтѣ и цѣлое племя цыганское, забывшее гдѣ его родина, когда оно покинуло ее и есть ли гдѣ-нибудь на свѣтѣ родственныи ему народъ. Сами себя цыгане называютъ «ромманами» т. е. *сынами жены*. Но это все, что могутъ они сказать о своемъ происхожденіи...

Если у самихъ цыганъ успѣло затеряться преданіе о ихъ родинѣ, то тѣмъ болѣе трудно другимъ рѣшить откуда они вышли и есть-ли гдѣ нибудь родственныи имъ народъ. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній по разнымъ странамъ свѣта, между различными народами, цыгане успѣли отчасти измѣнить и свой языкъ, и свои привычки. Они невольно переняли многое отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ жили болѣе или менѣе долгое время; такъ что теперь трудно узнать, какой народъ болѣе другихъ похожъ на нихъ по наружности, по жизни и языку.

Однакоже большинство ученыхъ указываетъ на Индію, какъ на страну, гдѣ прежде жили цыгане. Въ Индіи и теперь есть племена, которыя ведутъ образъ жизни отчасти схожій съ цыганскимъ. Наружность же цыганъ болѣе всего подходитъ въ наружности индійцевъ. Но отъ какого именно племени индійскаго происходятъ цыгане—это до сихъ поръ не рѣшено окончательно.

Не зная навѣрное ни страны, ни племени, въ которомъ принадлежатъ цыгане, еще труднѣе, конечно, рѣшить самый важный вопросъ: что заставило ихъ покинуть свою родину и скитаться между чуждыми имъ народами.

Выходъ цыганъ изъ Индіи, во всякомъ случаѣ, совпадаетъ съ покореніемъ этой страны грознымъ азіатскимъ завоевателемъ—Тимуромъ-ханомъ. Это было въ 1408 году. Одни ученые говорятъ, что цыгане оставили свою родину, спасаясь отъ дикихъ полчищъ свирѣпаго Тимура. Другіе же ученые полагаютъ, что цыгане и на своей родинѣ всегда вели бродячій образъ жизни, занимаясь воровствомъ, гаданіемъ, барышничествомъ и питая неприязнь въ остальнымъ племенамъ Индіи. Немудрено, что съ появленіемъ грозныхъ полчищъ Тимура въ Индіи, хитрые и ловкіе цыгане нашли нужнымъ для своей безопасности добровольно поступить въ нему на службу, въ качествѣ лазутчиковъ и поставщиковъ провіанта на его войска. Такъ какъ занятія эти были выгодны и во многихъ другихъ отношеніяхъ,

и вполне соответствовали правам и образу жизни цыганъ, то послѣдніе охотно оставили Индію, слѣдуя за войсками Тимура и продолжая служить ему лазутчиками и поставщиками. Такъ дошли они съ Тимуромъ до Закавказья, гдѣ и до сихъ поръ осталось ихъ значительное число. Вскорѣ послѣ смерти Тимура, двинулись изъ Азіи въ Европу другія воинственные азіатскія племена — турки. Цыгане пошли и за ними опять въ качествѣ лазутчиковъ и поставщиковъ провіанта. вмѣстѣ съ турками они проникли въ Египетъ и въ южную Европу — на Балканскій полуостровъ. Когда турки окончили свои завоевательные походы и поселились вокругъ нынѣшняго Константинополя, тогда осѣли и цыгане тутъ же — на Балканскомъ полуостровѣ, въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи.

Но многочисленному цыганскому племени, поселившемуся тутъ, вскорѣ показалось тѣсно; а потому они немедленно начали выселяться оттуда, распространяясь небольшими шайками по разнымъ европейскимъ государствамъ.

Таковы предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ о происхожденіи цыганъ.

Каждому можетъ придти на мысль, какъ могло это слабое и невѣжественное племя проникнуть во всѣ образованныя и сильныя европейскія государства? Немудрено, что съ помощью полчищъ Тимура и турокъ имъ удалось пройти изъ Индіи, чрезъ всю Западную Азію, въ Египетъ и на Балканскій полуостровъ. Но какъ они могли пробраться сами, безъ всякой постройней помощи, въ самыя сильныя европейскія земли, напримѣръ, въ Германію, въ Англію, во Францію, въ Россію и проч.

Въ Германіи цыгане появились въ первый разъ на берегахъ р. Эльбы въ 1417 году. Пришли они сюда шайкою чело-вѣкъ въ 300, полунагіе, голодные и покрытые корою грязи... Цыгане показали нѣмцамъ письмо, будто бы польскаго короля, въ которомъ онъ будто-бы рекомендуетъ ихъ нѣмцамъ за прекрас-

нѣйшихъ людей. Письмо это, разумѣется, было поддѣльное. Однакоже нѣмцы повѣрили цыганамъ и добродушно пропустили ихъ къ себѣ. Придя во Францію, цыгане назвались христіанами, будто-бы наложившими на себя, за грѣхи своихъ отцовъ, обѣтъ странствованія по чужимъ землямъ. Французы, дѣйствительно, приняли цыганъ съ жалостью, какъ странниковъ, и прозвали ихъ «кающимися грѣшниками».

Въ Венгріи и Испаніи цыгане назвались египетскими христіанами, прогнанными изъ Египта турками. Поэтому испанцы прозвали ихъ египтянами, а венгерцы — фарановымъ отродьемъ.

При этомъ, смѣтливые цыгане, совсѣмъ не исповѣдывавшіе никакой вѣры, но наученные долгимъ опытомъ, всегда безъ всякихъ отговорокъ наружно принимали вѣру того народа, къ которому приходили. Какъ единовѣрцевъ своихъ еще охотнѣе пропускалъ ихъ къ себѣ всякій народъ.

Хитрые цыгане, придя въ Европу, сейчасъ подмѣтили также, что тутъ большимъ уваженіемъ пользуются разные графы, князья, герцоги и проч. И цыгане сейчасъ же назвали своихъ старшинъ графами, герцогами и даже королями, чтобы и ихъ также уважали. Такъ, они явились въ Швейцарію подъ предводительствомъ какого-то «египетскаго герцога Михаила». Въ Италію пришла подъ предводительствомъ «короля палестинскаго Андрея» большая шайка цыганъ, которая, какъ говорится въ одной старинной лѣтописи, «укра-ла много лошадей».

Скоро подмѣтили они въ Европѣ и знакомыя имъ слабости людей — невѣжество, легковѣріе, любовь къ зрѣлищамъ, хвастливость и тому подобныя недостатки европейскаго чело-вѣка. И цыгане тотчасъ же принялись за ворожбу, гаданіе, танцы, лесть и за прочія занятія, хорошо знакомыя имъ можетъ быть еще въ Индіи. Все это примирило, а даже нѣсколько сблизило европейцевъ съ пришлымъ цыганскимъ племенемъ.

Но ни одинъ народъ не могъ примириться, конечно, съ ихъ бродячей жизнью. Цыгане никогда не были работниками, и, приходя въ какую-нибудь страну, они увеличивали только число ртовъ, а не рабочихъ рукъ. Нужно было кому-нибудь кормить ихъ за ихъ танцы, ворожбу и тому подобныя бесполезныя занятія. Поэтому всѣ правительства скоро начали принуждать ихъ къ работѣ, жить въ домахъ, а не въ палаткахъ. Но никакія принужденія не дѣйствовали на цыганъ, и они оставались по прежнему—танцорами, знахарями, пѣвцами, лошадиными барышниками и скитальщиками. За это упорство ихъ нерѣдко гнали изъ страны въ страну.

Но всего больше доставалось цыганамъ за ихъ ворожбу и гаданіе. Въ старину всѣ вѣрили въ колдовство, и, конечно, сами же обращались къ помощи знахарей. Но это занятіе, во всякомъ случаѣ, было очень опасно. Хорошо, если силѣ знахаря приписывалось какое-нибудь счастливое или пріятное событіе. Тогда знахаря щедро награждали. Но если сваливали на него какое-нибудь несчастіе или народное бѣдствіе? Тогда ужь, конечно, ждала его неминуемая гибель. Оправданій и доказательствъ при этомъ не принималось, такъ какъ знахарю приписывались невозможныя, нечеловѣческія силы. Вотъ почему въ прежнее темное время цыганъ, во многихъ земляхъ, нерѣдко жестоко наказывали за колдовство, сваливая на нихъ вину во всякомъ народномъ бѣдствіи, а иногда даже сжигали ихъ на кострахъ.

Всѣ эти притѣсненія и преслѣдованія цыганъ современемъ, разумѣется, прекратились, и ихъ стали приучать къ осѣдлости и къ труду болѣе разумными и вротными мѣрами.

Въ Россію цыгане пришли также изъ Молдавіи и Валахіи, а отчасти изъ Венгріи и Закавказья. Въ особенности увеличилось у насъ число цыганъ съ присоединеніемъ къ Россіи Бессарабской области, сосѣдней съ Молдавіею и Валахіею. Въ Бессарабіи до сихъ поръ насчитывается ихъ до 16 тысячъ душъ. Вообще цыгане раз-

селились у насъ преимущественно въ южнымъ губерніяхъ. Кромѣ Бессарабіи, они живутъ, напримѣръ, въ Крыму въ числѣ 8,000 тысячъ душъ. Много ихъ расселилось также по губерніямъ Херсонской, Харьковской, Воронежской и въ области Войска Донскаго. Но цыгане встрѣчаются и во всѣхъ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, главнымъ же образомъ въ Московской. Въ самой Москвѣ цыгане съ давнихъ поръ поселились въ значительномъ числѣ въ Грузинахъ и у Патриаршихъ прудовъ.

Въ настоящее время всѣхъ цыганъ считается въ Россіи около 50 тысячъ; но на самомъ дѣлѣ ихъ можетъ быть гораздо больше, такъ какъ перечислить все это бродячее племя весьма трудно.

Давно уже живутъ цыгане въ Россіи. Могли за это время присмотрѣться къ жизни болѣе удобной, чѣмъ ихъ собственная бродячая жизнь. Однакожь они остались у насъ такими же, какими были, можетъ быть, еще ихъ индійскіе предки.

Почти вездѣ въ Россіи цыгане до сихъ поръ живутъ по своему, болѣе или менѣе одинаково. Только въ мелочахъ они должны были позаимствоваться отъ тѣхъ странъ и людей, среди которыхъ жили напр., въ одеждѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ и т. п. Но суть цыгана осталась повсюду прежняя. На самомъ дѣлѣ онъ до сихъ поръ тотъ же, какимъ и явился въ Россію: все также чуждается народовъ, не принадлежащихъ къ его племени, все также пренебрегаетъ трудомъ и все также ловокъ и хитеръ въ своихъ бесполезныхъ, а иногда и вредныхъ для другихъ занятіяхъ.

Самая наружность цыганъ вполне сохранилась до сихъ поръ. Лицо цыгана необыкновенно смугло, какого-то желто-бураго цвѣта, съ небольшимъ согнутымъ носомъ, правильнымъ ртомъ и необыкновенно бѣлыми зубами. Голова его покрыта густыми, жесткими и черными какъ смоль волосами; глаза—большіе, черные и свѣтятся то дикостью и боязнью, то хитростью и лукавствомъ, а гибкій и стройный станъ цыганъ обнаруживаетъ необыкновенную живость и лов-

кость этого племени, столь рѣзко отличающія ихъ отъ окружающихъ племенъ.

Изъ всѣхъ занятій, свойственныхъ народамъ осѣдлымъ, цыгане могли приноровиться только къ торговлѣ и нѣкоторымъ ремесламъ. Бродячая жизнь цыганъ въ особенности способствовала имъ занятію торговлею. При постоянныхъ переходахъ отъ одного народа къ другому, имъ можно было захватывать съ собою произведенія одной страны и обмѣнивать ихъ на произведенія другой. Быть цыгана всего ближе подходитъ къ быту странствующаго торговца или купца, закупающаго товаръ въ одномъ мѣстѣ и сбывающаго его — въ другомъ. Притомъ, цыгане вѣчно толкались между разными государствами, а потому не могли не присмотрѣться къ тѣмъ торговымъ сношеніямъ, какія всегда существуютъ между сосѣдними народами.

Дѣйствительно, всѣмъ извѣстна страсть цыганъ къ торговлѣ или мѣнѣ лошадами. Долгій опытъ и навыкъ изловчилъ ихъ въ этомъ дѣлѣ даже болѣе, чѣмъ кого либо другого. Цыганъ не только знаетъ лошадей, но онъ еще умѣетъ выгодно сбывать ихъ. Но при этомъ замѣчательно, что лошадь почти единственный товаръ, которымъ торгуютъ цыгане. Это зависитъ можетъ быть отъ того, что товаръ этотъ всего ближе подходитъ къ бродячему быту цыганъ. Лошадь не требуетъ, для ея сохраненія, ни амбаровъ, ни другихъ зданій, которыхъ не можетъ имѣть скиталецъ — цыганъ. Маленькій влочекъ земли, покрытый хотя-бы тощею травою и помѣщающійся подъ открытымъ небомъ, вполне достаточенъ для временнаго помѣщенія и прокормленія цыганской лошади. Кромѣ того, этотъ товаръ не требуетъ и перевозки для себя: лошадь охотно сама идетъ за убогой повозкою кочующаго цыгана... Наконецъ она постоянно необходима и въ самомъ быту цыганскомъ, вотъ почему всѣ цыгане крѣпко и съ особенной любовью держатся почти единственнаго предмета своей торговли — лошадей.

Что же касается до ремеселъ, какими занимаются цыгане, то и они не многочисленны и не хитры. Собственно говоря, для всѣхъ бродячихъ цыганъ существуетъ только одно ремесло — это кузнечество.

Кузнечество и составляетъ, послѣ торговли лошадьми, занятіе почти всѣхъ цыганъ. Къ этому занятію какъ-бы призываетъ ихъ и тотъ неугасимый костеръ, который горитъ постоянно въ цыганскомъ шатрѣ. Да и по простотѣ своей, кузнечество сподручнѣе другихъ занятій для бродячаго цыгана. Мѣхи кузнечные, молотокъ и небольшая наковальня — немного займутъ мѣста въ его повозкѣ. Въ Бессарабіи и Крыму можно встрѣтить даже пѣшихъ цыганъ - ковалей, которые на себѣ носятъ всѣ принадлежности кузницы: вмѣсто наковальни несетъ онъ камень; съ боку прицѣплены щипцы и терпугъ; прибавьте къ этому — уголья, молотокъ и мѣхи изъ козвей шкуры шерстью вверхъ: вотъ и всѣ его снаряды. Съ такою кузницею цыганъ-коваль можетъ расположиться въ любомъ мѣстѣ, и тотчасъ же начать работу. При томъ самый матеріалъ для такого занятія — желѣзо — столь распространенный предметъ, что въ рѣдкой странѣ его нельзя добыть.

А главное, кузнечество такое ремесло, безъ котораго нельзя обойтись даже въ бродячемъ цыганскомъ быту, гдѣ постоянно требуется кузнецъ: или для подбывыванья лошадей, или для починки телѣгъ и проч.

Все это побудило цыганъ приняться за кузнечество. Но на этомъ кузнечномъ ремеслѣ кончатся почти всѣ ремесла цыганъ. Другими какиминибудь ремеслами они рѣдко занимаются. Да и самымъ кузнечнымъ дѣломъ, точно также, какъ и торговлею лошадьми, цыгане никогда не могли заняться какъ слѣдуетъ. Всякое занятіе, ремесло или тѣ, или торговля, непременно требуетъ постоянной и усидчивой работы. Цыганами же, которые большую часть времени проводятъ въ переходѣ съ мѣста на мѣсто и только изрѣдка принимаются за

работу, занятія эти не могутъ, конечно, приносить большихъ выгодъ.

Отсутствіе родины должно было имѣть большое значеніе для всего быта цыганъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій народъ, живущій постоянно только въ одной какой нибудь странѣ, всегда сживается съ нею на столько, что питаетъ непобѣдимую привязанность къ своей родинѣ.

Вѣчно скитаясь по чужимъ землямъ, цыгане не могли, разумеется, привязаться ни къ одной странѣ. Имъ незнакома любовь къ родинѣ, которою отличаются всѣ осѣдлые и даже кочующіе народы, занимающіе все-таки одну какую нибудь страну. Точно также незнакомо цыгану и слово — «землякъ». Нѣтъ у него родины, нѣтъ и земляковъ. Поэтому для цыгана въ какой бы онъ странѣ ни находился, — одинаково чужды всѣ народы. Цыгане никогда ни съ какимъ народомъ не работали надъ общинъ дѣломъ, ни съ кѣмъ совместно не трудились надъ устройствомъ чего либо полезнаго въ странѣ, не заботились о ея благѣ, словомъ, цыгане ни съ какимъ народомъ не связаны общими интересами, поэтому цыгане и не чувствуютъ никакой пріязни къ народамъ, принадлежащимъ къ ихъ племени, хотя-бы и живущимъ съ ними въ одной странѣ. За то свое племя, свой народъ для нихъ дорогъ и пріятенъ. Цыгане всегда имѣли общія выгоды только между собою, и лишь между собою дѣлили они и общія нужды, радости и печали. Для цыганъ племя какъ-бы замѣняетъ и родину, и земляковъ, и все на свѣтѣ. Сходство въ языкѣ, въ наружности и обычаяхъ — вотъ что указываетъ имъ *своего* человѣка. И, не смотря на разсѣяніе цыганъ почти по всему лицу земли, они все-таки питаютъ какую-то необыкновенную любовь къ своимъ одноплеменникамъ. Сторонясь всѣхъ другихъ народовъ, цыганъ тѣмъ тѣснѣе жметса къ своему цыганскому племени. И нужно видѣть, какимъ восторгомъ и радостью разгораются ихъ глаза, когда они увидятъ своего одноплеменника, пришедшаго къ нимъ изъ ка-

кой нибудь далекой страны. Вотъ что рассказываетъ про московскихъ цыганъ одинъ англичанинъ, умѣвшій говорить по цыгански и пріѣзжавшій въ 1848 г. въ Москву проповѣдывать имъ Евангеліе: «Лишь только я появился (въ Марьиной рошѣ, гдѣ стоялъ цыганскій таборъ), цыгане высыпали изъ своихъ шатровъ и обступили меня; я привѣтствовалъ ихъ на языкѣ англійскихъ цыганъ, стоя въ коляскѣ. Вдругъ раздался крикъ удивленія и радости.... «О; какъ мы тебя любимъ!» воскликнули цыгане, принявъ этого англичанина, по его языку и наружности, за своего одноплеменника.

Сильная привязанность къ своему племени и отчужденность отъ всѣхъ другихъ народовъ и составляютъ, такъ сказать, корень всей цыганской жизни. Въ этой *племенной жизни* заключается также и *особенности* цыганскаго быта.

Для нихъ чужды не только всѣ страны и народы, но и всѣ ихъ обычаи; для нихъ не имѣютъ никакого значенія даже права и обязанности людей, принадлежащихъ къ ихъ племени. Они подчиняются только своимъ обычаямъ, какіе сложились между ихъ племенемъ, и уважаютъ права только своихъ одноплеменниковъ. Напримѣръ, обмануть своего одноплеменника, или украсть у него что нибудь — цыгане считаютъ тяжкимъ и даже невозможнымъ проступкомъ; обмануть же какого нибудь иноплеменника для нихъ — ничего не значить.

Даже честь и достоинство человѣческое цыгане соблюдаютъ только между собою, между своими одноплеменниками. Если оскорбитъ или обидитъ цыгана какой нибудь человѣкъ, чуждый его племени, онъ даже и мстить ему не будетъ за это, все равно какъ не обращаетъ онъ вниманія на лай собаки. Развѣ только изъ за денежнаго вознагражденія онъ сочтетъ нужнымъ пожаловаться на него въ судъ. Когда же нанесетъ оскорбленіе цыгану его же одноплеменникъ,

тогда онъ на самомъ дѣлѣ обидится и будетъ мстить за это оскорбленіе безъ всякой корыстной цѣли.

Мы видѣли, что цыгане, при своей бродячей жизни, могли научиться только торговлѣ лошадьми да нѣкоторымъ немудренымъ ремесламъ. Даже и на эти промыслы они смотрятъ не какъ на полезныя для всѣхъ, а какъ на выгодныя только для ихъ племени. Поэтому обмануть при продажѣ лошади или какогонибудь издѣлія, и выпросить при этомъ лишнее — для цыганъ составляетъ даже главное дѣло.

Цыгане торгуютъ лошадьми преимущественно на ярмаркахъ. Отправляясь на ярмарку, они обыкновенно скупаютъ по деревнямъ измороженныхъ или порченныхъ лошадей, часто захватываютъ съ собою отставшихъ отъ обоза или забѣжавшихъ куданибудь въ заолустье коней; всѣхъ ихъ они откармливаютъ иногда одними лишь лолухами, чтобы лошадь только казалась сытою; нерѣдко заливаютъ ее водкою, чтобы она была бодрѣе, подкрашиваютъ шерсть и т. п. Такихъ-то лошадей цыгане и ведутъ на ярмарку, стараясь вымѣнять ихъ на лучшихъ коней и получить при этомъ придачу.

Точно также ведутъ цыгане и другой свой промыселъ — кузнечество. У цыгана-ковала прежде всего матеріалъ для работы почти всегда некупленный. Переходя съ своимъ шатромъ съ мѣста на мѣсто, онъ обыкновенно захватываетъ съ собою по дорогѣ всякій кусокъ желѣза, выброшенный кѣмънибудь, какъ никуда негодная вещь, или плохо прибитый гвоздемъ къ какомунибудь сараю, колесу и т. п.; забираетъ съ собою, если попадется, даже крестъ желѣзный съ могилы. За то онъ и беретъ дешево за свою работу, почему многіе охотно идутъ къ нему съ заказами. Но работа цыганъ-ковалей все-таки плохая. Они занимаются ею больше для того, чтобы воспользоваться случаемъ выпросить что-нибудь. Чтобы получить что-нибудь, собственно говоря — даромъ, цыгане прибѣгаютъ въ разнымъ способамъ и средствамъ. Напр., на тѣхъ

же ярмаркахъ, на которыхъ они сбываютъ своихъ лошадей, цыгане, выбравъ какое-нибудь людное мѣсто, разставляютъ тутъ столики и посыпаютъ на нихъ разные фокусы. Смотрѣть на эти штуки сходится обыкновенно большая толпа любопытныхъ, и многіе проигрываютъ имъ деньги.

Сюда же на ярмарки, въ особенности на малороссійскія, приходятъ за сборомъ подаяній множество цыгановъ-гадалокъ. Эти «седьмья дочери седьмыхъ дочерей», какъ онѣ сами себя называютъ, выбравъ людное мѣсто на ярмаркѣ, садятся рядами на корточки, и уже однимъ своимъ таинственнымъ видомъ привлекаютъ къ себѣ многіхъ охотниковъ и охотницъ до ворожбы и гаданія. Другія же цыганки ходятъ по лавкамъ и возамъ, просто выпрашивая милостыню.

Также промышляютъ цыгане и цыганки по деревнямъ, во время своихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто.

Въ особенности ловко цыгане пользуются невѣдѣніемъ, суевѣріемъ, легковѣріемъ, хвастливостью и т. под. слабостями русскаго человѣка. Вѣрять, напр., русскій человѣкъ въ колдовство, и цыганка готова наворожить ему съ три короба; любить русскій человѣкъ похвастаться, и цыганъ нахвалитъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, лишь бы далъ онъ за это денегъ, или же побьется съ нимъ «объ закладъ», что онъ де вотъ того-то не сможетъ сдѣлать и проч. Мало знаетъ, мало видѣлъ и читалъ русскій человѣкъ, и цыганъ, подмѣтивъ это, расскажетъ ему что-нибудь такое, чего и быть никогда не могло, и т. д. Цыгане подмѣтили даже въ нашемъ простомъ народѣ неприязнь свекровей къ невѣсткамъ и стараются воспользоваться и этою слабостью русскіхъ людей. Часто какая-нибудь молодая цыганка съ распущенными волосами и испаряннымъ лицомъ съ плачемъ и воемъ ходитъ по крестьянскимъ дворамъ и жалуется на свекровь свою, что та будто-бы избивала ее за то, что она не умѣетъ выпра-

шивать милостыни. Крестьянки наши навѣрное сжалятся надъ за-
панною свекровью невѣсткою и чтонибудь подадутъ ей.

Подобными слабостями людей, а также и разными общественны-
ми недостатками и пользуются цыгане, чтобы кормиться даромъ и
жить на счетъ другихъ.

Успѣху всѣхъ цыганскихъ промысловъ, каковы-бы они ни были,
много содѣйствуетъ также то, что цыгане ведутъ ихъ не въ оди-
начку, а соединившись вмѣстѣ — общинами или союзами. Даже на
простое попрошайничество цыганъ рѣдко пускается одинъ, а обык-
новенно вдвоемъ, втроемъ и т. д., при чемъ одни изъ цыганъ ста-
раются какимъ-нибудь способомъ привлечь къ себѣ побольше людей,
или развлечь ихъ чѣмъ-нибудь, а другіе, пользуясь этимъ, прини-
маются за выпрашивание, за гаданіе и проч.

Обыкновенно же цыгане пускаются на промыселъ цѣлымъ табо-
ромъ, т. е. союзомъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Во время остано-
вки, каждое семейство помѣщается обыкновенно въ своемъ отдѣль-
номъ шатрѣ, и большой таборъ состоитъ иногда шатровъ изъ соро-
ка. Таборъ выбираетъ изъ себя начальника, или судью — «вайду». Его
всегда можно узнать по наружному виду. Это обыкновенно мужчи-
на среднихъ лѣтъ, всегда красивѣе другихъ и одѣтъ щегольски:
длинные волосы его постоянно расчесаны и носятъ онъ въ рукахъ
трость съ серебряною рукояткою и кисточками — это знакъ его
достоинства. Вайда зорко смотритъ за таборомъ и ни кто безъ его
позволенія не смѣетъ отлучиться съ мѣста стоянки. Къ своимъ на-
чальникамъ цыгане вообще относятся съ какимъ-то благоговѣніемъ.
Любя свое племя, они тѣмъ болѣе любятъ своего начальника, какъ
живаго представителя этого племени.

Расположившись таборомъ гдѣ-нибудь по близости города, или се-
ла, цыгане тотчасъ же отправляются на промыселъ: мужчины мѣнять
лошадей, сбывать кузнечныя издѣлія и проч., а женщины просить
милостыню, гадать и т. п. При этомъ всѣ члены табора дѣйствуютъ

обыкновенно сообща, взаимно помогаютъ другъ другу и строго со-
храняютъ свои тайны. Малѣйшее же несогласіе между ними вайда
старается немедленно устранить. Онъ разбираетъ ихъ на основаніи
ихъ обычаевъ, которымъ цыгане подчиняются безпрекословно. Все,
набранное общими усилиями, цыгане дѣлятъ между собою.

Иногда входятъ въ связь между собою даже нѣсколько таекихъ
таборовъ, разбѣянныхъ часто по разнымъ губерніямъ. Напримѣръ,
лошадиные барышники, расположившись отдѣльными таборами по
границамъ двухъ или трехъ губерній, входятъ между собою въ тѣс-
ное сношеніе и, пользуясь этимъ, быстро передаютъ лошадей съ одно-
го конца на другой, за сотни верстъ.

Не смотря на ловкость и умѣнье цыганъ дѣйствовать сообща въ
своихъ промыслахъ, общественный бытъ этого племени все-таки
имѣлъ всегда самое простое устройство, какое встрѣчается только у
самыхъ дикихъ народовъ, недодумавшихся даже до необходимости
обладать какою-нибудь странною и подчинить себѣ ея природу и
произведенія.

Цыгане не только никогда не жили государствами, но и ро-
доваго быта никогда не знали. Все племя цыганъ дѣлилось всегда
прямо на семьи; въ семейномъ бытѣ и заключалось все ихъ обще-
ственное устройство. Поэтому глава цыганскаго семейства считаетъ
себя не только отцомъ, т. е. кормильцемъ и воспитателемъ дѣтей,
но и ихъ судьей и начальникомъ. Въ своемъ семействѣ онъ считаетъ
себя полновластнымъ господиномъ, не только надъ дѣтьми, но и
надъ женою, надъ матерью, надъ сестрами и прочими членами семьи,
и въ управленіи надъ ними не подчиняется даже племенному на-
чальнику. Такое общественное устройство встрѣчается только у
самыхъ дикихъ народовъ.

Крайняя дикость проглядываетъ и во всемъ остальномъ бытѣ
цыганъ. Ничего не понимая въ христіанской вѣрѣ, цыганъ обы-
кновенно охотно принимаетъ ее, но только лишь наружно. Онъ

даже и не различает при этомъ, какую онъ принимаетъ вѣру: — для него всё вѣры одинаковы непонятны; онъ и смотритъ только, которая для него выгоднѣе. Не даромъ, у насъ въ Малороссіи сложилась поговорка про цыганъ, что они на вопросъ: къ какой вѣрѣ принадлежишь, — отвѣчаютъ будто-бы такъ: «А якой тобі, батечку, треба?» т. е. «къ какой тебѣ, батюшка, угодно?....»

Понятно, что послѣ всего этого не можетъ быть много свѣту въ цыганской жизни. Всѣ цыгане крайне суевѣрны и на каждомъ шагу мерещатся имъ злые духи. Цыганъ не можетъ даже оставаться одинъ въ полѣ съ лошадьми. Какъ только наступаетъ ночная темнота, на него находятъ непобѣдимый страхъ и онъ во весь духъ пускается бѣжать безъ оглядки къ своему шатру, оставляя табунъ лошадей на съѣденіе волкамъ.... Точно также было-бы ошибочно думать, что цыгане сами не вѣрятъ въ ворожбу, или гаданіе, которыми они вводятъ въ обманъ другихъ людей. Ужь если болѣе ихъ образованный русскій человѣкъ — вѣритъ въ гаданіе, то полудиваръ — цыганъ еще больше. Конечно онъ смѣется надъ этою ворожбою, которою вводитъ въ ясный обманъ всѣхъ иноплеменниковъ, но за то крѣпко вѣритъ въ то гаданье, которое совершаетъ для себя. Какая нибудь старая, дряхлая, безобразная цыганка садится къ костру, накуривается до одурѣнія табаку или напивается до безобразія водки, и, придя въ безпамятство и изступленіе, начинаетъ прорицать.... Этотъ-то бредъ обезумѣвшей старухи цыгане и слушаютъ со страхомъ и благовѣніемъ.

Въ семейной жизни цыганъ также немного чистоты, или свѣту. При заключеніи браковъ они не придерживаются почти никакихъ правилъ или обрядовъ. Мальчикъ лѣтъ 13—14 уже приписывается самъ отыскивать себѣ подругу жизни, какую нибудь дѣвочку лѣтъ 11—12. Родственница ему, или нѣтъ эта дѣвушка, цыгану рѣши-

тельно все равно. Испросивши согласіе ея отца, онъ на другой же день беретъ ее въ свой шатеръ.

Жену свою цыганъ держитъ въ полномъ подчиненіи себѣ и часто жестоко бьетъ ее. По обычаю всѣхъ полудикихъ племенъ, цыганскія женщины обыкновенно должны больше заботиться о мужьяхъ, чѣмъ о самихъ себѣ.

Воспитаніемъ дѣтей цыгане также не занимаются. Приучивъ ребенка къ ловкости и обману, во всемъ остальномъ родители обыкновенно оставляютъ ихъ на произволъ судьбы и безъ всякаго присмотра. О чтеніи и письмѣ, разумѣется, и помину у нихъ нѣтъ.

Едва ли также есть на свѣтѣ народъ бѣднѣе цыганскаго племени. Не имѣя постоянной работы и проводя большую часть жизни въ переходахъ съ мѣста на мѣсто, цыгане не могутъ, конечно, получать и постоянныхъ или вѣрныхъ доходовъ. Цыгану приноситъ доходъ — случай, а разъ приобрѣтя что нибудь, цыганъ долженъ дожидаться уже другаго такого случая. При этомъ цыгане отличаются еще крайнею безпечностью, которая, такъ сказать, удваиваетъ ихъ бѣдность. Цыганъ мало заботится не только о своемъ семействѣ, но и о самомъ себѣ. Безпечность — есть свойство уже всѣхъ кочующихъ и бродящихъ племенъ, — а цыганъ, тѣмъ болѣе.

Въ особенности бѣдны цыгане тамъ, гдѣ ихъ много свучивается въ одной мѣстности, какъ напр. въ Бессарабіи и Крыму. Самое лучшее жилище бессарабскаго, такъ называемаго «плащеватаго» цыгана, или «фараона» — это «бурдея». Цыганъ врываетъ въ землю четыре столба, обкладываетъ ихъ жердями, все это обмазываетъ грязью; сверху кладетъ хворостъ и на него наваливаетъ землю — и «бурдея» готова. Въ этомъ жилищѣ, безъ полу, безъ оконъ, съ разведеннымъ костромъ посреди земляного пола, и съ какой-то узкою щелью вмѣсто двери, и въ этомъ-то жилищѣ и помѣщается цыганъ со всемъ своимъ семействомъ на зиму. Такъ обстроены въ Бессарабіи нѣсколько цыганскихъ деревень, изъ которыхъ только одна считается богатую

—это *Меклауиенъе*. Но большинство цыганъ повсюду живутъ и зиму и лѣто въ шатрахъ, въ этихъ жалкихъ жилищахъ, изъ которыхъ каждому цѣна много-много *1 рубль*. Пойдетъ цыганъ зимою въ поле, выберетъ мѣсто, закрытое отъ холодныхъ вѣтровъ, обыкновенно гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса; раскопаетъ снѣгъ и ставитъ тутъ свою телѣгу, оглоблями вверхъ. Надъ телѣгой раскидываетъ шатеръ изъ какого нибудь грязнаго заплатаннаго полотна; накидывая его на жердц, поставленныя козлами такъ, чтобы передъ телѣги съ оглоблями выходили наружу, а отверстія шатра къ югу. Телѣга служитъ постелью для главы семейства, а остальные члены семьи должны спать на голой землѣ, вповалку, какъ кому придется.

Посреди шатра разводятъ костеръ, огонь въ которомъ поддерживаютъ и день и ночь, чтобы отогрѣвать озябшіе члены.

Одежда бродячихъ цыганъ также неприхотлива. Дѣти цыганскія обыкновенно лѣтъ до 6 или 7 не носятъ никакой одежды и ходятъ совсѣмъ голыя, лѣтомъ или зимою—все равно. Для цыганенка даже ничего не значить пробѣгать съ полчаса или болѣе по снѣгу совершенно голымъ и босымъ. Отогрѣвшись въ шатрѣ у костра, онъ можетъ опять бѣгать по снѣгу столько же. Только въ самые сильные морозы цыганка-мать кладетъ ребенка въ подушки, которыхъ обыкновенно онѣ много имѣютъ съ этою цѣлью. Взрослые же цыгане ходятъ въ разныхъ лохмотьяхъ и обыкновенно съ открытою грудью. Цыганъ надѣваетъ на себя платье сильно уже поношенное и добытое гдѣ нибудь готовымъ. Сами она не шьютъ себѣ ничего, да и шить не умѣютъ. А что разъ надѣлъ на себѣ цыганъ, то и носить до тѣхъ поръ, пока платье само не свалится съ плечъ...

И все-то имущество бродячаго цыгана—невелико. Сбруя конская, вѣжа разнаго лохмотья, лошадь да собака подлѣ шатра: вотъ и все его обзаведеніе.

На пищу цыгане также не разборчивы. Пища эта вполне соответствуетъ ихъ бродячему быту. Они все ѣдятъ, что только попадется

имъ подъ руку. Хлѣба они, конечно, сами никогда не пекутъ, а пользуются готовымъ — сборнымъ. Если есть обѣдъ, цыгане размѣщаются вокругъ костра, и обѣдаютъ, по восточному, въ полулежащемъ положеніи. Если найдется при этомъ одинъ ножъ и одна ложка на все семейство, то цыгане счастливы. Посуды они никогда не моютъ, хотя-бы изъ нея только сейчасъ ѣла собака или свинья, которыми они постоянно отдаютъ остатки отъ обѣда.

Точно также никогда не моютъ они ни лица, ни бѣлья, которое носятъ на себѣ, какъ-бы оно ни было грязно. Цыгана смочить дождикъ, обсушить солнце, а вѣтеръ сдуетъ съ одежды пыль, вотъ и все его умовеніе, или чищеніе. Неопрятность, какъ и беззачетность, свойственна вообще всѣмъ бродячимъ и кочевымъ народамъ. Постоянно мѣняя мѣстожительства и помѣщаясь всегда на голой землѣ въ пыли и грязи, они, конечно, и не могутъ получить привычки къ чистотѣ и опрятности.

Цыгане всѣ, безъ исключенія, курятъ. Сидитъ, напримѣръ, у костра безобразная старуха - цыганка и непремѣнно съ трубкою въ зубахъ; идетъ съ кувшиномъ за водою молоденькая цыганка-дѣвушка также съ трубкою въ зубахъ; бѣгаетъ вокругъ шатра голый цыганенокъ лѣтъ 5—также съ трубкою, или папирскою во рту. Женщины—цыганки съ наслажденіемъ жуютъ и даже глотаютъ табакъ, не разбирая при этомъ ни листьевъ, ни стебельковъ. Мужчины-же цыгане обыкновенно курятъ изъ деревянной короткой трубки. Чѣмъ дольше служитъ эта трубка, чѣмъ больше пропиталась она табачнымъ сокомъ, тѣмъ дороже они цѣнятъ ее. Голодный цыганъ не только куритъ изъ такой трубки, но и съ наслажденіемъ, понемножку, грызетъ ее, лишь изрѣдка заливая горькій сокъ водою. Имѣя такую трубку, цыганъ можетъ ничего не ѣсть цѣлыя сутки...

Но особенно любятъ онъ водку. Когда цыганъ раздобудетъ много вина, онъ начинаетъ отъ радости кричать, пѣть, плясать, даже плакать, показывая обильными слезами, какъ ему хорошо... Онъ хва-

таетъ тогда балайку, извлекаетъ изъ струнъ ея какіе-то бѣшенныя звуки, и пляшетъ въ присядку до тѣхъ поръ, пока свалится....

Въ непритворномъ веселіи цыгана обыкновенно принимаетъ участіе не только семья, но и весь таборъ. И мужчины, и женщины (въ красныхъ шалахъ, перекинутыхъ черезъ одно плечо), и дѣти—всѣ начинаютъ пѣть, плясать, хлопать въ ладоши и проч.

Нѣкоторыя кочевныя племена начинаютъ понемногу переходить къ осѣдлой русской жизни и принимаются за земледѣліе. Цыгане же все остаются тѣмъ-же чѣмъ и были, не смотря на то, что въ Россіи имъ даны права одинаковыя съ русскими.... Чтобы приучить ихъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Бессарабіи, строили имъ большія новыя избы на казенный счетъ, давали даромъ плугъ, борону, разныя хозяйственныя принадлежности и денегъ въ ссуду безъ процентовъ. Но каждый разъ, какъ только пріѣзжали на повѣрку, въ домахъ не оказывалось ни плуговъ, ни боронъ, ни хлѣба, а часто и самихъ цыганъ не было уже на мѣстѣ....

Къ нѣкоторой перемѣнѣ быта побуждаютъ ихъ пока лишь собственныя нужды. Голодная и холодная жизнь бродячихъ цыганъ, разумѣется, не проходитъ имъ даромъ. Правда, они не часто хвораютъ, но за то если разъ заболѣлъ цыганъ, то ужь рѣдко выздоравливаетъ. Лечатся они обыкновенно разными снадобьями собственнаго изобрѣтенія. Шафранъ, похлебка съ перцемъ и кровопусканіе—вотъ всегдашнія цыганскія лекарства, которыя быстро помогаютъ имъ отправляться на тотъ свѣтъ.

Между тѣмъ цыгане, страстно привязанные къ грубымъ удовольствіямъ жизни, боятся разстаться съ нею. Мысль о близости смерти наводитъ на цыгана непреодолимый страхъ. Какъ только родственники больного замѣтятъ, что лекарства не помогаютъ ему, что смерть близка,—тотчасъ-же поднимаютъ они отчаянный плачъ и вой. Женщины рвутъ на себѣ одежду и волосы. Самъ умирающій, въ приливѣ

лютой тоски и смертельномъ страхѣ, раздражается страшными рыданіями и стонами.

Похороны цыганъ сопровождаются, обыкновенно, тѣмъ-же отчаяніемъ и дикимъ воплемъ. Только при погребеніи какого нибудь предводителя табора, цыгане соблюдаютъ тихую, торжественную церемонію. Съ благоговѣніемъ опускаютъ они въ могилу тѣло представителя ихъ племени, и лицо cadaго изъ участвовавшихъ въ этомъ цыганъ принимаетъ на довольно долгое время выраженіе какого-то таинственнаго раздумья.

Страхъ и слезы проглядываютъ даже въ веселіи цыганъ. Цыганъ пляшетъ порывисто, дико, какъ-то отчаянно и неумоимо. Пѣсни его отличаются также дикими, потрясающими вскрикиваніями и иногда раздирающими душу завываньями. Но кромѣ наклонности къ пѣнію и пляскѣ, цыгане отличаются также любовью и способностью къ музыкѣ. Какъ и во всемъ, цыганъ искренно и съ увлеченіемъ играетъ и на скрипкѣ только у себя дома, между своими одноплеменниками,—и послушайте здѣсь даже обыкновеннаго скрипача—цыгана: сначала онъ разгорается какимъ-то дикимъ, страстнымъ огнемъ. Съ быстротою и неудержимою силой рвутся съ его скрипки звуки. Но постепенно скрипачъ какъ будто ослабѣваетъ; мало по малу, уныло и печально становится его игра. Тогда цыганъ даетъ полную волю слезамъ, и слезы эти мѣрно капаютъ на его открытую смуглую грудь.....

Цыганъ до сихъ поръ не былъ работникомъ и помощникомъ народу въ его трудовой жизни. Но онъ не потерялъ всѣхъ способностей къ этой работѣ. Напротивъ, необыкновенная смѣтливость и разнообразныя дарованія цыганъ могутъ сдѣлать ихъ весьма полезными работниками у насъ, какими они уже озапались во многихъ иностранныхъ государствахъ.

БОЛГАРЫ. *)

Историческій очеркъ судьбы болгаръ.—Ихъ переселеніе въ Россію.

Во многихъ мѣстахъ южной Россіи, преимущественно-же въ губерніяхъ Бессарабской и Екатеринославской, разсыпаны довольно многочисленныя колоніи болгаръ, представляющія въ своей совокупности населеніе свыше девяноста тысячъ душъ обоого пола. Все это выходцы изъ Европейской Турціи, поселившіеся въ теченіи послѣднихъ полутора вѣка въ пустынныхъ тогда еще мѣстностяхъ нашего юга и успѣвшіе, благодаря щедрой поддержкѣ и покровительству русскаго правительства, достигнуть довольно значительнаго процвѣтанія.

Болгары составляютъ одно изъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ, живущихъ за предѣлами Русскаго государства. Въ числѣ отъ пяти до шести милліоновъ душъ обоого пола, болгары занимаютъ

*) Этотъ очеркъ составленъ по Канитцу (Дунайская Болгарія), и потому касается не только болгаръ, живущихъ въ Россіи, но и населяющихъ Турцію.

обширное пространство земли къ югу отъ р. Дуная, по сю и по ту сторону Балканскихъ горъ.

Въ числѣ другихъ славянскихъ племенъ болгары поселились на Дунаѣ съ давнихъ временъ, относительно которыхъ нѣтъ точныхъ историческихъ указаній. Какъ и всѣ славянскія племена, они составляли отдѣльныя, немногочисленныя родовыя группы, хотя и имѣвшія своихъ представителей власти, но не составляли одного цѣлаго въ политическомъ отношеніи, признавая номинально власть императоровъ греческихъ. Въ продолжительныхъ войнахъ болгаръ съ греками много разъ побѣда оставалась на сторонѣ грековъ и на сторонѣ болгаръ. Когда побѣждали болгары—они брали съ грековъ богатыя дани, неоднократно угрожая самой столицѣ ихъ Константинополю; когда побѣждали греки, они съ своей стороны ходили въ землю болгаръ, разоряли жителей и облагали ихъ тяжкими податями. Въ концѣ концовъ первенство осталось на сторонѣ грековъ и болгары подчинились имъ. Много, конечно, этому помогло и то обстоятельство, что греки, не смотря на свою слабость, въ это время были все-таки народъ образованный и отъ нихъ болгары должны были заимствовать образованіе; наконецъ чрезъ грековъ же утвердилось среди болгаръ и православная христіанская вѣра.

Уже въ одиннадцатомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. самостоятельное болгарское царство по Дунаю пало и подчинилось власти греческихъ императоровъ. Только послѣ полутора вѣка удалось болгарамъ избавиться отъ власти грековъ, снова возстановить болгарское царство, но не на долго. Скоро болгарское царство соединилось съ возникшимъ около этого времени (въ XIII столѣтіи) царствомъ сербскимъ, и съ нимъ вмѣстѣ было завоевано турками.

Съ тѣхъ поръ и до сего времени находится въ большомъ числѣ болгарскій народъ подъ владычествомъ турокъ. Много тяжелыхъ бѣдъ и всяческихъ притѣсненій пришлось за это время вынести этому, по истинѣ, мученику народу.

Эти-то въковыя страдаія болгаръ отъ турокъ и были причиною, заставившею ихъ оставлять благодатныя страны Балканскаго полуострова, чтобы искать убѣжище въ степяхъ южной Россіи, подъ защитою единовѣрнаго и единоплеменнаго русскаго государства. Какъ и когда появились въ Русской землѣ впервые болгарскіе выходцы—съ точностію не извѣстно. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія говорятъ, что первые поселенцы-болгары пришли изъ Турціи въ 1752 году, въ числѣ 620 семействъ, съ цѣлію поселиться на земляхъ бывшаго польскаго королевства. Но, узнавъ, что тамъ земель свободныхъ для поселенія уже нѣтъ, они обратились въ русскому правительству съ просьбою принять въ свое подданство, почему и поселены были въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ ранѣе выселившимися также изъ Турціи сербскими выходцами. Другая, гораздо меньшая болгарская община вышла въ южную Россію между 1764 и 1769 годами вслѣдствіе манифестовъ о вызовѣ въ Россію заграничныхъ переселенцевъ, изъ коихъ небольшое число поселилось въ окрестностяхъ Кіева, а другая часть въ Черниговской губерніи. Съ 1769 г. начались значительныя переселенія болгаръ въ Бессарабію, хотя еще и не принадлежавшую Россіи, но уже находившуюся подъ ея защитою и покровительствомъ, гдѣ они поселились между прочимъ въ окрестностяхъ городовъ: Кишинева, Аккермана, Бендеръ и т. д. Но главнѣйшее выселеніе болгаръ произошло между 1801 и 1812 годами. Несчастія политическія и внутреннія бѣдствія Турецкой имперіи имѣли сильное вліяніе на это обстоятельство. Спасаясь отъ грабежа турецкихъ шаекъ, партія болгаръ сажались въ турецкихъ портахъ на корабли и прѣвзжали въ Россію искать новаго отечества. Императоръ Александръ I-й повелѣлъ оказывать поселенцамъ всякое пособіе и принимать мѣры къ ихъ водворенію. Для облегченія переселенія русское правительство приказало нанимать на казенный счетъ суда, на которыхъ и перевозились желающіе переселенцы въ Россію. Мѣры

эти оказали самое благое дѣйствіе и въ 1819 году въ Бессарабіи уже строилось болѣе 24,000 болгарскихъ переселенцевъ. Въ этомъ же году былъ изданъ высочайшій манифестъ, которымъ дарованы болгарамъ, переселяющимся въ Россію, разныя льготы, земля для поселенія и т. д. и вмѣстѣ съ тѣмъ учреждено особое управленіе, которому поручено охраненіе ихъ интересовъ. Послѣ войны Россіи съ Турціей въ 1829 г. значительное число болгаръ (до 16,000 душъ) послѣдовало изъ Болгаріи за нашими войсками и поселилось на земляхъ, назначенныхъ для болгарскихъ поселеній. Последнее выселеніе болгаръ совершилось въ 1861 году, но число переселившихся въ это время не превышаетъ 1,000 человекъ.

Переселившіеся въ Россію болгары ведутъ жизнь сходную съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Обширныя и плодородныя земли, на которыхъ они поселены, даютъ имъ возможность заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ; многіе ведутъ торговлю, и въ Одессѣ, напримѣръ, и Кишиневѣ перѣдко можно встрѣтить зажиточныхъ торговцевъ болгаръ. Но въ своемъ характерѣ, нравахъ и обычаяхъ они до сихъ поръ сохранили все тѣмъ отличаются ихъ единоплеменники въ турецкихъ земляхъ.

Наружность болгаръ, ихъ характеръ, одежда, пища, жилища и семейный бытъ.

Въ наружности своей болгары имѣютъ много общаго съ нашими малороссами. Большею частію они высоки ростомъ, сухощавы и мускулисты; вообще среди нихъ встрѣчается гораздо болѣе сухихъ, чѣмъ полныхъ людей, которые попадаются лишь среди зажиточнаго купечества. Форма головы довольно разнообразна; однако же чаще она заканчивается на затылкѣ острымъ уменьшеніемъ. Лицо по большей части имѣетъ красивую овальную форму, лобъ немного нависшій

впередъ, разрѣвъ глазъ уже чѣмъ у русскихъ, вслѣдствіе чего и самые глаза кажутся меньше. Вообще, благодаря ихъ мирному характеру и прошлой исторической судьбѣ, въ ихъ наружности выражается гораздо болѣе доброты, кротости, чѣмъ мужества и энергіи. Брови очень густыя, волосы темные или русые. Часто встрѣчаются лица, выражающія необыкновенный умъ; но всѣ они носятъ отпечатокъ серьезности, твердости и постоянства — качества, составляющія отличительныя черты характера болгаръ и много способствовавшія ихъ успѣхамъ въ земледѣліи, промышленности и ремесленныхъ занятіяхъ.

Женщины болгарскія средняго роста и въ молодости отличаются красивыми чертами лица; во многихъ мѣстахъ женщины особенно хороши. Ихъ черты лица не только красивы, но и прекрасны вполне, станъ изященъ и граціозенъ. Но, къ сожалѣнію, перенятый, по всей вѣроятности, отъ турчанокъ обычай употребленія бѣлилъ и румянъ чрезвычайно портитъ ихъ свѣжія отъ природы лица. Черныя густыя брови дугою, смуглое лицо, легкій станъ, живость движенія, обычная у южной женщины, черная или русая головка съ прядями необыкновенно длинныхъ волосъ — вотъ типъ болгарской дѣвушки. Особенно замѣчательны ихъ длинные волосы, которые у большей части ихъ буквально бываютъ до пятъ.

Языкъ болгаръ имѣетъ значительное сходство съ русскимъ, особенно съ малороссійскимъ, хотя и есть въ немъ многія отъ него отличія (отсутствіе неокончательнаго наклоненія, употребленіе членовъ и т. д.). Съ сербскимъ языкомъ болгарскій языкъ имѣетъ еще болѣе сходства, такъ что сербъ съ болгарининомъ очень легко могутъ понимать другъ друга.

Какъ языкомъ, складомъ лица, такъ и въ одеждѣ болгары имѣютъ много общаго съ малороссами. На головѣ болгары носятъ *кубары*, шапки въ видѣ колпака изъ темной или свѣтлой овчины, изъ подъ которой висятъ длинные волосы. Старые болгары стригутъ волосы, оставляя на макушкѣ пучекъ въ родѣ чупа у нашихъ малороссовъ.

Болгары носятъ рубахи съ широкими рукавами, съ пестрыми вышивками на груди и на плечахъ; лѣтомъ — свѣтлыя широкія изъ льняной матеріи шаровары, которыя завязываются ниже колѣнъ красною шерстяною тесьмою, или кожанымъ ремнемъ; рубаха подпоясывается также краснымъ кушакомъ, къ которому привѣшивается съ лѣвой стороны спрятанный въ ножнахъ ножъ, годный для всякаго употребленія. Въ холодное время зажиточные люди носятъ камзолы, выложенные черными шнурами, или длинные кафтаны; какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаются обыкновенно изъ сукна; въ сильные же морозы это платье замѣняется овчинными тулдунами, кафтанами съ башлыкомъ (какъ *кирея* у малороссовъ). Обувью служатъ башмаки или сапоги у зажиточныхъ; во время работы употребляются опанки — въ родѣ лаптей, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго куска необдѣланной кожи.

Одежда у болгарскихъ женщинъ чрезвычайно разнообразна. Вообще же болгарки заплетаютъ свои роскошныя волосы, часто покрашенные въ темный цвѣтъ, въ толстыя косы, которыя онѣ съ большимъ искусствомъ украшаютъ цвѣтами, медалями и лентами. Этотъ головной уборъ отличается, смотря по мѣстностямъ, разными особенностями у дѣвушекъ и замужнихъ. Но главный предметъ одежды болгарокъ, о которомъ онѣ особенно заботятся, это рубашка, которую покрываютъ обыкновенно роскошными вышивками на груди, плечахъ и оконечностяхъ рукавовъ, а вверху собираютъ широкими складками. Вышиваются онѣ разноцвѣтною шерстью или шелкомъ, и узоры этихъ вышивокъ такъ разнообразны, такъ красивы что имъ позавидовала бы любая изъ свѣтскихъ щеголихъ. Сверхъ этой изящной рубашки надѣвается юбка изъ плотной шерстяной матеріи, большею частью полосатой, домашняго приготовленія; на нее одѣвается, также изъ шерстяной матеріи, обшитый бахромю, фартуекъ, а иногда и два: одинъ спереди, а другой сзади (какъ у малороссовъ *плахта* и *запаска*). Часто эти фартуки надѣваются прямо

на рубашку. Юбка и фартуки поддерживаются поясомъ, украшеннымъ обыкновенно большими кольцами или пальмообразными вѣтвями металлическими или перламутровыми. Обыкновенно эти пояса переходятъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ драгоценныя вещи, такъ какъ дѣйствительно украшенія на нихъ бываютъ изъ литаго серебра или филиграновыя, съ эмалью и драгоценными каменьями. Болгарскія женщины вообще любятъ украшенія всякаго рода: серьги, браслеты, кольца, а если не имѣютъ настоящихъ драгоценностей, то замѣняютъ ихъ поддѣльными. Цвѣты составляютъ также неотъемлемую принадлежность женскаго туалета, да и мужчины охотно украшаютъ ими свои шляпы, отправляясь въ поле, въ церковь или на какойнибудь праздникъ. Розы, гвоздика, колокольчики и подсолнечники суть любимыя украшенія; тильянь же составляетъ всегдашнюю принадлежность туалета.

Дома болгары строятъ во многомъ сходные по наружности съ малороссійскими хатами. Но внутреннее расположеніе имѣетъ болѣе восточный характеръ, вѣроятно заимствованный у турокъ. Женщины имѣютъ всегда особую половину, куда посторонній посѣтитель не допускается. Впрочемъ женщины у болгаръ пользуются полною свободою и въ общихъ комнатахъ выходятъ для привѣтствія гостя. Изба, гдѣ принимаются посѣтители, или «свѣтлица», имѣетъ, по восточному обычаю, широкіе диваны, иногда сдѣланные изъ земли и всегда покрытыя коврами; стѣны также увѣшаны коврами, «ручниками» (работою и приданнымъ дочерей), часто тарелками, воеругъ которыхъ расположены пучки засохшихъ цвѣтовъ. Само собою разумѣется, что въ переднемъ или «красномъ» углу изобиліе святыхъ иконъ, передъ коими, какъ и у всѣхъ русскихъ, теплются одна или нѣсколько лампадокъ. У зажиточныхъ болгаръ есть комнаты, убранныя, какъ они говорятъ, «по русски», т. е. со столами, стульями и т. п., и вообще въ устройствѣ жилища они все болѣе и болѣе начинаютъ подражать русскимъ.

У болгаръ до сихъ поръ сохранился старославянскій обычай жить большими семьями или «задругами». Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ долго родителей, также внуки и правнуки, такъ что семейство иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Такимъ образомъ они составляютъ одно хозяйство, одну общину. Когда члены семьи такъ расплодятся, что въ главной избѣ имъ уже не хватаетъ мѣста, то выстраиваютъ особыя жилища во дворѣ; но всѣ подчиняются главному хозяину въ семьѣ, который зовется «дядо» или «домочина». Всѣ обязаны слушать дядо и свято исполнять его волю. Дядо долженъ смотрѣть за порядкомъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати, держать заработанныя семьею деньги и вообще заботиться о нуждахъ всей общины. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дядо собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Чтобы ни затѣвалъ дядо, онъ непременно сважетъ объ этомъ всей общинѣ, и при этомъ каждый, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, выражаетъ свое мнѣніе или неудовольствіе, и голосъ каждаго имѣетъ значеніе. Поэтому глава семейства у болгаръ не можетъ дѣйствовать во вредъ остальнымъ членамъ семьи. Вслѣдствіе такихъ отношеній, съ давнихъ поръ установившихся въ болгарской семьѣ и между хозяиномъ и домочадцами, дядо пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ. Онъ всюду занимаетъ первое мѣсто. Во время обѣда по правую его руку сидятъ мужчины, по лѣвую женщины, всѣ рядомъ и всегда размѣщаются по возрасту; за этимъ строго слѣдятъ старшіе и самъ дядо. Вообще болгары обращаютъ большое вниманіе на возрастъ: строго по возрасту распредѣляются работы, по возрасту даже женятся. Сначала женится обыкновенно старшій братъ, а послѣ него уже слѣдующій за нимъ; если старшій, по какойнибудь причинѣ совершенно не можетъ вступить въ бракъ, то женится опять таки сначала слѣдующій за нимъ по годамъ. При этомъ вступающій въ

БОЛГАРЫ

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ

бракъ непременно долженъ попросить на это позволенія у своего старшаго брата, и безъ его согласія бракъ не можетъ быть совершенъ даже и тогда, когда этого хотятъ родители. Тоже и съ дѣвухами: сначала выходитъ старшая, а потомъ младшая за нею.

Вся недвижимость, т. е. земля и дворъ, считается собственностію всей общины. На нее имѣютъ право и будущіе члены семьи; но всякій членъ, кромѣ того, можетъ имѣть и свою отдѣльную собственность. Когда всѣ дѣла улажены, тогда каждый можетъ располагать своимъ временемъ, идти на заработокъ, брать къ себѣ работу и всѣмъ, что онъ при этомъ получить, онъ можетъ распоряжаться безъ вѣдома дядо.

Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ распоряжается «баба» (бабушка), у которой находятся ключи отъ всего хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ баба — жена дядо или хозяина. Когда дядо вмѣстѣ съ остальными членами семьи уходитъ изъ дому на батрованье (т. е. на заработки), то хозяйка вполне заступаетъ его мѣсто. При покупкѣ и продажѣ, при взятіи чегонибудь въ долгъ и при отдачѣ взятаго, она заключаетъ условія и всѣ ея договоры остаются священными для семьи и по возвращеніи хозяина, какъ будто бы распоряжалась не она, а онъ самъ. Вообще у болгаръ женщина пользуется большимъ уваженіемъ отъ мужчинъ, хотя на ней, какъ впрочемъ и вездѣ, лежитъ очень много обязанностей. Она завалена работою и не имѣетъ, можно сказать, ни одной свободной минуты. Если не въ полѣ, то она занята дома хозяйственными дѣлами; она то моетъ и чиститъ у колодца домашнюю утварь, бѣлье и т. д.; то краситъ и бѣлитъ свои ткани; то приготовляетъ обѣдъ для членовъ семьи, работающихъ въ полѣ или въ лѣсу; то сидитъ за своею прялою или шитьемъ и починкою платья; то бѣжитъ заглянуть на загонъ, гдѣ пасется домашній скотъ. Женщина помогаетъ мужчинамъ даже въ постройкѣ хатъ, особенно мазанокъ, устраиваемыхъ изъ плетней и колебъ. Замазыванье щелей глиною, бѣленье домовъ — составляютъ

исключительно женскую работу. На женщинѣ же лежитъ уходъ за садомъ, который есть почти при каждомъ болгарскомъ домѣ. Впрочемъ, доходъ съ сада поступаетъ въ ея полное распоряженіе, и полученные за проданные плоды деньги она прячетъ про черный день, покупаетъ для себя чтонибудь изъ украшеній или просто нализываетъ на нитку, которая замѣняетъ для нея ожерелье.

Обряды и обычаи, существующіе у болгаръ; повѣрья, праздники, игры и пѣсни.

Среди болгаръ сохранилось множество обычаевъ, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ языческихъ. Многіе изъ нихъ сильно напоминаютъ существующіе и среди насъ, русскихъ, что конечно объясняется нашимъ родствомъ съ болгарскимъ народомъ. Надобно впрочемъ сказать, что у болгаръ сохранилось гораздо болѣе языческихъ суевѣрій и обрядовъ, такъ какъ образованіе ихъ стоитъ гораздо ниже нашего. Эти обряды и суевѣрія сопровождаютъ, можно сказать, болгарина отъ колыбели и до могилы.

Каждый новорожденный встрѣчается у болгаръ родными какъ счастливое приращеніе семьи, а на безплодіе жены смотрятъ какъ на несчастіе, происшедшее, вѣроятно, отъ тайнаго оговора, и вслѣдствіе этого роженицу и дитя тщательно оберегаютъ отъ «злаго глаза» разнымъ колдовствомъ. Дитя еще во чревѣ матери подвергается разнымъ таинственнымъ заклинаніямъ, которыя имѣютъ назначеніе предохранить его отъ разныхъ болѣзней и бѣдствій во время жизни. Такъ беременныя женщины стараются достать чрезъ посредство бабки отъ какой-нибудь набожной женщины, бывшей въ Іерусалимѣ, кусочекъ веревки, которую іерусалимскіе св. отцы наматывали на извѣстный камень, служившій будто-бы Богородицѣ опоркою, когда она почувствовала приближеніе родовъ. Этотъ талисманъ прикрѣп-

ляется къ тазу родильницы и способствуетъ къ благополучному разрѣшенію отъ бремени. Но еще болѣе, по мнѣнію болгаръ, помогаетъ слѣдующее средство: бабка бросаетъ съ разными нашептываніями въ блюдо, наполненное водою, какой-то корень, и когда наступаетъ рѣшительная минута, то мужъ опускаетъ руки въ эту воду и затѣмъ даетъ ее выпить женѣ. Послѣ благополучнаго разрѣшенія болгарки, бабка всевозможными заклинаніями и посредствомъ натирания солью и окуриванія комнаты предохраняетъ мать и ребенка отъ вліянія нечистой силы. Кромѣ того, бабка кладетъ роженецѣ въ волоса кусокъ чесноку и кольцо, а на подушку—краснаго луку и кочергу, и закрываетъ ей лицо до самаго рта бѣлымъ платкомъ, чтобы избавить ее такимъ образомъ отъ безчестья. Благополучному приращенію семейства бывають всѣ рады, и со всѣхъ сторонъ приносятся поздравленія какъ роженецѣ, такъ и ребенку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодежь танцуетъ вокругъ костра изъ соломы, лежавшей, въ воспоминаніе яслей Спасителя, подъ подушкою роженницы и вокругъ котораго молодая мать должна обойти предварительно три раза. На третій день послѣ родинъ воспріемница приносить бутылку вина, кусокъ сахару, стеклянку масла, немного пшеницы и душистыхъ травъ, и изъ всей этой смѣси приготовляетъ съ помощью бабки ванну для новорожденнаго. Воспріемница мажетъ ребенка масломъ и бросаетъ въ ванну нѣсколько монетъ, которыя потомъ вынимаются и отдаются бабѣ. День заключается небольшою пирушкою, на которой присутствующіе сосѣди приносятъ свои поздравленія.

Послѣ совершенія обряда крещенія, обыкновенно въ церкви, крестная мать передаетъ ребенка отцу, ожидающему его у дома съ новой рубашечкою, и говорить: «Нехристею передалъ ты мнѣ свое дитя, христіаниномъ возвращаю тебѣ его». Затѣмъ устраивается угощеніе, на которое приглашенные являются съ подарками для роженницы, крестной матери и бабы. Хозяинъ даритъ имъ вибна,

хлѣба, кушанья, а роженница даетъ каждой изъ женщинъ по красивому платку, который онѣ сейчасъ же вѣшаютъ за поясъ. На сорочковой день послѣ церковной молитвы, мать несетъ ребенка къ крестной матери, которая даритъ ему яица или кусокъ сахару, а матери—немного хлѣба и соли и, въ дополненіе, наливаетъ ей въ башмаки воды, чтобы у ней было больше молока. Чтобы предохранить новорожденнаго отъ дурнаго глаза и всякаго призора, бабка прикрѣпляетъ къ шапочкѣ мальчика кусочекъ чесноку, а на чепчикъ дѣвочекъ—монету. Дѣти иногда до 5 лѣтъ не отнимаются отъ груди матери, но за то потомъ они предоставляются на волю Божію. Если дитя чего нибудь испугается, то бросаютъ въ блюдо съ водою горячіе уголья и даютъ ему эту воду пить, а бабка нашептываетъ въ это время разные приговоры.

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ дѣвушки (момы) въ длинные зимніе вечера собираются у домашняго очага. Работая и преимущественно прядя, онѣ вапѣваютъ любимыя пѣсни. На эти вечеринки являются также и парни (момцы). Они шутятъ, рассказываютъ разныя вещи и расходятся иногда только поздно ночью. На подобныхъ же вечеринкахъ молодые люди знакомятся между собою, съ тѣмъ чтобы потомъ вступить въ бракъ.

Впрочемъ выборъ невесты не всегда предоставляется личному усмотрѣнію молодого человѣка; напротивъ, это считается скорѣе дѣломъ общесемейнымъ и, особенно среди крестьянъ, родители имѣють большое вліяніе на выборъ невесты. Физическая сила и трудолюбіе считаются главными качествами, будь даже дѣвушка не красива. Обыкновенно дѣвушки выходятъ замужъ въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Дѣвушка въ 25 лѣтъ отъ роду считается уже старою и можетъ рассчитывать выйдти замужъ только за вдовца. Парни делятся въ 20—25 лѣтъ; перешедшіе же за 30 лѣтъ женятся обыкновенно на молодыхъ вдовахъ. Переговоры съ родителями дѣвушки ведутъ чрезъ повѣренное лицо невесты. Приданое, также какъ и

сумма, за которую женихъ долженъ ее выкупить, обозначаются подробно. Впрочемъ денежные и вообще матеріальные расчеты при заключеніи брака у болгаръ не играютъ такой роли какъ у другихъ народовъ. Когда согласіе со стороны жениха и невѣсты установится, сваты дѣлаютъ дѣвушкамъ формальное предложеніе, передаютъ ей отъ жениха кольцо и получаютъ такое же отъ нея. Затѣмъ женихъ и невѣста посылаютъ букеты знакомымъ дѣвушкамъ, которыя носятъ ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ видѣ головныхъ уборовъ.

Но случается иногда, что дѣвушка согласна принять сдѣланное предложеніе, но родители не соглашаются; въ такомъ случаѣ, если она рѣшится выйти замужъ безъ согласія, то является съ молодымъ человѣкомъ въ домъ его родителей, которые выражаютъ свое согласіе принять въ свое семейство тѣмъ, что зажигаютъ огонь въ очагѣ и приглашаютъ ее сѣсть; послѣ этого женихъ не имѣетъ уже права отказаться отъ нея и она должна выйти за него; но свадебныхъ подарковъ ни она, ни родители не получаютъ. Подобные браки называются пристанками.

Впрочемъ обрученіе въ общаѣ вездѣ и слѣдуетъ за обменомъ колець и отсылкой букетовъ, и сопровождается веселыми пирами, на которыхъ вино льется рѣкою, раздаются веселыя пѣсни и тосты, соответствующіе обстоятельствамъ. На этихъ пиршествахъ дѣвушки и молодые люди помѣщаются отдѣльно отъ женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ. Безъ музыки и танцевъ конечно дѣло не обходится. Изъ всѣхъ подарковъ, которые даритъ обыкновенно въ этотъ день женихъ невѣстѣ, наиболѣе интересуютъ ожерелье изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и цѣнность которыхъ опредѣляется при сватовствѣ. Если это ожерелье, а равно и прочія вещи, какъ-то: браслеты, серьги, поясъ, головные уборы, туфли — понравятся отцу невѣсты, то молодые люди могутъ считать себя обрученными. Во время пира подарки выставляются на показъ всѣмъ присутствующимъ,

которые пьютъ за здоровье молодой четы. На другой день послѣ обрученія невѣста надѣваетъ на себя всѣ подарки и прогуливается по деревнѣ. Затѣмъ это повторяется каждое воскресенье и каждый праздникъ вплоть до самой свадьбы.

Свадьба рѣдко бываетъ въ скоромъ времени послѣ обрученія; большею частію откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ, особенно когда женихъ и невѣста молоды. Отецъ жениха всегда поможетъ ему въ постройкѣ дома, который, какъ мы уже говорили, обыкновенно строится на общемъ семейномъ дворѣ, а также въ покупкѣ пары быковъ и необходимыхъ домашнихъ животныхъ. Когда все въ порядкѣ, отправляютъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые объявляютъ, что все готово, и просятъ назначить день бракосочетанія, который обыкновенно назначается въ одинъ изъ воскресныхъ дней поздней осени, когда меньше работы, такъ какъ свадебное торжество продолжается нѣсколько дней.

За недѣлю до свадьбы молодыя дѣвицы устраиваютъ танцы предъ домомъ жениха. Въ послѣднюю среду женихъ посылаетъ невѣстѣ различные наряды и «капа», чѣмъ болгарки чернятъ волосы и брови. Тогда же, или въ другой день послѣдней недѣли совершается обрядъ, называемый «засѣвки».

Въ назначенный день собирается множество гостей и родственниковъ въ домъ жениха. Это бываетъ утромъ. Посреди стоятъ три скамьи, и на каждой изъ нихъ — по сити и по корыту. Когда всѣ собрались, начинается пѣніе пѣсенъ, напѣвъ которыхъ особенно торжественъ и протяженъ. Вскорѣ изъ толпы выдѣляются три дѣвушки съ мукою, каждая подходитъ къ одному изъ корытъ и начинаютъ просѣвать муку подъ звуки пѣсни. Къ нимъ подходятъ мальчикъ, одѣтый по праздничному, бросаетъ соль въ каждую кучу муки и наливаетъ воду. Дѣвушки мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ хлѣбъ, сажаютъ въ печку и при этомъ поютъ. Когда хлѣбъ готовъ, женщины сажаютъ жениха на скамью, развязываютъ ему

поясъ, одинъ конецъ набрасываютъ на глаза черезъ голову, младшая сноха разламываетъ надъ его головою «меденникъ» (калачъ, намазанный медомъ) и вымазанными медомъ руками мажетъ его по лицу, приговаривая: «любите да жалуйте другъ друга, какъ пчела медъ». Затѣмъ оза разламываетъ калачъ на мелкіе куски и разноситъ всеѣмъ гостямъ, которые тотчасъ запиваютъ его виномъ изъ серебряной чарки. Такія чарки можно найти у каждаго селянина; онѣ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ и передаются въ наслѣдство отъ отца къ дѣтямъ. Вечеромъ въ тотъ же день у жениха и невѣсты, у каждаго порознь, справляется вечеринка, которая, вѣроятно, поэтому и называется «раздѣльна вечеря». На этой вечеринкѣ женихъ прощается съ своими друзьями. Въ субботу дѣлается послѣдняя вечеринка въ домѣ невѣсты, причемъ угощаются, поютъ и танцуютъ.

Въ воскресенье справляется самая свадьба. Женихъ вмѣстѣ со своими гостями отправляется къ невѣстѣ, чтобы вести ее подъ вѣноцъ. Пришли они въ невѣстинъ домъ, но невѣста окружена роднею и стоитъ посреди комнаты, держа въ рукахъ рѣшето съ сѣменами. Комната заперта, ее даже стерегутъ, и, при приближеніи жениха, оттуда раздается пѣсня: «Откупайте сноху девери, дорога сноха, цѣнна она...» Девери бросаютъ нѣсколько монетъ привратникамъ, и двери открываются. Въ эту минуту къ невѣстѣ подходит посаженная мать, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ вѣтвей, а свекровь серебряное украшеніе — и невѣсту подводятъ къ жениху. Затѣмъ имъ подають поясъ, за который, кромѣ жениха и невѣсты, держатся еще и деверь, а женщины при этомъ берутъ зажженные свѣчи и поютъ пѣсни. Наконецъ, все отправляются въ церковь, гдѣ долженъ совершаться обрядъ вѣнчанія.

Торжественное шествіе, во главѣ котораго идутъ сваты, крестный и крестная, деверь, знаменосецъ отправляется послѣ церковной церемоніи на свадебный пиръ. Гости и родные идутъ въ этомъ шес-

ствѣ съ палками, украшенными цвѣтами и плодами. На порогѣ дома молодыхъ встрѣчаетъ теща и посыпаетъ ихъ зернами хлѣба, а новобрачная цѣлуетъ у нея и у другихъ старшихъ женщинъ руки и получаетъ небольшіе подарки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда молодая входитъ на порогъ, ей кладутъ подъ мышки хлѣбы, а когда входятъ въ комнату, то даютъ на руки дитя, чтобы наглядно показать ей будущія ея материнскія обязанности. Молодые входятъ въ домъ по растянутому полотну и садятся за столъ, при чемъ опять начинается пированье. Послѣ обѣда молодые, въ сопровожденіи бабки, отправляются домой; послѣдняя идетъ съ ними затѣмъ, чтобы, убѣдившись изъ вѣрныхъ источниковъ въ невинности молодой, передать эту вѣсть оставшимся еще за столомъ близкимъ роднымъ, которые принимаютъ эту вѣсть съ проявленіями живѣйшей радости, провозглашаютъ тосты и стрѣляютъ изъ пистолета, а на другой день извѣщаютъ о томъ же всеѣмъ знакомыхъ и посылаютъ имъ букеты. Но если вѣсть нерадостна, то всякое веселье прекращается и тотчасъ же выходятъ изъ-за стола. Виновная немедленно подвергается суду и возвращается родителямъ, которые обязаны прислать все полученные подарки; бракъ же объявляется недѣйствительнымъ.

Если же все благополучно, то молодые только черезъ нѣсколько дней выходятъ изъ дому. Новобрачная должна еще исполнить различныя обычаи, прежде чѣмъ будетъ принята въ число замужнихъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ появляется на дворѣ угромъ музыка и играетъ въ честь молодыхъ; потомъ приходитъ крестная мать съ матерью молодой и ведутъ ее, въ сопровожденіи женатыхъ мужчинъ, къ приготовленному посрединѣ двора мѣсту, гдѣ надѣваютъ ей на голову уборъ замужней женщины. Вся эта церемонія совершается обыкновенно подъ звуки военной музыки. Въ другихъ мѣстахъ — крестная мать новобрачной, въ сопровожденіи 20 или около того женщинъ, ведетъ молодую чету, закрытую покрываломъ, годъ молодое дерево, гдѣ малышки снимаютъ съ нее покрывало, ко-

торое вѣшается на деревѣ; присутствующіе же начинаютъ вокругъ него танцы. Первый выходъ повобрачной бываетъ обыкновенно къ колодцу. За нею приходятъ обыкновенно замужнія женщины и ведутъ ее туда торжественно; пришедши на мѣсто, пожилыя женщины, выдѣляясь изъ толпы, обводятъ ее кругомъ него три раза и, вслѣдъ затѣмъ, она черпаетъ два ведра воды, которою ее и обливаютъ. Этимъ оканчиваются всѣ брачныя формальности, и молодая вступаетъ навсегда въ общество замужнихъ женщинъ.

Нравственность болгарскихъ дѣвушекъ, за немногими исключеніями, безупречна; супружеская вѣрность также соблюдается весьма строго и нарушеніе ея жестоко осуждается. Вдовы рѣдко выходятъ вторично замужъ; горожанки, овдовѣвши, ходятъ до конца жизни въ черной одеждѣ, хотя, по обычаю, трауръ обязателенъ только въ теченіи года. Если же умираетъ жена, то мужъ не брѣется въ теченіи шести недѣль и носить на шляпѣ кусокъ темнаго сукна. Если онъ женится вторично, то въ день свадьбы отправляется на могилу своей жены и обливаетъ ее виномъ, такъ какъ, по общему повѣрью, кости сгораютъ отъ вина.

Когда болгаринъ чувствуетъ приближеніе смерти, и баба-знахарка объявляетъ ему, что помочь не въ силахъ, онъ спокойно и хладнокровно ожидаетъ послѣдней минуты и смиренно покоряется судьбѣ; мало онъ обращаетъ вниманія на плачъ жены, которая по обыкновенію воетъ въ такія минуты. По мнѣнію болгаръ, люди въ предсмертной агоніи видятъ ангеловъ. Умирающему обыкновенно вставляютъ въ руки зажженную свѣчу, крѣпко подвязываютъ нижнюю челюсть платкомъ и закрываютъ глаза. Лишь только пульсъ перестанетъ биться, всю посуду въ домѣ перевертываютъ вверхъ дномъ, для того, чтобы душа, исходящая изъ тѣла, не могла въ нее обратиться и причинить безпокойство домашнимъ, оставшимся въ живыхъ. Затѣмъ, покойника моютъ, одѣваютъ въ новое платье и окуриваютъ ладаномъ, ставятъ на грудь икону, а вокругъ свѣчи, а голо-

ву украшаютъ цвѣтами. Вскорѣ вокругъ покойника собираются всѣ его родные, пріятели и знакомые. Мужчины приносятъ свѣчи, а женщины кромѣ того и цвѣты. Всѣ прикладываются къ иконѣ и цѣлуютъ покойника. Въ это время въ комнатахъ раздаются обыкновенно причитанія и раздирающій душу плачъ женщинъ и другихъ родственниковъ. Въ этихъ причитаніяхъ покойнаго выставляютъ челоувѣкомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ достоинства и добродѣтели, и если у него есть жена и дѣти, то они предаются такому отчаянію, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ все свое счастье. «Охъ! Миланъ! поетъ напримѣръ вдова:

Кто-то будетъ для насъ землю пахать?

Боже, Боже мой!

Кто-то будетъ хлѣбъ возить въ городъ?

Боже, Боже мой!

Кто-то будетъ теперь намъ дрова рубить въ лѣсу?

Боже, Боже мой!

Кто-то о насъ позаботится, какъ ты заботился?

Боже, Боже мой и т. д.

Если умираетъ женщина, то мужъ обыкновенно спрашиваетъ ее, долженъ ли онъ жениться для дѣтей, и по большей части умирающая благословляетъ его на второй бракъ. Тогда онъ снимаетъ съ руки обручальное кольцо и надѣваетъ на правую руку. До погребенія смотрятъ внимательно, чтобы ни человекъ, ни животное, въ особенности собака или кошка, не перешагнули чрезъ покойника, ибо въ такомъ случаѣ онъ можетъ превратиться въ вампира и принести несчастье дому и всей деревнѣ. Поминки совершаются обыкновенно очень скромно и безъ всякихъ угощеній; приглашенные довольствуются обыкновенно нѣсколькими стаканами вина, чтобы помянуть душу усопшаго.

На другой день послѣ похоронъ, женщины ходятъ на могилу, поливаютъ ее виномъ и водою, раздають пищу и напитки присутствующимъ мѣстнымъ бѣднякамъ и снова причитываютъ. На могилу ставятъ глиняную лампу въ деревянной посудинѣ и заботятся о томъ, чтобы она горѣла неугасимо въ теченіи трехъ лѣтъ: для этого на могилѣ строятъ нѣчто въ родѣ шкафчика или часовенки изъ дерева, камня или глины. Родные посѣщаютъ могилу на 3-й, 9-й, 12-й 20-й и 40-й день; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ. Въ 40-й день приносятъ 40 новыхъ восковыхъ свѣчей и, кромѣ того, всѣ бывшія при погребеніи. Во время всѣхъ этихъ посѣщеній жена кладетъ на могилу мужа вареный ячмень, рисъ и ставитъ кружку съ виномъ или «раки» (водка); мужа же приносятъ на могилу женѣ пищу и напитки только въ дни поминовенія, или «задушницы». Задушницы справляются въ однихъ мѣстахъ три раза въ годъ, а въ другихъ пять разъ, — и притомъ всегда по субботамъ.

Среди болгаръ, какъ и среди другихъ южныхъ славянъ, сильно распространено повѣрье о томъ, что нѣкоторые покойники обращаются въ вампировъ. По общему мнѣнію, склонность къ вампирству наследственная во многихъ семействахъ, но иногда она является и случайно. Часто также, по повѣрью болгаръ, люди обращаются въ злыхъ духовъ — злонамѣренными каменьщиками при постройкѣ домовъ. Дѣлается это такимъ образомъ: проходитъ человѣкъ мимо постройки, каменьщикъ измѣряетъ тѣнь шнуркомъ и закладываетъ этотъ шнурокъ въ фундаментъ; послѣ этого несчастный, тѣнь котораго была измѣрена, обращается черезъ сорокъ дней въ злаго духа и беспокоитъ по ночамъ, пока не закоютъ пѣтухи, мирныхъ жителей. Черезъ девять дней послѣ погребенія умершей, обратившейся, по мнѣнію родственниковъ, въ вампира, покидаетъ свою могилу и занимается тѣмъ, что пугаетъ людей, или, выманивъ ихъ разными лъстивы ми рѣчами на улицу, колотитъ до полусмерти; неудоволь-

ствіе свое онъ заявляетъ шумомъ и трескомъ; затѣмъ летаетъ въ видѣ тѣни черезъ поля и дуга, оставляя за собою слѣды крови; оскверняетъ иконы разными нечистотами; вызываетъ иногда на поединки самыхъ сильныхъ парней, которые, въ борьбѣ съ тѣнью, ломаютъ себѣ руки и ноги. Выдержавъ 40 дней въ качествѣ тѣни, вампиръ, по мнѣнію болгаръ, выходитъ совершенно изъ могилы и воплощается совсѣмъ въ человѣка, можетъ даже жениться, размѣется, на чужой сторонѣ, гдѣ онъ неизвѣстенъ. Женившись, онъ относится очень спокойно къ женѣ и прочимъ членамъ семьи, только уходитъ по ночамъ, исполняетъ разныя работы и пожираетъ дохлыхъ буйволовъ и быковъ, а также высасываетъ кровь изъ всѣхъ коровъ, заболѣвшихъ какою нибудь болѣзнію. Обратней-вампировъ или кровопійцъ, какъ ихъ называютъ, стараются обыкновенно изводить ядомъ, приготовленнымъ деревенскою знахаркою, или сожженіемъ; иногда разрываютъ могилы подозрѣваемыхъ въ вампирствѣ покойниковъ и вбиваютъ имъ въ грудь колъ или гвоздь, или прострѣливаютъ назковозъ пулями и потомъ зарываютъ вновь. Есть еще средство, по мнѣнію болгаръ, избавляться отъ вампировъ: оно заключается въ томъ, чтобы подкарауливать ихъ на дорогѣ и неожиданно броситься съ освященною иконою въ рукахъ. При видѣ иконы, онъ перелетаетъ даже черезъ крыши и другія препятствія, и если не отставать отъ него, то можно душу его загнать наконецъ въ бутылку, наполненную любимымъ его напиткомъ; вслѣдъ затѣмъ бутылка быстро закупоривается пробкою, въ которой находится кусочекъ освященной иконы, и предается огню.

На плетневыхъ кольяхъ болгарскихъ жилищъ очень часто можно также видѣть повѣшанные черепа павшихъ лошадей. Это дѣлается въ виду того, что злые духи, являющіеся къ человѣку въ видѣ тѣни въ бѣлой одеждѣ, или въ видѣ заколдованной собаки, курицы съ цыплятами, охотно садятся на эти черепа и такимъ образомъ не переступаютъ черезъ заборъ двора.

Есть также повѣрье, что старухи, умирая, превращаются въ вѣдѣмъ и въ видѣ красноватыхъ бабочекъ высасываютъ кровь изъ маленькихъ дѣтей. Поэтому едва только замѣтятъ подобную бабочку, то пускаются за нею и не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ.

Колодезная фея, занимающая въ повѣрьяхъ южнославянскихъ народовъ видное мѣсто, является у болгаръ подъ названіемъ самодивы въ разныхъ видахъ: то въ видѣ бѣлой кошки, то въ видѣ бѣлой козы или бѣлаго коня и т. д., и если кто имѣетъ несчастіе быть оцарапаннымъ ею, то умереть навѣрно. Молодымъ мужчинамъ является она въ видѣ бѣлой женщины удивительной красоты, и горе тому, кто ей понравится: — ея поцѣлуй смертеленъ! Вообще, по понятіямъ болгаръ, въ лѣсахъ обитаютъ нимфы, заколдованныя животныя, бродятъ оборотни, медвѣди, въ которыхъ обратились собственно турки, поѣвшіе нѣкогда свинины. Разныя болѣзни болгары также приписываютъ вліянію духовъ, и потому, для предохраненія себя отъ нихъ, запасаются разными амулетами, которые добываютъ обыкновенно у священниковъ или бабоекъ.

Всѣ эти обычаи и повѣрья суть явные остатки временъ давно минувшихъ, языческихъ. Въ другихъ же языческія преданія смѣшались съ христіанскими вѣрованіями, и это особенно замѣчается въ тѣхъ обрядахъ и повѣрьяхъ, которые сопровождаютъ различные праздники. Такъ, на примѣръ, празднованіе новаго года носитъ на себѣ всѣ черты язычества.

Новый годъ извѣстенъ у болгаръ подъ названіемъ «Сурваки» — праздникъ въ честь бога Сури, который прежде признавался богомъ изобилія и плодородія. Во времена дохристіанскія болгары посвящали первый день новаго года празднеству Сури, дабы онъ ниспослалъ плодородіе, счастье и благоденствіе. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ между болгарами. Нужно только замѣтить, что празднованіе новаго года совершается не вездѣ одинаково.

Наканунѣ новаго года болгары не работаютъ. Молодые дѣвушки

приготавливаютъ большія «плити» (пирогі), во внутренности которыхъ вставляютъ маленькія отпрыски дерева. Отпрыски эти бывають конечно различныя и по ихъ формѣ имъ даютъ наименованіе: дома, сада, мельницы, коня, курицы и т. д. въ ряду все, что составляетъ движимое и недвижимое имущество семьи. Кромѣ того, во внутренность пирога кладется старинная серебряная монета (бабка по болгарски), привязанная красною ниткою, — символъ счастья.

Вечеромъ всѣ члены семьи садятся около круглой «парали» (стола), на которой поставлены кадильница съ ладаномъ, сухіе овощи, пшеница и свѣчки. Дядо (т. е. старшій въ семьѣ) съ благоговѣніемъ беретъ кадильницу, читаетъ «Отче нашъ», ходитъ по всему жилищу со свѣчою и кадильницею и кадитъ «за здраве и добро». Восковая свѣчка, употреблявшаяся при этомъ, хранится во весь годъ; она, по повѣрью, имѣетъ цѣлительное свойство, поэтому зажигается когда заболѣетъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Послѣ этой церемоніи отецъ беретъ ножъ, разрѣзаетъ на нѣсколько кусковъ пирогъ и даетъ каждому по части. Тогда каждый смотритъ, что ему попало въ часть. Самый счастливый въ этотъ годъ будетъ тотъ, кому попалась серебряная монета съ красною ниткою; за тѣмъ идетъ домъ, садъ и т. д. Если кому не подалось ничего или попало, на примѣръ, кошба, садъ и т. д., — надъ тѣмъ смѣются.

Въ то же время на очагъ ставится большой пень, горящій пламенемъ. Онъ горитъ въ честь бога Сура. Если пень продолжаетъ горѣть до утра — то хорошо, а если потухнетъ — это значитъ несчастье: въ продолженіи года кто-нибудь изъ домашнихъ умретъ. Парни и дѣвицы въ эту ночь не спятъ. До полночи они заняты разными гаданьями. Такъ, на примѣръ, берутъ почки древесныхъ отпрысковъ и загадываютъ: почка означаетъ жениха; ее бросаютъ въ огонь и загадываютъ: женится ли царень такой-то? если почка раскроется и лопнетъ — хорошій знакъ; если нѣтъ, — то наоборотъ. По полуночи парни составляютъ четы или дружины, и отправляются изъ дома въ домъ

поздравлять хозяевъ «съ новымъ годомъ, съ веселымъ годомъ». Эти парни называются «суворкаре», а ихъ поздравленіе «суворканье». Каждый парень приготовляетъ себѣ для этого случая большую вѣтку, на которую навязываетъ красныя ниточки и «бабки».

Въ самой день новаго года первое дѣло для болгарина пойти въ церковь, чтобы «перекреститься», какъ говоритъ онъ, и попросить отъ Бога докшапнаго счастья на весь наступающій годъ; затѣмъ онъ садится за торжественную трапезу, также сопровождаемую поздравленіями и приѣвками. Послѣ обѣда, подѣ вечеръ, у молодежи начинаются игры и гаданья. Дѣвушки собираются въ заранѣ назначенный домъ. Наканунѣ еще онѣ снесли туда каждая что нибудь изъ своихъ украшеній: вольцо, серьги, браслетъ, перевязанные красною ниткою, по маленькой «киткѣ» (бузетъ). Эти украшения владутся въ мѣдный сосудъ, полный водою, который въ продолженіи ночи выставляется на крышу дома. Простой народъ вѣритъ, что Лада, богиня супружескаго счастья, посылаетъ ночью своихъ подругъ «самодивъ», чтобы разсмотрѣть положенныя въ мѣдномъ сосудѣ вещи и назначить каждой ея счастье. Когда всѣ въ сборѣ, роковой сосудъ ставится посрединѣ комнаты и обрядъ начинается. Выбираютъ самую молодую, самую красивую изъ дѣвицъ, у которой волосы русые и глаза яносиніе. Она представляетъ богиню Ладѣ. Представительница Ладѣ съ завязанными глазами садится на большой стулъ и ждетъ окончанія приѣва, поющей по этому случаю, особой пѣсни. Затѣмъ начинаетъ вытаскивать перстень.

Вытащенный изъ сосуда перстень принадлежитъ лицу счастливому; не только наступающій годъ, но и вся жизнь будетъ благоденственна. Приѣвы бываютъ большею частію аллегорическіе.

По вынутіи всѣхъ вещей изъ сосуда развязываютъ глаза представительницъ Ладѣ и начинаютъ тапцовать.

Въ день Крещенія или Богоявленія (6-го января) болгарскія матери растираютъ обыкновенно грудь своихъ дѣтей комьями снѣ-

га, что, по народному повѣрью, укрѣпляетъ ихъ здоровье. Взрослые же стараются обливать другъ друга водою, а желающіе избавиться отъ этого — должны откупаться деньгами, которыя потомъ пропиваются въ шинкѣ сообща всѣми мужчинами.

8-го января у болгаръ называется «бабинъ день» и празднуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего рода вахханаліями. Женщины обходятъ все селеніе танцуя, кривляясь и оглашая окрестность веселыми пѣснями и смѣхомъ. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что замужнія женщины не танцуютъ вовсе, такъ какъ это считается предосудительнымъ. Въ этотъ же день беременныя женщины, которыя должны скоро разрѣшиться, отправляются съ букетами, съ чашками наполненными водою, съ мыломъ, полотенцами и разными подарками къ сельской бабкѣ и передаютъ ей дары, которые она обмываетъ по принятіи и отдаетъ давшимъ обратно для сушки. Послѣднія, просушивши, возвращаютъ назадъ бабкѣ и взаменъ получаютъ отъ нея нити красной шерсти и хлѣбъ съ солью, надъ которыми произносятся различные наговоры, и чѣмъ скорѣе она проглотитъ эти заколдованныя вещи, тѣмъ легче и скорѣе разрѣшится отъ бремени. Мужчины также одѣваются въ забавные костюмы и вообще проводятъ день въ кутежѣ. Масляница празднуется у болгаръ, какъ у русскихъ, обильнымъ угощеніемъ, пированьемъ и разными играми. Молодежь замаскировывается и ходитъ по селеніямъ, при чемъ собираетъ съ встрѣчающихся деньги, которыя и пропиваются сообща. Въ первый день масляницы молодые парни берутъ жерди, навязываютъ на нихъ огромные пучки соломы и, выходя съ ними за деревню, зажигаютъ ихъ и махаютъ этими пылающими факелами, описывая круги, пока они не потухнутъ, разсыпаясь дождемъ искръ. Это называется «самодивскій огонь», т. е. огонь для заклипанія духовъ.

День св. Георгія чрезвычайно чтится болгарамъ; онъ празднуется принесеніемъ овцы въ жертву, при чемъ кожа съ заколотыхъ овецъ идетъ

ТАВОРЪ КАВКАЗСКИХЪ ЦЫГАНЪ.

въ пользу священниковъ. Въ этотъ день заключаются обыкновенно контракты между хозяевами и работниками и вообще между нанимателями и наемщиками, преимущественно на годъ. Съ Вознесенья начинаютъ праздновать чрезъ каждые восемь дней «самовидскіе праздники» или праздники въ честь воллебницъ, господствующихъ надъ полями, лѣсами, водами и лугами. Ивановъ день (24-го іюня) ознаменовывается зажиганіемъ костровъ на возвышенностяхъ. Въ этотъ день дѣвушки забавляются разными играми и гаданьями: собираются, напримѣръ, по берегу ручья и бросаютъ вѣяки. Дѣвушка, вѣювь которой опередитъ другіе, будетъ счастлива и обязана устроить для своихъ подругъ въ Петровъ день пиръ съ музыкой и танцами.

Но самый шумный и веселый праздникъ у болгаръ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ — Святки. Только-что наступаетъ 20-е декабря, все поднимается на ноги, почти въ каждомъ домѣ бьютъ свиней (которыхъ вообще болгары держатъ въ большомъ количествѣ), дѣлаютъ колбасы, бѣлятъ избы желтой и бѣлою глиною, а кто позажиточнѣе — известью; моютъ полы, стираютъ, метутъ и проч. Такая работа продолжается до самаго сочельника, день, съ котораго у нихъ и начинаются святки и продолжаются до 8-го января. Въ продолженіи этихъ 14 дней веселыя пѣсни хоровыя, звуки скрипокъ, волынокъ, свирѣлей несутся отовсюду и не умолкаютъ съ утра до утра.

Утромъ, наканунѣ Рождества женщины еще до восхода солнца идутъ на рѣку съ пѣснями, останавливаются у воды, пляшутъ и наконецъ наливаютъ воду въ котлы, бросая туда сухіе цвѣты, пшеницу и ячмень. Возвращаются онѣ домой и замѣшиваютъ на этой водѣ хлѣбъ, въ которомъ обыкновенно запекаютъ золотую или серебряную монету. Отъ хлѣба этого вечеромъ каждый отломитъ кусочекъ, и кому достанется монета, тотъ будетъ самымъ счастливымъ въ семействѣ.

Когда начинаютъ печь хлѣбъ и готовить кушанье для вечера,

старшій въ домѣ выходитъ на дворъ съ зажженною лучиною въ рукахъ; за нимъ идетъ вся семья также съ зажженною лучиною. Тутъ они поднимаютъ дубовое полѣно, снимаютъ шапки и читаютъ молитву: «Христосъ рождается, славите». Затѣмъ вносятъ дерево въ домъ, еладутъ его на огонь и опять читаютъ молитву: «Христосъ — са роди»; «истинно - са роди»: отвѣчаютъ, и вся семья цѣлуется другъ съ другомъ. Тутъ-же кто нибудь беретъ обгорѣлое полѣно и ударяетъ имъ о печь. Если посыплется послѣ перваго удара много искръ — это принимается за знакъ того, что этотъ годъ будетъ хорошій приплодь лошадей; искры отъ втораго удара предсказываютъ плодovitость коровъ и т. д. Оставшійся кусокъ отъ дерева закапывается въ виноградникъ, чтобъ былъ урожай. По наступленіи вечера на столъ, покрытомъ бѣлою скатертью, ставятъ множество кушаньевъ, посреди ставится «боговица» (прѣсный хлѣбъ) съ запеченной монетою. Когда все готово, глава семейства беретъ вадильницу и вадитъ вокругъ стола, читая молитвы, потомъ ломаетъ горячую «боговицу» на мелкіе куски, которые обмакиваетъ въ медъ и раздаетъ всѣмъ по старшинству, а оставшимся медомъ мажутъ ворота, конюшни, хлѣвы и т. д. Лишь только отужинаютъ, какъ по домамъ начинаютъ ходить толпы парней и даже стариковъ, которые поютъ пѣсни, оканчивающіяся припѣвомъ «ой коледо, мой коледо». Поющихъ угощаютъ праздничнымъ пирогомъ и виномъ, и они отправляются далѣе.

Каждый вечеръ въ теченіи святокъ молодежь собирается на улицахъ селенія или въ домахъ пѣть пѣсни, играетъ и пляшетъ. Между болгарскими плясками самая употребительная и замѣчательная «горо», нѣчто въ родѣ нашихъ хороводовъ. Молодые дѣвушки и парни составляютъ сперва цѣпь, взявшись другъ съ другомъ за руки. Цѣпь эта дѣлаетъ два шага впередъ и шагъ назадъ; темпъ ускоряется все болѣе и болѣе; оба крыла начинаютъ сближаться и образуютъ наконецъ кругъ, который опять разрывается съ тѣмъ, чтобы опять соменуться. Предель этого танца заключается въ красивомъ измѣ-

нени фигуръ, которыя выдѣлываетъ цѣпь, и въ подвижности ея, съ которою они слѣдятъ за темпомъ музыки.

Что же касается болгарскихъ пѣсенъ, то болѣе новыя изъ нихъ отличаются веселымъ характеромъ и лиризмомъ. Въ нихъ воспѣваются прелести пастушеской жизни, горестъ и радости любви, жизнь въ лѣсу и въ полѣ съ любимюю подругою или съ милымъ сердцу другомъ. Весьма распространены также между болгарами пѣсни, въ которыхъ описываются подвиги гайдуковъ (удальцовъ, живущихъ въ Балканахъ и ведущихъ борьбу съ турками). Есть также пѣсни болѣе древняго происхожденія, въ которыхъ описываются подвиги героевъ и царей первыхъ временъ существованія Болгарскаго царства и временъ борьбы съ турками.

XXI. ГРЕКИ.

Греки, поселившіеся въ Россіи, сохранили болѣе или менѣе свой національный типъ, нравы и характеръ, и вообще не смѣшиваются съ тѣмъ русскимъ населеніемъ, среди котораго живутъ. И такъ какъ число ихъ въ Россіи весьма не велико въ сравненіи съ другими національностями, то мы здѣсь не будемъ останавливаться на этнографическомъ очеркѣ этого народа, а скажемъ только нѣсколько словъ о мѣстахъ, гдѣ они расселились.

Наибольшее число грековъ живетъ въ южной Россіи, гдѣ они живутъ въ городахъ, занимаясь торговлею. По деревнямъ наибольшее число живетъ въ Екатеринославской губерніи, гдѣ ихъ считается болѣе 33,000; затѣмъ въ Бессарабіи около 4,000; въ Херсонской

губерніи до 4,000 и въ Таврической — 5,000. Кромѣ того, греки живутъ въ Черниговской губерніи 2,000 ч., изъ числа которыхъ 1,500 въ Нѣжинѣ, въ Подольской губерніи, въ Астраханской и наконецъ въ Закавказьѣ 5,000 человекъ. Сосредоточенные въ Петербургѣ и Одессѣ греки, составляющіе себѣ въ короткое время большія богатства, занимаются торговлею и всякаго рода спекуляціями, отличающіеся ловкостью и беззапѣчивостью во всякаго рода денежныхъ дѣлахъ.

Во внутренней и южной Россіи греки приняли костюмъ, а отчасти и обычай молороссіянъ; живущіе же въ Крыму и Бессарабіи сохранили національный греческій костюмъ.

Къ греческимъ же поселенцамъ слѣдуетъ причислить свыше 1,000 человекъ арнаутовъ или албанцевъ, поселившихся въ Бессарабіи. Въ Греціи, Молдавіи и Валахіи, они обыкновенно занимаютъ разныя должности у господъ, въ Россіи же они занимаются мелкою торговлею и промышленностью. Это народъ довольно дѣкій по своимъ нравамъ и воинственный. Они легко отдають себя въ распоряженіе каждаго, кто пожелаетъ воспользоваться ихъ услугами. Ихъ языкъ — смѣсь сербскаго и итальянскаго, имѣетъ весьма много шипящихъ звуковъ.

ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.

Татары вмѣстѣ съ башкирами, киргизами, чувашами, мещеряками, тептерями, бобылями и бессерменами принадлежать къ тюркскому племени. Они составляютъ три группы: восточную, крымскую и закавказскую. Кроме того, можно было-бы составить и четвертую — литовскую, которая впрочемъ постепенно исчезаетъ. Татары этой послѣдней группы были поселены въ Литвѣ, какъ плѣнные, великимъ княземъ Витовтомъ въ концѣ XIV вѣка. Впослѣдствіи онъ вызывалъ татаръ къ себѣ на службу, которые, женившись на полькахъ, принимали польскія фамиліи и составляли современемъ польско-татарскую смѣсь. Эта отрасль татаръ, какъ уже сказано выше, постепенно исчезаетъ.

Татары восточной группы живутъ по обѣимъ сторонамъ Волги; они населяютъ губерніи: Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую. Татары, живущіе на этомъ пространствѣ, составились изъ смѣси болгаръ, тюрковъ, татаръ, монголовъ и русскихъ славянъ.

Татары крымскіе представляютъ типъ монголо-татарскій или ногайскій; татары закавказскіе, отличающіе нѣсколько отъ другихъ

татаръ, отчасти смѣшаны съ иранскимъ племенемъ; наконецъ, въ татарахъ сибирскихъ типъ монгольскій преобладаетъ. Всѣхъ вообще татаръ въ Россіи 1.472,500 душъ, изъ числа которыхъ огромнѣйшая масса болѣе 1.200,000 живетъ въ Европейской Россіи, а остальные въ Сибири и за Кавказомъ.

Представителями восточныхъ татаръ служатъ татары казанскіе, съ которыхъ мы и начнемъ очерки татарскихъ племенъ.

XXII. КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Татары принадлежатъ къ тюркскому племени, и доселѣ живущему на огромномъ пространствѣ юговосточной Европы и центральной Азіи. Казанскіе татары, населяющіе, въ числѣ 450,000 душъ, Казанскую губернію, за исключеніемъ трехъ ея уѣздовъ, составляютъ особую отрасль, совершенно отличную не только вообще отъ тюркскаго племени, но и отъ всѣхъ остальныхъ татаръ.—По той роли, какую они играли встарину на востокѣ Европы, и по оригинальности типа и характера этого племени, казанскіе татары издавна обращали на себя особое вниманіе этнографовъ и были, повидимому тщательно изслѣдованы во многихъ отношеніяхъ; но нельзя сказать, чтобы чрезъ это достаточно выяснился образъ и исторія этихъ загадочныхъ и крайне-своеобразныхъ представителей азіатскаго элемента въ Европѣ.

Происхожденіе казанскихъ татаръ весьма темно. Правда, въ ихъ наружности и языкѣ довольно ярко выступаетъ, тюркскій элементъ, но въ то же время въ нихъ замѣтны черты чисто монгольскія, а отчасти финскія, и прослѣдить постепенное образованіе этой народности—чрезвычайно трудно.

Предки казанскихъ татаръ, покорившіе въ XIII столѣтіи Прикамскую землю, вышли, какъ полагаютъ, изъ Кипчакской орды, об-

разовавшейся въ этому времени на сѣверо-западѣ отъ Каспійскаго моря, между Ураломъ и Волгою. Большинство полчищъ, принадлежащихъ къ Кипчакской ордѣ, составляли татары, находившіеся вмѣстѣ съ другими тюркскими племенами подъ властью и предводительствомъ монголовъ. Отсюда—отъ Каспійскаго моря, вся эта разнохарактерная масса азіатскихъ кочевниковъ двинулась, почти одновременно, и на Русскую землю, черезъ рѣку Калку, и на земли, лежащія по рѣкѣ Камѣ и среднему теченію Волги.

Начиная съ V вѣка по Рож. Хр., вплоть до нашествія татаръ на юговосточную Россію, на Камѣ и по среднему теченію Волги, процвѣтало обширное и сильное болгарское царство. Границы его, равно какъ происхожденіе и языкъ самыхъ жителей, остались неизвѣстными. Полагаютъ, однако, что болгары принадлежали, подобно татарамъ, къ тюркскому племени, но не безъ примѣси финской и славянской крови; съ финнами и славянами они вели дѣятельныя, торговыя сношенія и частыя войны.

Съ окончательнымъ покореніемъ въ XIII вѣкѣ болгаръ татарами, послѣдніе переняли отъ побѣжденныхъ мусульманскую религію. Магометанство окончательно слило оба эти племени, образовавъ казанскихъ татаръ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ остальныхъ. Намѣстѣ прежняго болгарскаго царства возникаетъ царство Казанское, уже мало напоминавшее собою какъ болгарскую цивилизацію, такъ и Кипчакскую орду. Исторія Казанскаго царства известна: она кончилась знаменитою осадой г. Казани войсками Іоанна Грознаго и заселеніемъ всего покореннаго края русскими переселенцами.

Въ настоящее время, казанскіе татары, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую отрасль между всѣми племенами, происшедшими отъ смѣшенія монгольской крови съ турецкою; нельзя въ такихъ свойствахъ не признать благотворнаго вліянія волжскихъ болгаръ, которые въ этомъ племени похоронили свою національность. По своимъ физическимъ особенностямъ, казанскіе татары принадлежатъ къ

числу красивыхъ породъ: они хорошо сложены, роста вообще средняго, широкоплечи, имѣютъ правильный продолговатый овалъ лица, прямой тонкій носъ, скулы ихъ выдаются слабо, разрѣзъ глазъ почти обыкновенный, уши тонкія, отстающія; волосы на бородѣ рѣдкіе и не покрываютъ всей нижней части лица, какъ у русскихъ, а растутъ тонкимъ слоемъ лишь около нижней челюсти; широкая грудь и стройный станъ съ толстой и короткой шеей обнаруживаютъ силу и здоровье. Зажиточные татары, ведущіе беззаботную жизнь, подъ старость становятся дряблы и толстобрюхи. Между казанскими татарами нерѣдко попадаются типы: финскій, монгольскій, русскій, грузинскій, армянскій и кавказскій.

Татары всѣ носятъ короткія бороды и брѣютъ головы. Татарки отъ природы недурны, но по наружности нѣсколько отличаются отъ мужчинъ, подходя ближе къ монгольскому типу. Вообще, отъ погрояди одежды, или вслѣдствіе недѣятельной жизни, онѣ очень пеловки и неразвязны. Татарку преимущественно портитъ несчастный обычай густо намазывать лицо бѣлилами и румянами, сурмить брови и рѣсницы для того, чтобы глаза, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Въ довершеніе этого обезображиванія, женщины красятъ свои прекрасные зубы чернильно-орѣховымъ настоемъ, а ногти размазываютъ отваромъ изъ череды и квасцовъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ представляется теперь красота татарки, между тѣмъ какъ арабской красавицѣ говаривали, какъ обыкновенный комплиментъ: «уста твои пунцовы, какъ геянахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновою костью».

Татары — народъ способный, щедро надѣленный природою во всѣхъ отношеніяхъ. Они сметливы и расторопны, но не слишкомъ совѣстливы. Подобно всѣмъ побѣжденнымъ народамъ, они хитры, плутоваты и, можетъ быть, по природѣ склонны къ поровству. Впрочемъ, это относится только къ мелкимъ торговцамъ изъ татаръ; крупные же торговцы - татары извѣстны своею добросовѣст-

ностью. Точно также поступающіе въ услуженіе въ русскіе дома въ качествѣ вучеровъ, лакеевъ или дворниковъ, скоро пріобрѣтаютъ довѣріе хозяевъ своею исправностью и готовностью на всякое дѣло.

Казанскій татаринъ — достойный потомокъ древнихъ болгаръ: его стихія — торговля. Земледѣлія онъ не любитъ; лишь только заведется у него хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ же пускается въ торговлю, и, при извѣстныхъ качествахъ татаръ, многіе изъ нихъ быстро обогащаются. Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ не очень высоко, — гораздо ниже русскаго. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ въ востокъ отъ Казани, татары вовсе не занимаются земледѣліемъ: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ или вотякамъ въ годовое владѣніе за деньги, или изъ половины. Татары на все хороши, только-бы не пахаты: этого занятія они не выдерживаютъ, чему виною отчасти ихъ религія, приковывающая женщинъ къ дому, вслѣдствіе чего татарину, за неимѣніемъ помощниковъ, приходится постоянно работать одному, въ то время, какъ у русскихъ — женщины составляютъ немалое подспорье въ работахъ. Эта праздность, которой предаются татарскія женщины, можетъ быть терпима развѣ у купцовъ, но никакъ не у хлѣбопашцевъ, которые, не будучи въ силахъ удовлетворить чрезъ это занятіе всѣмъ потребностямъ семьи, должны пріискивать другіе способы пропитанія. Изъ полевыхъ работъ, даже бѣдныя татарки участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и уборкѣ сѣна, между тѣмъ какъ русскія женщины весьма часто пахутъ и боронятъ.

Занятія татарокъ большею частью ограничиваются мелочнымъ хозяйствомъ, пряденіемъ и тканьемъ; есть, впрочемъ, изъ нихъ золотшвейки; онѣ дѣлаютъ красивыя тюбетейки или ермолки и ичеги — спальные сапоги. Богатыя же татарки живутъ совершенно по восточному, исключительно для лѣни. Чѣмъ богаче и именитѣе татаринъ, тѣмъ болѣе скрываетъ онъ женъ своихъ. Жизнь богатой татарки

может служить доказательствомъ, что скука и бездѣятельность заставляютъ толстѣть и жирѣть. Руководлемъ она никакимъ не занимается; развѣ только въ старости иногда кое-что дѣлаетъ въ хозяйствѣ; молодыя же исключительно заняты своимъ желудкомъ и нарядами. Дѣти, одежда и частая ѣда — единственное ихъ развлеченіе.

Казанскіе татары до сихъ поръ сохраняютъ еще много самобытнаго и характеристическаго: они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ племенъ, крѣпко держатся своихъ обычаевъ и преданій. Воспоминаніе древней славы болгарскаго народа, какъ видно, еще не изгладилось совсѣмъ изъ ихъ памяти и слышится въ прозвищѣ «бургалрыкъ», которое иногда даютъ себѣ казанскіе татары. Въ самой Казани татары живутъ въ двухъ отдѣльныхъ слободахъ — въ Старой и Новой татарской; конечно, въ эту часть города они вытѣснены были побѣдителемъ.

Селенія татарскія представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ. Встарину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ оградю. По улицамъ тянулись заборы съ калитками и воротами, а главныя строенія скрывались внутри ограды. Теперь не только въ городахъ строятся по планамъ, а есть и деревни правильно выстроенныя. Но и тутъ татаринъ старается сколько возможно скрыть свое жилище отъ глазъ прохожаго: окна его избы обращены по большей части внутрь двора, а съ улицы передъ низенькой своей избенкой онъ насадитъ крыжовника или другихъ вашихъ -нибудь густо растущихъ кустовъ. Тѣснота улицъ, небрежность построекъ, грязь и безчисленное множество собакъ, выпроваживающихъ прохожаго, составляютъ отличительный признакъ татарскихъ деревень. Поля кругомъ дурно воздѣланы, мѣстность открыта, однообразна. Въ сторонѣ гдѣ нибудь видѣется иногда кой-какая роща или дерево — мѣсто татарскаго кладбища.

Крестьянскій домъ, всегда однообразный по внутреннему устройству, раздѣляется на двѣ половины — чистую и грязную; между ними находятся сѣни, предназначенныя для домашняго богомолья. Чистая половина, т. е. передняя изба, также раздѣляется на два отдѣленія, мужское и женское; въ каждое изъ этихъ отдѣленій ведетъ особая дверь. Въсто стульевъ и скамеекъ по стѣнамъ обѣихъ половинъ расположены широкія нары, переполненныя пышными пуховиками и подушками, задернутыми ситцевыми занавѣсками. Полъ у мало-мальски исправнаго татарина покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или цыновкою. Печь бѣлится нѣсколько разъ въ году. Въ нее вмазывается котелъ для варенія пищи. На печи же стоятъ мѣдныя вылуженные или жестяные кувшины: одинъ мужу, другой — женѣ. Законъ запрещаетъ имъ умываться изъ одной посуды. За печью — тазъ для умыванія и два полотенца: одно для рукъ, другое для ногъ. Остальное убранство комнаты — шкафъ съ посудой и чайнымъ приборомъ. Татары очень любятъ фарфоръ, особенно ярво раскрашенный: не отголосокъ-ли это вкуса древнихъ болгаръ? Нѣсколько сундуковъ, обитыхъ жестью и расписанныхъ такими же яркими цвѣтами, бухарскіе ковры и зеркало на видномъ мѣстѣ — заканчиваютъ убранство комнатъ. — Задняя изба назначается для производства разныхъ работъ и содержится вообще черно; здѣсь въ окнахъ, даже у достаточныхъ людей, вмѣсто стеколъ часто вставлены бычачьи пугзыри. Въ этихъ избахъ за печкой всегда оставляется уголокъ, гдѣ сидитъ за занавѣской хозяйка, когда бываютъ гости.

Въ городахъ наружный видъ татарскихъ домовъ ни чѣмъ не отличается отъ другихъ городскихъ. Но внутри домовъ только у самыхъ богатыхъ татаръ однѣ лишь парадныя комнаты убраны на европейскій ладъ: мягкой мебелью, зеркалами, канделябрами, занавѣсками, коврами, шитыми скатертями и цвѣтами на окнахъ, да и то больше на показъ, чѣмъ для потребности. Во внутреннихъ же, жилыхъ покояхъ преобладаетъ азіатскій вкусъ, съ его низкими ди-

ванами по стѣнамъ, на которыхъ сидятъ татарки, поджавъ свои ноги.

Въ татарскихъ избахъ съ виду кажется все чистымъ и прибранымъ, но большинство татаръ нельзя однако похвалить за чистоту и опрятность. У нихъ постоянно случается, что въ одной и той же посудѣ стирается грязное бѣлье и подается кушанье. Чистоплотности отъ татаръ также, кажется, можно было-бы ожидать, вслѣдствіе частыхъ омовеній, предписываемыхъ имъ закономъ; но на дѣлѣ бываетъ далеко не то: у нихъ чаще, чѣмъ у какаго нибудь другаго племени встрѣчаются разныя нагожныя болѣзни, порождаемыя неопрятностью, а также парши на головѣ отъ грязныхъ тюбетеекъ, непронускающихъ головныхъ испареній. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ самъ татаринъ, такъ и домъ его, насквозь пропитаны какимъ-то особеннымъ запахомъ отъ бараньяго сала, которое они постоянно употребляютъ въ пищу, въ видѣ приправы къ разнымъ кушаньямъ.

Гастрономическій вкусъ татаръ — все мучнистое, все жирное и сладкое. Обыкновенная пища татарина-поселянина состоитъ въ слѣдующемъ: *толканъ* — мука вареная въ водѣ съ солью; болтушку эту ѣдятъ утромъ вмѣсто чая. За обѣдомъ подаютъ *салму* — мучные шарики, иногда съ мясомъ, разваренные въ водѣ; лепешки изъ гречневой муки. Вечеромъ опять варятъ «толканъ». По праздникамъ лакоматся лошадинымъ мясомъ или бараниною.

Самый общительный татаринъ не станетъ съ русскимъ ѣсть мяса; надо, чтобы животное было заколото татаринкомъ, который, перерѣзывая горло, произноситъ молитву: *бисъ-миллахъ* (во имя Божіе). Часто случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собою курицу или кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить; если же принесенная птица живая, то татаринъ тутъ же самъ закалываетъ ее съ молитвою — «*бисъ-миллахъ!*» — Уходъ за скотиною въ татарскомъ хозяйствѣ весьма тщателенъ и примѣрно чистъ. Ихъ варенныя сливки — *каймакъ* — очень вкусны. Они запасаются

ими на зиму, замораживая ихъ въ большихъ кадкахъ, и ѣдятъ за тѣмъ разогрѣтыми. Впрочемъ, это дѣлается большею частью въ домахъ зажиточныхъ татаръ.

Богатые татары преимущественно ѣдятъ лапшу, пельмени, жаркое, жирныя лепешки (съ чаемъ), пироги съ зелеными огурцами и сухіе плоды. До разныхъ овощей татары весьма большіе охотники: они воздѣлываютъ ихъ съ любовью, запасаясь ими на зиму. Татары, живущіе въ Казани, почти совсѣмъ не ѣдятъ конины. Это невкусное мясо въ употребленіи только у деревенскихъ жителей, которыми продаютъ на убой, обыкновенно старыхъ, еле-живыхъ лошадей.

До чаю всѣ вообще татары страстные охотники; быть можетъ, это потребность желудка послѣ ихъ жирныхъ обѣдовъ. Но замѣчательно, что пристрастіе въ чаю и ко всему сладкому не уничтожаетъ въ нихъ, какъ въ русскихъ крестьянахъ, склонности къ вину. Не смотря на заповѣдь пророка и запрещеніе муллъ, татаринъ любить выпить, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ не вино, а бальзамъ (попросту — настой травъ на винѣ).

Трактирная жизнь татарину очень по сердцу; въ этомъ, можетъ быть, проявляется здѣсь любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіи дня 10—15 бутылокъ у татарина не считается гастрономическимъ подвигомъ. За пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни, или слушаетъ органъ, курить табакъ, а у себя въ домѣ курить не позволено. Пьяные татары не такъ скоро ссорятся, какъ русскіе; за то ужъ если случится драка, то унимается она не скоро.

Одежда у татаръ восточная, а на востокѣ не придерживаются въ поворѣ одежды формы, указываемой самою природою, т. е. конструкціи человѣка. Тамъ чѣмъ одежда шире, тѣмъ лучше. Голая выбритая голова татарина непремѣнно покрыта ермолкой — *тюбетейкой*.

Сверхъ тюбетейки, смотря по времени года, надѣвается—зимой — бѣлая полярковая шляпа, лѣтомъ — малахай, конусообразная по-крышка изъ бѣлаго войлока. Муллы, мудериссы (учителя) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ сверхъ ермолки бѣлую *чалму*. Рубашка татарская — длинная, съ широкими рукавами, съ большимъ отложнымъ воротникомъ — шьется изъ бѣлаго холста, синей крашенины, китайской нанки или же изъ ситцу. Отличительная черта татаръ состоитъ въ томъ, что они никогда не подпоясываютъ своихъ рубахъ. Штаны носятъ широкіе, длинные, запущенные концами въ сапоги или подъ онучи. Ноги обуваютъ большею частью въ лапти, и только городскіе, да живущіе по Волгѣ и Камѣ обуваются въ высокіе сапоги, поверхъ которыхъ надѣваютъ галоши, или, скорѣе, башмаки, изъ черной или зеленой кожи съ загнутыми вверхъ острыми носками и съ разными фигурками по краямъ прорѣза. Поверхъ рубашки носятъ *зиянъ* — камзолъ безъ рукавовъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ цестрой шелковой или полу-шелковой канфы. Затѣмъ, пропорціонально степени мороза, идутъ — халатъ, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ и, наконецъ, шуба. Казанскіе купцы-татары поверхъ зияна надѣваютъ обыкновенно нанковый и суконный камзолъ съ рукавами, похожій покроємъ на русскій купеческій кафтанъ; за пазухой его всегда лежатъ шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то богатый татаринъ носитъ много цѣнныхъ украшеній: вольца съ алмазами, толстую золотую цѣпь, опоясывается ремennemъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными разной формы бляхами, которыя охватываютъ дородную талию какаго нибудь богача. Богатые, сверхъ того, шеголяютъ тюбетейками, вышитыми золотомъ и жемчугомъ, шапками, опушенными дорогимъ бобримъ.

Татарки любятъ наряжаться еще въ большей степени. Одежда ихъ состоитъ изъ ситцевой или шелковой рубашки, доходящей до пяты, съ яркими нашивками по краямъ и съ широкими оборками по подолу. Обладки и оборки по подолу непременно находятся у всякой, какъ ни была бы груба и дешева рубашка и какъ ни стара была бы женщина. Послѣ рубашки неперемѣнная принадлежность костюма — нагрудникъ съ позументами, унизанный серебряными монетами. Богатыя закрываютъ грудь лифомъ изъ шелковой или парчевой матеріи. Подъ рубашкою носятъ шальвары, но не всѣ и не всегда. На голову бѣдныя повиваютъ узорчатые по концамъ полотноца, а богатые надѣваютъ шелковыя, въ видѣ повязки, съ дорогою бахромою, позументами и драгоценными камнями, или же бархатныя шапочки, отороченныя соболемъ. Сверхъ всего, онѣ покрываются длиннымъ вуалемъ изъ тюля. Ноги обертываютъ въ тонкія полотноца, а поверхъ надѣваютъ сафьянныя *ичеги* — ботинки, вышитыя шелками или золотомъ. Бѣдныя обуваются въ лапти и онучи; послѣднія дѣлаются иногда изъ козлиной кожи. Поверхъ рубашки, какъ и мужчины, татарки носятъ два камзола, изъ коихъ нижній, зиянъ, безъ рукавовъ, изъ шелковой матеріи, обшитый по краямъ галуномъ и съ карманомъ на боку; верхній камзолъ дѣлается изъ парчи, съ очень длинными рукавами. Въмѣсто камзола теперь, впрочемъ, чаще носятъ просто халатъ изъ парчи, шелковой матеріи или изъ китаяки съ длинными суживающимися къ концамъ рукавами; халатъ этотъ наидывается на голову и служитъ, такимъ образомъ, вмѣсто чадры. Богатыя женщины носятъ, кромѣ того, много украшеній: въ ушахъ — дорогія серьги, на шеѣ — ожерелья, на рукахъ — браслеты; на каждый палецъ надѣваютъ золотыя кольца съ камнями; въ густыя и длинныя косы влетаютъ монеты, которыя служатъ неизбѣжнымъ и любимымъ украшеніемъ татарскихъ женщинъ. Черезъ лѣвое плечо надѣваютъ богато убранныя каменьями и монетами

КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ

СИБИРСКІЕ И ВОЛЖСКІЕ ТАТАРЫ

таимъ привязь, къ концемъ которой прикрѣпляется маленькая сумочка, куда кладется текстъ изъ Корана или амулетъ.

Казанскіе татары исповѣдуютъ магометанскую религію, которая раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ секты—суннитовъ и шиитовъ. Здѣшніе татары—сунниты.

Догматы корана слѣдующіе: вѣра во единого Бога, недопускающая даже его изображенія; вѣра въ ангеловъ и пророковъ, взятыхъ изъ Библии и талмуда, и вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, адъ, рай и въ предопредѣленіе или фатализмъ.

Ученіе корана слишкомъ обширно и, въ то же время, очень мелко, сбивчиво и противорѣчиво для того, чтобы его можно было передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Обрядовая сторона исламизма заключается въ молитвѣ, постѣ, раздачѣ милостыни, странствованіи въ Мекку, въ совершеніи брака, погребеніи и т. д. Съ молитвою соединено омовеніе, имѣющее религіозное значеніе. Мыться и потомъ молиться—называется *творить намазъ*. Намазъ совершается пять разъ въ сутки: *утромъ* предъ восходомъ солнца съ 12 поклонами; *въ полдень*—съ 30 поклонами; *за часъ предъ заходомъ солнца*—съ 12 поклонами; *тогдашъ по заходѣннн* солнца—съ 15 поклонами; и наконецъ, *вечеромъ*, часовъ въ 8 или 10—съ 29 поклонами. Каждый разъ предъ молитвою магометанинъ омовается, т. е. очищаетъ предъ Богомъ сперва тѣло водою, а потомъ душу молитвою. Самое омованіе дѣлается въ извѣстномъ порядкѣ. Магометанинъ усердно исполняетъ этотъ обрядъ молитвы не только у себя дома, но и въ путешествіяхъ, гдѣ есть малѣйшая возможность творить намазъ. На пароходахъ, въ вѣтряную и сырую погоду, всякій ихъ видалъ полушущихся на палубѣ.

Мечети казанскія бухарскаго стиля. Онѣ состоятъ изъ длиннаго двухъ-этажнаго каменнаго дома, въ срединѣ котораго подымается высокій и тонкій минаретъ. Въ нижнемъ этажѣ лавки, а въ верхнемъ производится богослуженіе. Верхняя часть раздѣляется на-

двое: въ первой остаются туфли и стоятъ гѣ, которые считаютъ себя недостойными быть въ главной хранилѣ.

Молитва мусульманина вся заключается въ восторженныхъ воззваніяхъ къ Богу. Въ мечети молящіеся стоятъ или сидятъ скромно, тихо съ ничѣмъ невозмутимымъ вниманіемъ.

Черезъ своихъ муллъ татары получаютъ почти все свое образованіе. Муллы учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, за ничтожную плату—деньгами или натурою: мукою, медомъ, чаемъ, хлѣбомъ и т. под. Школы находятся при мечетяхъ и содержатся, обыкновенно, на счетъ подаеній богатыхъ татаръ. Мальчикъ выучивается здѣсь арабскому языку и изучаетъ коранъ. Въ знаніи корана заключается все образованіе магометанина, какъ религіозное, такъ и умственное. Другихъ знаній коранъ не допускаетъ; онъ говоритъ правовѣрному и о небѣ, и о землѣ съ большими подробностями. Въ этой книгѣ весь міръ мусульманина, и въ самомъ дѣлѣ, коранъ не только предписываетъ гражданскія и семейныя отношенія, но нисходитъ до мелочей—посуды и т. п. Татаринъ отдаетъ сына въ ученіе, когда тому минетъ 7 или 8 лѣтъ. Курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Въ теченіи этого времени учитель обыкновенно объясняетъ своимъ ученикамъ разныя татарскія книги, изданныя въ Казани, большею частью изъясненія на коранъ въ стихахъ и прозѣ, знакомитъ ихъ съ нѣкоторыми гражданскими книгами, какъ-то: «наставленіе въ торговлѣ» Мухамеда-Эффенди и проч. Тѣ мальчики, которые готовятся въ муллы оканчиваютъ иногда свое образованіе въ Бухарѣ, а въ послѣднее время и въ Египтѣ. Знаніе арабскаго языка, необходимо татарину, чтобы разумѣть коранъ, а также чтобы шеголять высокимъ и ученымъ слогаемъ, который состоитъ въ прибавленіи арабскихъ словъ къ татарскимъ; татары занимаются еще персидскимъ и бухарскимъ языками, необходимыми для торговыхъ сношеній съ восточными народами. Учитель и вмѣстѣ мулла не живетъ въ училищѣ, а для

надзора избираетъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Обращеніе съ учениками вполнѣ зависитъ отъ характера и пониманія своего дѣла учителемъ; поэтому тѣлесное наказаніе и сажаніе учениковъ въ подполье не есть рѣдкость. По заведенному обычаю, завтракъ въ 8 часовъ утра и обѣдъ въ 6 часовъ вечера готовятся по жребію однимъ изъ учениковъ. Ученые идутъ круглую недѣлю, начинаясь каждый день съ разсвѣтомъ, и только въ четвергъ, въ полдень до утра субботы, оно прекращается.

Татарскія дѣвочки также обучаются чтенію и письму, по большей части у своихъ матерей, либо у женъ муллъ и имъ подобныхъ женщинъ. При этомъ дѣвочки обучаются и вышиванью золотомъ сапожковъ и тюбетеевъ.

Вообще первая ступень образованія — грамотность — достаточно распространена между татарами; мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Татаринъ, незнающій грамоты, презирается своими соплеменниками и, какъ гражданинъ, не пользуется уваженіемъ. Въ 1802 году основана была въ Казани татарская типографія, благодаря которой у нихъ имѣется теперь множество книгъ на восточныхъ языкахъ. Русскихъ же книгъ на татарскій языкъ почти не переводятъ; со времени основанія типографіи переведены только нѣкоторыя по распоряженію начальства, какъ на примѣръ: объ оспопрививаніи, о мнимо умершихъ, и т. под. Высшій предѣлъ умственного развитія татаръ до сихъ поръ составляетъ подробное изученіе полного алфавита на арабскомъ языкѣ, выше чего, въ силу магометанства, ничего быть не можетъ.

Сильное движеніе грамотности и распространеніе восточной письменности между казанскими татарами имѣли огромное вліяніе на утвержденіе среди нихъ магометанской религіи. Магометанство же, въ свою очередь, сильно вліяетъ на ихъ обычаи, нравы, языкъ, литературу, характеръ и типъ. Особенное значеніе въ татарскомъ быту

имѣютъ ихъ религіозныя торжества или обряды, между которыми первое мѣсто занимаютъ праздники «Рамазанъ» и «Курбанъ».

Рамазанъ — мѣсячный постъ, установленный въ память дарованія правовѣрнымъ корана. Во время рамазана магометанинъ обязанъ ежедневно, отъ восхода солнца до вечера, воздерживаться отъ принятія всякой пищи и питья. Впрочемъ, ночью же, при свѣтѣ благосклонной луны, татары наѣдаются и напиваются до-сыта. Тотчасъ по закатѣ солнца, казанскіе татары толпами идутъ въ трактиры. Большимъ и находящимся въ дорогѣ разрѣшается поститься въ другое время, или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. Для земледѣльческаго класса рамазанъ, когда онъ приходится въ рабочую пору, бываетъ крайне изнурителемъ. Въ знойный лѣтній день пахарь не смѣетъ освѣжить себя глоткомъ воды, или сколько нибудь подкрѣпить силы пищею. Въ продолженіи всего поста въ мечетяхъ совершается служба, при чемъ вся масса молящихся относится къ ней съ величайшихъ благоговѣніемъ.

Курбанъ — праздникъ жертвоприношенія, установленный въ память жертвоприношенія Авраамова. Начало этому празднику опредѣляютъ по новолунію, спустя два мѣсяца послѣ рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ переходящій. Продолжается онъ 11 дней. Наканунѣ курбана соблюдается постъ, т. е. воздержаніе отъ всякой пищи вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца, татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго каждый домохозяинъ, кто-бы онъ ни былъ, придя домой, самъ закалываетъ какое нибудь животное, при чемъ оно предварительно кладется головою къ Меккѣ. Мелкихъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, должно быть не меньше, чѣмъ число членовъ семейства, а крупныя — въ родѣ коровы, лошади или верблюда, приносятся въ жертву вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанное на части жертвенное мясо кладется въ особо-приготовленномъ для этого котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи каждый

членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ получаютъ по куску варенаго мяса съ бульономъ.

Этими двумя праздниками оканчиваются религіозныя торжества татаръ. Религія ихъ обязываетъ еще совершить странствованія въ Аравію—въ Мекку. Богатые казанскіе татары ежегодно туда отправляются черезъ Москву и Одессу. Поклоненіе это обходится имъ не менѣе 1,000 руб. сер. Побывавшіе въ Меккѣ пользуются особымъ уваженіемъ; за городомъ еще встрѣчаютъ здѣшніе татары возвращающагося изъ святаго путешествія.

Частная жизнь татаръ находится также подъ сильнымъ вліаніемъ ихъ религіи. Коранъ опредѣляетъ почти каждый шагъ правовѣрнаго; въ семейномъ быту его имѣютъ также мѣсто многіе чисто религіозные обряды, сопровождающіе всю жизнь магометанина, начиная отъ его рожденія и оканчивая погребеніемъ.

При рожденіи младенца присутствуетъ обыкновенно бабка. На 3-й или 4 день приглашается мулла, который беретъ младенца на руки и, произнося молитву, даетъ ему имя. За тѣмъ слѣдуютъ посѣщенія родильницы знакомыми женщинами, при чемъ каждая приноситъ ей на зубокъ деньги, какъ у русскаxъ, и сверхъ того чаю или сахару, сколько кто можетъ, а новорожденнаго дарятъ рубашками, тубетейками и т. под. По прошествіи 3-хъ или 5-ти лѣтъ (только не въ четный годъ, иначе, по предразсудкамъ татаръ, ребенокъ долженъ преждевременно умереть), кто нибудь, по выбору муллы, обрѣзываетъ ребенка, а самъ мулла читаетъ при этомъ молитву.

Женитьба татарина находится еще въ большой зависимости отъ ученія магометанской религіи. Коранъ вмѣшивается почти во всѣ мелочныя подробности брака и не опускаетъ безъ вниманія даже калыма, т. е. денежнаго вознагражденія, платимаго женихомъ за невѣсту ея родителямъ. Но особенность мусульманскаго брака заключается въ многоженствѣ, освящаемомъ ихъ религіей. Коранъ говоритъ правовѣрнымъ: «берите себѣ въ супружество изъ женщинъ та-

вовыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре».

На основаніи ученія корана, татаринъ разомъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ и неограниченное число наложницъ. Въ дѣйствительности, однако, очень немногіе даже изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной. Вторую жену обыкновенно берутъ только тогда, когда первая состарится. Нѣкоторые купцы женятся на очень молоденькихъ женщинахъ изъ Бухаріи, а бухарцы, пріѣзжая лѣтомъ на нижегородскую ярмарку, берутъ себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ молоденькихъ и бѣдныхъ поселановъ за большой калымъ, такъ какъ здѣшніе татары потому не охотно женятся на этихъ вдовицахъ. Въ настоящее время, впрочемъ, такія бухарскія свадьбы составляются гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Татаринъ можетъ жениться на двухъ сестрахъ, но не прежде, какъ первая умретъ. Два родныхъ брата также могутъ быть женаты на двухъ сестрахъ.

Свадьбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ (яучи). По закону, запрещено жениху видѣть невѣсту прежде чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Послѣ такого смотрѣнія посылается съ предложеніемъ сваха, а положительный отвѣтъ объявляется обыкновенно при первомъ посѣщеніи жениха. Въ случаѣ согласія, тотчасъ же договариваются о калымѣ. Калымъ платится по состоянію; въ Казани у богатыхъ татаръ онъ доходитъ до 1,000 руб. сер.; половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ приданное, другая половина послѣ свадьбы удерживается родителями невѣсты на случай развода.

Со дня помолвки женихъ не ходитъ въ домъ невѣсты, но посы-

дасть ей, въ счетъ калыма, подарки: наряды, вещицы изъ серебра или золота и проч., смотря по состоянію.

За недѣлю до свадьбы начинаются свадебные пиры, которые происходятъ ежедневно поочереды — у родныхъ жениха и невесты: одинъ день собираются однѣ женщины въ домѣ невесты, а на другой—одни мужчины въ домѣ жениха. Невѣста, по обычаю, не участвуетъ даже въ женскихъ пирахъ, а женихъ все время не показывается въ домѣ невесты. Свадебные праздники и пиры чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги, на ковры, разостланные на полу, смотреть другъ на друга, безконечно говорить о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ волчьимъ аппетитомъ. Пиръ, впрочемъ, только и состоитъ въ непрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится гостямъ это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что нибудь невестѣ, если, впрочемъ, имѣетъ на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, за которыми подаются пироги, пилавы, жаркія и пирожныя—всего до 20 блюдъ, всѣ прежирныя и ни одно не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ, до разсвѣта. Подобнымъ-же образомъ пируютъ и мужчины. Поужинавши, татары и татарки начинаютъ на разные тоны отвашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина или хозяйку. Въ самый день свадьбы женихъ присылаетъ невестѣ въ подарокъ кадку меду и кадку топленого коровьяго масла для свадебнаго пира, который начинается съ приходомъ муллы. На этомъ пиру присутствуютъ одни только мужчины. При появленіи муллы, каждый изъ гостей подходитъ къ нему и, въ знакъ уваженія, по принятому обычаю, жметъ его руку обѣими руками. Затѣмъ подають на блюдахъ медъ и масло; гости намазываютъ того и другаго на хлѣбъ и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ;

за этой лакомой закуской слѣдуетъ ужинъ, подобный вышеописанному. Поужинавши, гости, сидя, откашливаются, потомъ встають и на разостланную сватерть владуть деньги въ подарокъ невестѣ. Сборъ этотъ называется «шербетомъ», оттого, что встарину онъ клался въ кубокъ съ шербетомъ и отдавался невестѣ. Во время свадебнаго пира ни невесту, ни жениха не пускають въ ту комнату, гдѣ пируютъ гости: невеста сидитъ въ это время въ приготовленной спальнѣ, а женихъ стоитъ за дверьми, въ сѣняхъ. Собранный подарокъ отъ гостей, или *шербетъ* относитъ невестѣ отецъ ея и, возвратясь, говоритъ, что дочь его деньги приняла, т. е. другими словами—согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца его. Здѣсь нужно замѣтить, что, въ виду отсутствія жениха и невесты при этомъ обрядѣ, отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ имъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія; поэтому мулла обращается къ послѣднимъ съ вопросами, какъ-бы къ самимъ жениху и невестѣ; если-же нѣтъ отцовъ, то мѣсто ихъ занимають ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

По окончаніи предварительнаго спроса, мулла читаетъ молитву.

Затѣмъ мулла говоритъ. Такой-то (отецъ невесты) соглашаешься ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ) тому-то въ замужество, по правиламъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, за такого-то, сына такого-то? Отвѣтъ: «Согласенъ—выдаю». — «Ты, такой-то (отецъ жениха), довѣренный со стороны сына своего, соглашаешься ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ-то количествѣ калыма — въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру».

Этимъ опросомъ родителей брачующихся оканчивается обрядъ вѣнчанія. Послѣ отъѣзда всѣхъ гостей, сваха отводитъ жениха въ спальню, гдѣ дожидается его невеста, и запираетъ ихъ. Въ этой

комнатѣ сидятъ мужъ съ женою четыре дня, не выходя ни на минуту, и къ нимъ, кромѣ свахи, въ это время никто не ходитъ.

По истеченіи четырехъ дней, мужъ уѣзжаетъ домой, а молодая жена остается у отца, часто на годъ и болѣе; мужъ къ ней только ѣздитъ по временамъ; за это время онъ измысливаетъ способы сдѣлаться самостоятельнымъ главою и независимымъ дѣвателемъ. По достиженіи этой цѣли, татаринъ увозитъ свою жену, вѣстѣ съ прижитыми дѣтьми, къ себѣ на домъ.

Отъѣздъ замужней татарки изъ родительскаго дома также сопровождается нѣкоторыми обрядами и обычаями.

Разводъ супруговъ дозволенъ враномъ; для этого нужно только взять у мудлы разводное письмо, а женѣ сказать: *талымъ* (затюлокъ). При этомъ, если мужъ бросаетъ жену, то весь калымъ остается въ ея пользованіи; если же жена захочетъ развестись, то возвращаетъ половину, сохраняющуюся у ея родителей со времени помолвки. Жена имѣетъ право требовать развода, когда мужъ не исполняетъ закона, ходитъ въ кабаки, воруетъ и проч.

При разводѣ, который совершается очень легко, существуютъ слѣдующіе обычаи: мужъ, удалившій жену, обязанъ давать ей содержаніе въ теченіи 4½ мѣсяцевъ. По смерти его, жена, съ которою онъ развелся, имѣетъ право на полученіе 1/3 части имѣнія. Если мужъ, разведенный съ женою, захочетъ жениться на ней же во второй и даже третій разъ, то можетъ получить разрѣшеніе на это лишь въ томъ случаѣ, когда жена послѣ перваго и втораго развода была замужемъ за кѣмъ нибудь другимъ, хотя на самое короткое время. Въ четвертый разъ на той же женщинѣ жениться уже не позволено ни въ какомъ случаѣ.

Дѣти невольницъ пользуются одинаковыми правами по наследству, и мужское покладѣніе наложницъ получаетъ по общему правилу вдвое больше, чѣмъ дѣти женскаго пола отъ замонной жены.

О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ

такъ называемый *намочимый судъ*, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій и на наши православныя мытарства. У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души падшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочія же скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары по усопшимъ дѣлаютъ частые поминки.

Когда татаринъ сильно занеможетъ, то призываетъ мудлу; онъ читаетъ 36-ю сурю изъ алкорана (о воскресеніи мертвыхъ). Когда мудлы нѣтъ, то это же дѣлаетъ какой-нибудь старикъ или старуха. Во время чтенія отходной, умирающаго постоянно осликаютъ съ тѣмъ, чтобы напоминать ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: «яѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета его пророка».

Умершаго кладутъ на столъ ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Затѣмъ омываютъ тѣло. Послѣ этого накрываютъ его тремя саванами: одинъ отъ шеи до колѣнъ, другой во весь ростъ, а третій кладется поверхъ двухъ нижнихъ и завязывается у головы и ногъ. Женщины, кромѣ того, целуютъ отъ головы до ногъ; волосы ихъ распускаются по сторонамъ, а лица закрываютъ особымъ холстомъ. Весь этотъ обрядъ надъ умершими совершаютъ женщины, которыя затѣмъ удаляются. Далѣе, тѣло покойника кладется на лубокъ. Татары долго тѣла покойниковъ не держатъ въ домѣ, всего лишь 12 часовъ, и русскій трехдневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается, не смотря на то, что на татарскій языкъ переведена брошюрка «О летаргіи». Если смерть воспослѣдовала утромъ, то покойника хоронятъ вечеромъ, а если вечеромъ, то на другое утро. Покойника выносятъ на кладбище на томъ же лубкѣ; несутъ его на плечахъ необыкновенно скоро, останавливаясь только предъ мечетями для прочтенія коротенькой молитвы.

Въ могилѣ выкапывается сбоку ниша или устраивается сводъ,

куда и владут покойника на правый бокъ, головой въ Мекеъ Затѣмъ нишъ и могила зарываются.

Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. Во время похоронъ женщины читаютъ на дому алкоранъ и подаютъ милостыню. Мулла за совершеніе обряда дарятъ деньгами или натурою: лошадью, коровою. Плате покойника и его алкоранъ отдають татарскому пономарю.

Поминовеніе состоитъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому алкоранъ, что продолжается шесть недѣль, также какъ и раздача милостыни. Подаянія эти большею частью дѣлаются на томъ основаніи, что по алкорану воздается всякому въ небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые и родственники приглашаются на обѣдъ; то же бываетъ въ 7-й, 40-й дни и черезъ годъ.

Кладбище татарское представляетъ довольно печальный видъ. Это безпорядочно изрытое поле, покрытое продолговатыми кочвами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ положены плиты, а иныя могилы обнесены четырехугольнымъ срубомъ, въ родѣ маленькаго домика, или просто частоколомъ. Надъ могилами часто сажаютъ березки. Иногда памятники имѣютъ видъ столбовъ съ квадратнымъ основаніемъ; на нѣкоторыхъ же могилахъ плиты врываются въ землю стоймя, какъ на аравійскихъ кладбищахъ. У богатыхъ на памятникахъ дѣлаются надписи. Надписи эти на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу.

Къ народнымъ нерелигіознымъ торжествамъ татаръ относятся ихъ общественные праздники—*Собанъ* и *Джунъ*.—Сабанъ (плугъ или соха)—праздникъ весны и земледѣлія. Въ деревняхъ его справляютъ предъ началомъ весеннихъ работъ, какъ только сойдетъ снѣгъ съ полей; въ Казани сабанъ празднуется нѣсколько позже, когда вода сойдетъ съ луга (на берегу озера Кабана), на которомъ обыкновенно справляется этотъ пиръ. Празднованіе сабана продол-

жается недѣлю, съ пятницы до пятницы. Въ это время татары, отъ мала до велика, собираются на какомъ-нибудь лугу для игръ; здѣсь они борются, скачутъ, бѣгаютъ въ перегонку. Въ числѣ не только зрителей, но участниковъ бываетъ много русскихъ. Женщины татарскія, закутанныя въ свои халаты, сидятъ гдѣ нибудь въ сторонѣ въ кибиткахъ и смотрятъ на собанъ издали; аристократки же даже и не ѣздятъ.

Джунъ—праздникъ, установленный, какъ видно, въ честь женскаго пола. Въ самой Казани джунъ не празднуется, а справляется онъ подъ разными названіями во многихъ деревняхъ Казанской губерніи. Праздникъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ джунъ, тенбера, качалджара, биктау и проч. Продолжается онъ въ теченіи семи пятницъ, послѣ сабана, обыкновенно—въ іюль мѣсяцѣ. Преданіе приписываетъ установленіе этого праздника одному богатому татарину, имѣвшему много дочерей и незнавшему какъ сбыть ихъ съ рукъ, т. е. выдать замужъ. Чтобы помочь горю, отецъ придумалъ, наконецъ, вполне европейскій способъ: онъ задалъ въ полѣ пиръ, созвалъ на него всю молодежь, куда же вывелъ и своихъ дочерей.. Пиръ этотъ, вѣроятно, понравился татарамъ и они исправно повторяютъ его до сихъ поръ. Джунъ бываетъ гораздо болѣе оживленъ, чѣмъ сабанъ. На джунъ собирается до тысячи человѣкъ и болѣе. Мужчины поютъ пѣсни, пляшутъ подъ національную музыку курачей (музыкантовъ), играющихъ на самодѣльныхъ скрипкахъ казачка, камаринскую и другія энергическія пѣсни. Танцы хотя и запрещены кораломъ, но здѣсь законъ пересиливается обстоятельствами и обычаемъ. Женщины сидятъ въ это время въ кибиткахъ, куда подаютъ имъ разныя лакомства, продающіяся по близости въ нарочно устроенныхъ для этого праздника палаткахъ и шалашахъ. Татарки также подтягиваютъ мужчинамъ при пѣніи веселыхъ пѣсенъ. Хотя женщины и тутъ не выходятъ изъ своихъ кибитокъ, но, во всякомъ случаѣ, праздникъ этотъ составляетъ открытое отступленіе отъ ма-

гометанскаго обычая—держать своихъ женщинъ постоянно взаперти, отдѣльно отъ мужчинъ. Во время празднованія джюна представляется единственный случай для знакомства мужчинъ и женщинъ между собою, а слѣдовательно можно предположить, что не всѣ татарскія свадьбы устраиваются черезъ свахъ, а есть вѣроятно и такія, которыя совершаются вслѣдствіе обоюднаго влеченія.

Въ татарахъ много склонности къ восточной роскоши. Не говоря уже о людяхъ со средствами, но и каковойнибудь деревенскій житель, бѣднякъ-пахарь, когда случится у него копѣйка, непременно къ веселымъ праздникамъ одѣнетъ свою жену въ шелкъ, накупитъ ей разныхъ бездѣлушекъ, которыя ихъ же братья-татары развозятъ по селамъ.

Что касается до пѣсней татарскихъ, то онѣ двоякаго рода: чисто народныя и искусственныя, литературныя. Здѣсь нужно замѣтить, что, благодаря развитію грамотности и самостоятельнаго печатнаго дѣла среди казанскихъ татаръ, у нихъ успѣла сложиться своя литература, хотя и далеко небогатая. Татары больше заняты заводами и торговлею, чѣмъ умственной дѣятельностью; да и восточно-магометанское направленіе этого племени не могло также много способствовать развитію въ нихъ склонности къ отвлеченнымъ занятіямъ. Однакоже въ литературѣ казанскихъ татаръ встрѣчаются изрѣдка самостоятельныя произведенія, между которыми пѣсни занимаютъ не послѣднее мѣсто. Какъ эти литературныя, такъ и чисто-народныя пѣсни казанскихъ татаръ носятъ на себѣ особенный отпечатокъ чего-то полувосточнаго, полу-славянскаго, или скорѣе полу-русскаго.

Страсть и любовь — составляютъ главную и почти единственную тему татарскихъ пѣсней. Плясовыя же ихъ пѣсни взяты отъ русскихъ.

Что касается до музыки татарскихъ пѣсней, то она также напоминаетъ русскую, но отличается большимъ количествомъ переходовъ съ ноты на ноту.

Казанскіе татары—городскіе—всѣ хорошо знаютъ по русски, но

татарки и жители глухихъ деревень, знающія нашъ языкъ—большая рѣдкость. Русскому языку они не учатся, а узнаютъ его только изъ ежедневныхъ сношеній съ русскими.

Вообще татары до крайности отторгнуты отъ нашей жизни и ея интересовъ. Христіанъ они считаютъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа, и за то, что они ѣдятъ мясо свиньи, питающейся всякой падалью. Богослуженіе наше, по ихъ понятіямъ, заключается только въ колокольномъ звонѣ и поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ.

Городскіе татары и татарки иногда посѣщаютъ балы, маскарады, театры. Въ театрахъ татарки сидятъ обыкновенно въ ложахъ, позади своихъ мужей, съ опущенными вуалями. На балахъ онѣ откидываютъ свои вуали, при чемъ невольно бросается въ глаза полупуганный видъ ихъ лица. Выносятъ-ли татары изъ театра и общественныхъ собраній какое-нибудь живое впечатлѣніе и живую мысль—неизвѣстно, да и крайне сомнительно.

Русскій элементъ очень мало коснулся татаръ. Магометанство до сихъ поръ обособляетъ ихъ отъ господствующаго племени. Они почти совсѣмъ не участвуютъ въ общественной жизни русскихъ: ихъ не занимаютъ и не интересуютъ вопросы, дорогіе каждому русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ татаръ проглядываетъ та же особенность, не смотря на то, что мѣсто жительства должно было-бы, кажется, связывать ихъ интересы съ интересами общими, т. е. русскими. Важнѣйшіе и вліятельнѣйшіе по связямъ и по состоянію татары живутъ «въ свой Казань бульна корошъ горотъ», гдѣ поселились отдѣльно и составляли до послѣдняго времени свое городское общество. Небogatые сельскіе обыватели находятся еще въ большемъ соприкосновеніи съ господствующимъ народонаселеніемъ и тѣснѣе связаны съ нимъ въ своихъ интересахъ; но богатые татары, и по торговымъ своимъ дѣламъ, и по связямъ, держатся больше средне-азиатскихъ государствъ и вообще востока.

XXIII. С И Б И Р С К И Е Т А Т А

Къ востоку отъ казанскихъ татаръ, на обширныхъ равнинахъ Западной Сибири, между русскими деревнями, разбросаны, въ разныхъ направленіяхъ по большимъ дорогамъ, селенія сибирскихъ татаръ, издавна получившихъ здѣсь осѣдлость. Многочисленное тюрко-татарское племя, игравшее долгое время важную роль въ судьбахъ Европы и Азіи, распространилось въ теченіи вѣковъ почти по всему Старому Свѣту. Извѣстный татарскій лингвистъ Мирза-Каземъ-Бекъ, во введеніи къ турецко-татарской грамматикѣ, изданной въ Казани, не безъ чувства нѣкоторой гордости и въ то же время не безъ основанія замѣчаетъ, что языкъ тюркскій, состоящій изъ множества нарѣчій, слышится во многихъ странахъ Азіи—между 31° и 60° сѣверной широты и 32° и 110° восточной долготы, а также въ значительной части Европы и даже въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣверной Африки...

Родиною и главнымъ мѣстомъ расселенія тюрко-татарскаго племени всегда была Азія. Правда, татары никогда не были коренными обитателями обширной сѣверной полосы азіатскаго материка-Сибири, но они долго были и здѣсь, какъ и въ восточной Европѣ единственными обладателями разныхъ частей Сибирской низменности.

Въ настоящее время татарскія племена въ Сибири расселены

почти по всѣмъ ея губерніямъ преимущественно же въ Тобольской Томской и Енисейской, въ числѣ около 90000 душъ обоого пола, не считая разныхъ мелкихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Восточной Сибири и болѣе или менѣе уже затерявшихся среди многочисленныхъ инородческихъ племенъ и русскихъ поселеній.

Сибирскіе татары раздѣляются на нѣсколько племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями и представляющихъ нѣкоторыя отличія какъ въ образѣ жизни, такъ и въ обычаяхъ, а отчасти и въ наружности. Собственно татары живутъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ; въ Енисейской же губерніи татары, извѣстны частью подъ именемъ сагайцевъ, называющихъ сами себя «сагай» и сохранившихъ татарскій типъ болѣе другихъ единоплеменныхъ имъ сосѣдей; въ той же губерніи кочуютъ татары-качинцы, получившіе это названіе отъ рѣки Качи, впадающей въ Енисей, и называющіе сами себя «Каштарбасъ». У всѣхъ качинцевъ сохранился татарскій обликъ, но на нихъ замѣтно уже сильное вліяніе монгольскаго типа, а Палласъ нашелъ у качинцевъ много сходства—въ наружности, въ одеждѣ и нравахъ съ сосѣдями ихъ—калмыками. Еще болѣе удалившееся отъ тюркскаго типа татарское племя, представляютъ въ Енисейской губерніи Кайбалы, называющіе сами себя «Кайба» и неизбѣжавшіе, по мнѣнію Кастрена, сильнаго вліянія ихъ сосѣдей—самоѣдовъ и остяковъ. Въ Енисейской же губерніи, по верховьямъ рѣки Чулыма, обитаютъ визильскіе татары, сами себя называющіе «визи», т. е. люди; визильцы почти вполнѣ сохранили татарскій типъ. Вліянію русскихъ, хотя не исключительно, наиболѣе подверглись чулымскіе татары, составляющіе одну отрасль съ визильцами и обитающіе по низовьямъ рѣки Чулыма, въ Томской губерніи; нѣкоторые изъ чулымскихъ татаръ совсѣмъ обрусѣли, пережились на русскихъ и позабыли свой родной языкъ.

Что же касается до мелкихъ татарскихъ племенъ, обитающихъ въ Восточной Сибири, каковы *карасы*, *ариты* и *сойоты*, то они

СТАРОБРЯДЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КАЗАНИ.

болѣе приближаются къ монголамъ и манчжурамъ, чѣмъ къ татарамъ, и составляютъ, можетъ быть, переходную ступень въ якутамъ, представляющимъ ничто иное, какъ окончательно омонголившихся татаръ.

Языкъ сибирскихъ татаръ, по настоящее время, составляетъ тюркское нарѣчіе, хотя, можетъ быть, отъ вліянія особенностей сибирской природы, а отчасти отъ смѣшенія съ коренными обитателями Сибири, значительно разнится отъ языка другихъ татаръ, напримѣръ крымскихъ, оренбургскихъ и касимовскихъ. Сибирскіе татары иногда вовсе не понимаютъ многихъ словъ, употребляемыхъ даже сосѣдними съ ними казанскими татарами.

По-русски почти все сибирскіе татары, даже обитающіе въ глухихъ мѣстностяхъ, говорятъ болѣе или менѣе свободно, исключая развѣ женщинъ и дѣтей.

Вообще, если на нѣкоторыхъ изъ сибирско-татарскихъ племенъ отразилось русское вліяніе, то это благодаря лишь нѣкоторымъ особенностямъ ихъ исторіи, а отчасти и вслѣдствіе исключительныхъ условій жизни въ Сибири. Прежде всего нужно замѣтить, что татары въ Сибири никогда не могли считать себя побѣдителями русскихъ, какъ это было долгое время въ Европейской Россіи; наоборотъ, въ Сибири русскіе всегда были въ положеніи побѣдителей татаръ. Одно это уже могло безповоротно утвердить въ нихъ вѣру въ превосходство русскихъ. Съ другой стороны, глушь края и дикая, бродячая жизнь разныхъ раздробленныхъ мелкихъ племенъ, окружавшихъ татаръ и населявшихъ Сибирь до завоеванія ея русскими, не могли способствовать развитію въ татарахъ ни промышленныхъ, ни гражданскихъ качествъ, а слѣдовательно и устойчивости въ политическомъ или этнографическомъ отношеніи.

Въ настоящее время минуло почти три вѣка со времени покоренія сибирскихъ татаръ, и надо сознаться, что большинство татарскихъ племенъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, живя все

время среди русскихъ, до сихъ поръ далеки отъ сліянія съ ними въ одну національность. Нельзя, конечно, вполне утверждать, какъ мы увидимъ впоследствии, чтобы русская народность не имѣла рѣшительно никакого вліянія въ духовной жизни татаръ и не вліяла также на ихъ нравы, но, во всякомъ случаѣ, татары до сихъ поръ, даже въ Сибири, составляютъ свой особый міръ, живутъ совершенно чуждыми намъ интересами и руководятся въ общественной жизни всеміи иными побужденіями, упорно придерживаясь своихъ нравовъ, своего общественнаго и домашняго быта. Все это относится преимущественно и исключительно къ татарамъ магометанамъ.

Магометанство въ Сибири распространено было еще Кучумомъ; позднѣе оно поддерживалось главнымъ образомъ изъ Бухаріи, гдѣ и тогда уже, во времена Кучума, былъ центръ мусульманской образованности. Главными проводниками исламизма въ жизнь татарскихъ племенъ въ Сибири, какъ и вездѣ, были школы, устраиваемыя при каждой мечети, гдѣ сословіе улемовъ и мулль разыгрывало роль народныхъ учителей. Изъ архивныхъ дѣлъ тобольскихъ архіереевъ видно, что на Барабѣ были примѣры обращенія крещеныхъ татаръ въ магометанство даже въ позднѣйшее время, въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, выходцами муллами изъ Тары и другихъ мѣстъ.

Большинство сибирскихъ татаръ, обитающихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка.

На рѣдкіе примѣры обращенія магометанъ-татаръ въ христіанство надобно смотрѣть, даже въ Сибири, какъ на исключительные случаи.

Дѣти у татаръ-христіанъ довольно часто умираютъ безъ крещенія, что, впрочемъ, неудивительно при обширности земель, на восторыхъ разбросаны татарскія кочевья. При этомъ, конечно, не нужно забывать и того, что сибирскіе татары-христіане никогда не только

не видѣли, но и не слышали никакихъ книгъ на своемъ языкѣ, ни религіознаго, ни свѣтскаго содержанія, ни даже богослужебныхъ.

Сибирскіе татары, потомки когда-то воинственныхъ сподвижниковъ Кучума, въ настоящее время вообще все далеко не отличаются прежней бойкостью и смирно живутъ въ своихъ деревушкахъ. Едва ли въ преданіяхъ ихъ сохранилась память о томъ, что такое были ихъ предки.

По наружности, сибирскіе татары, а въ особенности мусульмане, обитающіе въ Тобольской губерніи, довольно живо напоминаютъ тюркскій обликъ и рѣзко отличаются отъ всехъ инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Сибирскіе татары тѣлосложенія крѣпкаго, лицомъ смуглы и сухощавы, росту нѣсколько меньше средняго, походка ихъ медленная, неровная, колеблющаяся, станъ прямой, части тѣла довольно пропорціональныя. Господствующій цвѣтъ волосъ въ бородѣ, усахъ, бровяхъ и на головѣ — черный. Глаза каріе, почти черныя, продолговатыя; носъ прямой, довольно широкій; брови густыя, дугобразныя; губы толстыя; зубы чрезвычайно бѣлыя; лобъ низкій, прямой, лицо круглое. Вообще наружность мужчинъ довольно красива.

У Барабинскихъ татаръ и у племенъ, обитающихъ еще восточнѣе, лицо имѣетъ болѣе монгольское очертаніе, выражающееся главнымъ образомъ въ узкомъ разрѣзѣ глазъ, въ сильномъ развитіи скулъ, въ рѣдкости волосъ въ бородѣ и усахъ, и въ сутуловатости.

Крещенные татары носятъ длинные волосы, подстриженные въ кружокъ. Между ними есть не мало мужчинъ съ совершенно русскою фізіономіей, но отлично говорящихъ по татарски. Это вполнѣ обрусѣвшіе татары, перечислившіеся въ крестьяне.

Вообще наружность татарскихъ племенъ въ Сибири довольно значительно разнообразится, смотря по типу ихъ сосѣдей.

Фізіономія татарскихъ женщинъ также вообще красива. Черты лица у нихъ довольно правильныя и пріятныя; цвѣтъ лица гораздо

блѣе, чѣмъ у мужчинъ. Волосы совершенно темнаго цвѣта и довольно длинные; формы тѣла округлыя, мягкія, оконечности пропорціональныя, гибкія; плечи нѣсколько отброшены назадъ, а животъ — выдающійся впередъ. Очень портитъ наружность нѣкоторыхъ татарокъ сильное развитіе скулъ, а также глазная болѣзнь, господствующая между сибирскими татарами, какъ послѣдствіе ихъ вѣчно курныхъ жилищъ.

Женщины у татаръ, особенно достигшія 30-ти лѣтняго возраста, отличаются большею дородностью, чѣмъ мужчины.

По нравамъ, характеру и способностямъ сибирскіе татары-мусульмане ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ волжскихъ татаръ. Крещенные же сибирскіе татары и язычники, по характеру, гораздо простодушнѣе своихъ мусульманскихъ единоплеменниковъ; они доверчивы, кротки и феноменально честны. Про сагайцевъ, напр., рассказываютъ слѣдующій анекдотъ: у одного изъ зажиточныхъ русскихъ колонистовъ сторѣла въ домѣ книга, въ которой записаны были все долги кругомъ задолжавшихъ ему сагайцевъ. Какъ-то упала свѣча отъ иконы, когда въ комнатѣ никого, не было, и сожгла книгу. Русскій колонистъ, зная лишь только общій итогъ своихъ одолженій татарамъ, пришелъ въ ужасъ. Дѣлать нечего поѣхалъ онъ по всемъ сагайскимъ улусамъ и сталъ спрашивать, нѣтъ ли въ нихъ кого изъ его должниковъ. Должники явились. Колонистъ предложилъ вопросъ: — сколько каждый долженъ? Всякій отвѣтилъ такъ, какъ могъ припомнить. На основаніи этого у кредитора составила новая книга, по которой общій итогъ долговъ, къ изумленію колониста, оказался совершенно вѣрнымъ съ итогомъ прежней книги...

Хотя умственные способности сибирскихъ татаръ вообще неразвиты, но во всякомъ случаѣ, по природѣ, это очень умное племя. Сверхъ того, они крайне апатичны; въ нихъ упорно еще держатся восточныя нравы. Сельское хозяйство, на примѣръ, они могутъ еще вести въ большихъ размѣрахъ работниками по не личнымъ тру-

домъ. Сибиряки крестьяне говорятъ, что татары хорошіе работники лучше русскихъ, но лѣнны. День, два проработаетъ хорошо, а на третій—никуда негоденъ. Это происходитъ, можетъ быть, и оттого, что они безсилнѣе русскихъ и скоро утомляются.

По занятіямъ, сибирскіе татары раздѣляются на хлѣбопашцевъ, ясачныхъ и служилыхъ (казаковъ).

Всѣ вообще занятія по части домашняго хозяйства у сибирскихъ татаръ, какъ и у прочихъ, лежатъ исключительно на женщинахъ. Лѣтомъ дѣятельность ихъ простирается и за предѣлы избы. Во время полевыхъ работъ только старухи (курукаякъ) да маленькія дѣти (угланъ) остаются дома. Все остальное татарское населеніе цѣлые дни работаетъ въ полѣ—на сѣнокосѣ, или на пашнѣ. Не смотря на это, земледѣліе у нихъ самое ничтожное, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ деревняхъ и вовсе нѣтъ никакого. У русскихъ они переняли земледѣліе лишь въ той степени, какая обуславливалась крайнею необходимостью; дальнѣйшему же развитію хлѣбопашества мѣшала отчасти лѣнь и безпечность татаръ, а отчасти и другія неблагоприятныя условія. Сравнительно больше занимаются хлѣбопашествомъ татары Ишимскаго, Ялуторовскаго, Канскаго и Курганскаго округовъ. Огородничество у нихъ также находится въ младенческомъ состояніи. Произведенія своихъ огородовъ (багца) татары никогда не пускаютъ въ продажу, заготовляя ихъ только для собственнаго употребленія.

Скотоводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности, какъ татаръ-хлѣбопашцевъ, такъ и ясачныхъ, особенно въ южной полосѣ Западной Сибири. Разводимый ими скотъ—преимущественно: лошади, коровы, овцы и изрѣдка козы,—большую частью не крупный, но крѣпкаго сложенія. Не смотря на обширныя и богатая растительностью мѣстности, на которыхъ поселились татары, скотоводство ихъ все-таки не особенно процвѣтаетъ.

О лошадяхъ татары вообще больше заботятся, чѣмъ о другомъ какомъ нибудь скотѣ. И это не даромъ. Извозничество, напримѣръ

составляетъ одно изъ любимыхъ занятій татаръ. Рѣдкій изъ живущихъ по большимъ трактамъ не занимается извозомъ, поверстно отъ одной станціи до другой, а также подряжаясь на перевозку казенныхъ и частныхъ купеческихъ кладей. Болѣе бѣдные татары нанимаются къ другимъ зажиточнымъ извозщикамъ и за извѣстную плату гоняютъ ихъ тройки.

Бѣда татарская имѣетъ особенный характеръ. Кучера они, большею частью, замѣчательно плохіе. Татаринъ часто едва въ состояніи запречь лошадей. Сбруя у него самая дрянная, веревочная, которая разъ десять порвется, на пространствѣ одной станціи въ десять верстъ; нѣтъ даже влута, чтобы иногда подогнать лошадей; онъ замѣняетъ его ивовымъ прутомъ или просто палкою.

За то сибирскій татаринъ лихой наѣздникъ. На спинѣ лошади татаринъ держится лучше, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Онъ ходитъ тяжело, переваливаясь; въ сѣдлѣ же сидитъ такъ ловко, какъ будто это было его естественное положеніе. Трезвый, мертвецки пьяный, бодрый, сонный—верхомъ на лошади онъ равно безопасенъ отъ всякаго несчастія. Это зависитъ отчасти отъ привычки, отчасти и отъ нѣжныхъ, дружественныхъ отношеній между конемъ и всадникомъ. Лошадь у татаръ отнюдь не вьючное животное, а лучший другъ и спутникъ во всѣхъ походахъ. Почти у каждаго зажиточнаго татарина есть любимая лошадь, которая ему дороже жены и всего на свѣтѣ; которую онъ ежедневно гладитъ, ласкаетъ и бережетъ какъ зѣнницу ока. Съ своей стороны и лошадь охраняетъ всячески своего господина и именно въ минуты его слабости. Такъ всѣ татары единодушно утверждаютъ, что хорошая лошадь никогда не отойдетъ отъ своего хозяина, если онъ отъ сна или сѣпьяну свалится съ нея.—случай у татаръ чрезвычайно рѣдкій.

Наиболѣе распространенный промыселъ между сибирскими татарами-мусульманами составляетъ торговля. Они издавна имѣютъ

сношеніе съ хивинцами, ташкентцами, бухарцами и киргизами. Предметъ ихъ торговли: бухарскія шелковыя ткани, бумажныя и шерстяныя матеріи, чай, изюмъ, урюкъ, киргизскія лошади, бараны, шерсть, войлокъ, кожа и сало. Сбываютъ все это или на ярмаркахъ, или въ постоянныхъ небольшихъ торговыхъ помѣщеніяхъ (кибитъ), каковыя и имѣются въ Петропавловскѣ, Семипалатинскѣ, Тюмени, Курганѣ и Тобольскѣ. — Какъ и между волжскими татарами, такъ и между сибирскими, есть множество особаго рода мелкихъ промышленниковъ — разнощиковъ (базурганъ). Лѣтомъ во многихъ, даже самыхъ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ можно встрѣтить не одного татарина-базургана, у котораго найдется въ его небольшомъ узелѣ-первымъ дѣломъ — чай, а затѣмъ сѣрныя спички и вакса, духи, помада, мыло, зеркальца, стальные перья, перочинные ножики, мелкія вещицы изъ дамскаго туалета, иглы, нитки, наперстки, свѣжіе и сушеные фрукты, неростущіе въ Сибири, а нѣкоторые заносятъ въ глухіе сибирскіе городки и русскія книги, да иногда еще довольно дѣльные, — и въ добрый часъ! Хотя черезъ татаръ, только бы просвѣтиться сибирякамъ!

Между сибирскими татарами много есть также охотниковъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не занимается охотою, какъ исключительнымъ промысломъ. Большая часть татаръ предпочитаютъ охоту безъ собакъ. Винтовка (кырлымыдокъ), круглая деревянная пороховница, кожаный кошелекъ съ дробью и пулями, такой же патронташъ, и домашняго издѣлія ягдташъ, сплетенный изъ тонкихъ бичевокъ: — вотъ и всѣ охотничьи снаряды татарина; охотятся преимущественно за дичью, бѣлками и бурундуками. Барабинскіе татары ходятъ также на волковъ и лисицъ и ловятъ горностаевъ.

Но сибирскій татаринъ не останавливается на перечисленныхъ выше промыслахъ и занятіяхъ, — онъ усердно занимается еще рыбною ловлею на сибирскихъ рѣкахъ и озерахъ. Это и понятно. Сибирскіе татары народъ бѣдный. Хлѣбопашество у нихъ, какъ мы

видѣли, ничтожное; скотоводство также въ плачевномъ состояніи, исключая немногихъ мѣстностей и лишь нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ скотопромышленниковъ-капиталистовъ. У иного же татарина едва имѣется лошаденка да корова. Только и надежды, что на звѣринный промыселъ; только и пропитанія, что рыбная ловля. Но и эти фундаментальныя занятія даютъ имъ немного; солить рыбу, напр., и приготовить икру сибирскіе татары не большіе мастера, и потому сбываютъ ее большею частью только свѣжую, преимущественно въ ближайшихъ къ ихъ жилищамъ городахъ, а также по сосѣднимъ русскимъ деревнямъ.

Татары Тобольскаго, Ялуторовскаго и Канскаго округовъ, между прочимъ, промысляютъ ловлею пѣвковъ. Промыселъ этотъ тоже не послѣднее дѣло; для нѣкоторыхъ бѣдняковъ — это единственный источникъ дохода. Ловятъ пѣвковъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда устраиваютъ дѣло гораздо проще: залѣзетъ татаринъ въ озеро и сидитъ себѣ тамъ, пока всего его не облѣпять пѣвки; выйдя изъ озера, онъ приноситъ на себѣ массу живаго товару... Татарки ближайшихъ къ городамъ юртъ и живущія въ самыхъ городахъ зарабатываютъ порядочныя денги, занимаясь припусканіемъ пѣвокъ къ больнымъ, изъ коихъ многіе предпочитаютъ этихъ татарокъ даже русскимъ цирюльницамъ.

Татарки-мусульманки въ Сибири, какъ и у насъ въ Казани, мастерицы также въ рукодѣліяхъ: онѣ умѣютъ отлично шить, вышивать шелками и золотомъ, ткать, валать сукна и войлоки и т. под. Впрочемъ, издѣлія ихъ, какъ и у казанскихъ ихъ единоплеменницъ, рѣдко назначаются для продажи. Самыя рукодѣлія татарскихъ женщинъ не столько отличаются вкусомъ, сколько поражаютъ пестротю и тщательностью отдѣлки самыхъ мельчайшихъ подробностей работы.

Общественный бытъ сибирскихъ татаръ находится вообще на низкой ступени цивилизаціи, не выдѣляясь особенно надъ уровнемъ об-

щественнаго развитія прочихъ сибирскихъ племенъ. Татары сибирскіе только нѣкоторые ведутъ осѣдлый образъ жизни; остальные же придерживаются еще кочеваго или бродячаго быта. Последній свойственъ преимущественно татарамъ, населяющимъ сѣверные и восточные округа Тобольской, Томской и Енисейской губерній. При этомъ, большинство сибирскихъ татаръ не оставило и родоваго быта. Земля напримѣръ, очень часто находится у нихъ въ родовомъ владѣніи; въ этомъ случаѣ ни малѣйшій клочекъ ея не можетъ быть отчуждаемъ ни отдѣльнымъ родичемъ, ни даже цѣлой деревней, безъ согласія старѣйшихъ членовъ всего рода. Но, въ то же время, каждый родичъ и всякая деревня, входящая въ составъ извѣстнаго рода, имѣютъ право пользоваться родовой землей вездѣ, гдѣ пожелають лишь бы только другой не занялъ этого мѣста прежде. Звѣроловство и рыбная ловля точно также составляютъ общее право всѣхъ родичей, кочующихъ или бродящихъ на извѣстномъ пространствѣ земли.

Земля есть единственная недвижимая собственность у большей части сибирскихъ татаръ. Все прочее ихъ имущество, не исключая и главнаго — юрты, есть *движимое*. Последнее составляетъ исключительную собственность того, кому оно принадлежитъ. Впрочемъ, если по смерти родича не озаботятся наследниковъ, то и движимое имущество его поступаетъ также въ собственность всего рода.

Деревни сибирскихъ татаръ, примѣнительно къ положенію о крестьянствѣ, дѣлятся на волости (улусы), во главѣ которыхъ стоятъ «князья» или «башлыки» (старшины). Татарскій башлыкъ, или князь обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не очень богатъ. Управление этихъ башлыковъ сильно напоминаетъ патріархальныя времена, а въ кочевьяхъ какихъ-нибудь кизильцевъ или качинцевъ можно встрѣтить даже нѣчто близко напоминающее совѣщательныя собранія краснокожихъ индѣйцевъ. Если, напримѣръ, зажиточному татарину захочетъ

ся обдѣлать какое нибудь дѣльце при помощи своихъ князей, то онъ не долго думая, приглашаетъ ихъ къ себѣ въ юрту для совѣщанія и приличнаго случаю угощенія, на что тѣ не замедлятъ явиться въ полномъ составѣ. Вошедши въ юрту, князья важнусаживаются вокругъ очага и, скрестивъ руки и ноги, курятъ свои трубки въ таинственномъ молчаніи. Взгляды ихъ также мрачны, какъ ихъ лица и одежда. Самъ хозяинъ неторопливо приговариваетъ баранину, сыръ, яйца и т. под. и варить въ котелкѣ надъ очагомъ «айранъ». Затѣмъ снимаетъ этотъ котелокъ, айранъ разливаетъ въ бутылки, наконецъ вынимаетъ изъ сундука завѣтный кубокъ... Это последнее обстоятельство вызываетъ нѣкоторое движеніе доселѣ въ безмолвномъ и недвижномъ совѣщательномъ собраніи: члены его начинаютъ выбивать пепелъ изъ трубокъ, повашливать и помѣшивавать огонь въ очагѣ; каждый старается чѣмъ нибудь заявить свое присутствіе... Наконецъ, завѣтный кубокъ отправляется по рукамъ, бутылка за бутылкой опоражниваются, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и жирная баранина, и сыръ, и яйца, запеченныя до твердости камня. Но такъ какъ присутствующіе большею частью князья, то, сохраняя нѣкоторое достоинство, они не пьютъ айрана черезъ мѣру. Во всякомъ случаѣ, послѣ этого совѣщанія, хозяину уже ничего не стоитъ добиться желаемыхъ милостей отъ князей.

Волости сибирскихъ татаръ обыкновенно немногочисленны. Въ самой большой изъ нихъ не наберется и двухъ тысячъ душъ обоюго пола; за то волость эта растянута часто на протяженіи верстъ трехсотъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всего 100 или 200 душъ обоюго пола. Деревушки татарскія по большей части также маленькія и бѣдныя; въ иной дворцовъ восемь или десять. Нѣкоторыя-же деревни и вовсе существуютъ только по названію; жители ихъ давно уже разбѣхались по другимъ деревнямъ.

Наши сибирскіе крестьяне обыкновенно называютъ татарскія деревни и даже дома татарскіе съ принадлежащими имъ строеніями —

юртами. Но слово «юртъ», на самомъ дѣлѣ, имѣетъ болѣе обширное значеніе: «юртъ» съ татарскаго языка значить «владѣніе», «страна», «земля»; на основаніи этого царство Кучума и называлось «сибирскимъ юртомъ». Собственно-же деревня у татаръ носитъ названіе— «ауль», а домъ «уй».

Деревни и самые дома сибирскихъ татаръ — мусульманъ, въ особенности зажиточныхъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ жилищъ нашихъ волжскихъ татаръ.

Гораздо своеобразнѣе живутъ сибирскіе крещеные татары и язычники, а отчасти и бѣдняки изъ мусульманъ. Деревни этихъ татаръ дѣлятся обыкновенно на зимнія и лѣтнія, то есть на постоянныя жилища и лѣтнія кочевья.

Зимній ауль состоитъ обыкновенно изъ одного или двухъ чрезвычайно неправильныхъ рядовъ избенокъ, частью безъ оградъ, частью безъ крышъ или же съ земляными крышами. Избенки эти часто ничто иное, какъ деревянные шалаши съ двумя узенькими окнами, затянутыми пузыряремъ. Между ними, и то только въ болѣе зажиточныхъ деревняхъ, гордо высятся два-три порядочные дома съ тесовыми крышами. Но это роскошь, которую позволяютъ себѣ немногія деревни. Въ этихъ порядочныхъ домахъ можно найти совершенно русскую обстановку, а если хозяинъ мусульманинъ, то, сверхъ того, и татарскую. Среди этихъ зимниковъ можно иногда встрѣтить и лѣтнія татарскія юрты, т. е. войлочные или у бѣдныхъ берестяные шалаши, огороженные жердями и полузасыпанные навозомъ. Бѣдняки, не смотря на страшные холода, живутъ иногда и зиму, и лѣто въ берестяныхъ юртахъ, поэтому и переселяются съ ними—въ зимніе аулы.

Внутреннее убранство—какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ юртъ, также весьма не затѣливо. Двери въ нихъ всегда выходятъ на востокъ; прямо противъ двери въ каждой юртѣ находится нѣчто въ родѣ дивана, сложеннаго изъ мягкихъ войлоковъ,—это ложе хозяи-

на и хозяйки юрты; тутъ-же, противъ входа, у крещеныхъ татаръ помѣщаются, гдѣ нибудь на стѣнкѣ, и образа. Направо отъ входа устраивается женское, а налево мужское отдѣленіе. Кругомъ, по стѣнамъ юрты, подѣланы нары или просто узкія полки, заваленныя, на мужской половинѣ, конской сбруей, ящиками и сундуками, а на женской—чашками, самоварами и другой хозяйственной утварью. На женской-же половинѣ нерѣдко помѣщается *чувалъ* или каминъ, битый изъ глины, съ трубою; иногда-же чувалъ этотъ сложенъ просто изъ камней, прямо посрединѣ юрты, въ кружокъ, и надъ нимъ продѣлано дымовое отверстіе въ крышѣ. Чувалъ обыкновенно топится и день, и ночь, и угасаетъ развѣ тогда, когда всѣ обыватели юрты погружены въ глубокой сонъ и некому подложить дровъ. Дымить онъ иногда нестерпимо. Тепла отъ него также немного: всѣ обитатели зимника и день, и ночь въ тулупахъ. Это, впрочемъ, не особенно беспокоитъ сибирскаго татарина: онъ съ одинаковымъ удобствомъ спитъ въ своемъ зимникѣ почти совершенно голый; собьется съ него тулупъ во время сна, охватитъ сзади морозомъ, зайдеветъ спина, онъ повернется спиною къ огню,—и конечно дѣло. Кочевникъ-татаринъ, даже въ самые трескучіе морозы, ѣздитъ часто безъ шапки, да и зачѣмъ она ему, когда онъ носитъ огромные, почти до плечъ, волосы... Только ноги свои онъ бережетъ, онъ постоянно у него въ мягкихъ бурятскихъ унтахъ, по татарски—«маймакъ».

Юрты обыкновенно страшно грязны и у многихъ таеъ ветхи, что вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ сквозъ бересту и щели. Все взрослое населеніе ихъ очень часто валяется на полу, въ повалку, совершенно опьяненное водкой или айрапамъ. Подлѣ огня ползаеъ нѣсколько голыхъ ребятишекъ, и, плача отъ голоду, протягиваютъ свои рученки къ висящему надъ нимъ котлу. Вокругъ него-же похаживаютъ и собаки, сильно вилая хвостомъ, въ надеждѣ, что изъ него перепадетъ что-нибудь и на ихъ долю. Къ довершенію картины

телята и овцы, испуганные иной раз бурей или грозой, просовывают свои головы въ дверь, и повторяютъ это такъ часто, просятся въ юрту такъ жалобно, что хозяйка вынуждена бываетъ отвести и имъ уголокъ...

Одежда крещенныхъ татаръ и язычниковъ представляетъ всевозможную смѣсь; костюмъ ихъ частью русскій, частью татарскій, частью-же инородческій. У русскихъ они успѣли позаимствовать главнымъ образомъ женскій нарядъ. Одежда сибирскихъ татаръ-мусульманъ ничѣмъ не отличается отъ костюма нашихъ волжскихъ татаръ.

Пища сибирскихъ татаръ-мусульманъ также сильно напоминаетъ кухню казанскаго татарина. И здѣсь употребляются тѣ же самыя — жирныя, мучнистыя, съ обильной примѣсью сладкаго необыкновенно тяжелыя — блюда.

Крещенные татары и язычники ѣдятъ все, что придется. До мучнистыхъ блюдъ они не большіе охотники, да у нихъ недостаетъ и припасовъ, необходимыхъ для этого рода кушаній. Часто у мочевики-татарина и хлѣба нѣтъ, и онъ пробивается безъ него, питаясь мясомъ и рыбою.

Гораздо болѣе самобытности представляютъ напитки сибирскихъ татаръ, какъ мусульманъ, такъ и крещенныхъ. Сибирскіе татары, подобно волжскимъ, страстные охотники до чая, и кромѣ «фамильнаго», продаваемаго обыкновенно самими-же татарами, употребляютъ еще чай — называемый кирпичнымъ, поступающій въ продажу въ плотной массѣ, въ видѣ кирпичей или плитокъ. — Предъ употребленіемъ кирпичнаго чая, татары толкутъ его въ небольшой ступѣ и, въ измельченномъ видѣ, насыпаютъ въ чайникъ; заваривши чай кипяткомъ, даютъ ему нѣсколько времени погрѣть на самоварѣ. Не богатые развариваютъ кирпичный чай въ кувшинахъ, поставленныхъ на огонь, на чувалѣ. Чашки для кирпичнаго чая употребляются у татаръ безъ блюдцевъ и безъ ручекъ, похожія на наши полоскатель-

ныя чашки, только меньшихъ размѣровъ. Настоявшійся въ кувшинѣ или чайникѣ чай наливаютъ въ чашки прямо съ гущей и потомъ разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами.

Къ числу напитковъ сибирскихъ татаръ относится также кумысъ, приготовленный изъ кобыльаго молока, — это единственный крѣпкій напитокъ, допускаемый татарскимъ благочестіемъ; но онъ между татарами гораздо менѣе распространенъ, нежели между-киргизами, и не можетъ идти ни въ какое сравненіе по своему достоинству съ кумысомъ послѣднихъ. Для этого татарами сибирскимъ недостаетъ степей и того скотоводства, какія есть у киргизовъ.

Гораздо въ большемъ употребленіи у сибирскихъ татаръ «айранъ», также крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ татары и «араккой», т. е. водкой, перегоняемый изъ кумыса. Хлѣбная водка у нихъ также въ большомъ ходу, даже между мусульманами, которые и въ Сибири оправдываютъ свое неравнодушіе къ ней тѣмъ, что водка не извѣстна была во времена Магомета а потому и не могла быть запрещена имъ

Семейные обряды и обычаи сибирскихъ татаръ — мусульманъ точно также не представляетъ никакихъ отличій отъ обычаевъ и обрядовъ прочихъ ихъ единовѣрцевъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ семейно-обрядовой жизни крещенныхъ татаръ и татаръ-язычниковъ, бытъ которыхъ сложился при полномъ отсутствіи всесильнаго вліянія ислама и носить на себѣ гораздо болѣе самобытныхъ чертъ древней татарской народности.

У чулымскихъ татаръ, визильскихъ и проч. существуетъ оригинальный обычай, по которому родители условливаются между собой о бракѣ дѣтей еще тогда, когда послѣднія едва вышли изъ пеленокъ. Татаринъ, желающій современемъ женить малолѣтняго еще сына на дочери, также еще малолѣтней, одного изъ своихъ знакомыхъ или

пріятелей, непременно впрочемъ изъ другаго какого-нибудь племени,—береть жену и ближайшихъ своихъ родственниковъ, садится на коня и отправляется съ ними въ улусъ маленькой невѣсты. При этомъ онъ захватываетъ съ собою ведра два или три айрана или водки, новую китайскую трубку (ганзу) и китайскій-же курительный табакъ.

Прибывъ въ улусъ отца невѣсты, оригинальные сваты входятъ толпой въ его юрту и, послѣ обычныхъ привѣтствій и нескончаемыхъ житейскихъ разговоровъ за чуваломъ, чрезъ мѣру заболтавшійся отецъ жениха, наконецъ, поднимается съ мѣста и обращается къ хозяину юрты съ слѣдующей официальной рѣчью: «Если вода притечетъ на твое мѣсто, я, сдѣлавшись крѣпкою плотиною, лягу; если вѣтеръ подуесть на твое мѣсто, я стѣною стану; если ты мнѣ свистнешь, я, сдѣлавшись собакою, прибѣгу; если ты не ударишь меня по головѣ, то я, войдя въ твой домъ, сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ». Послѣ этого отецъ жениха прямо объясняетъ оцѣли своего прихода. Затѣмъ онъ кладетъ подлѣ чувала трубку, набитую китайскимъ табакомъ, и на нѣкоторое время удаляется изъ юрты. По возвращеніи, онъ осматриваетъ оставленную имъ трубку, и если найдетъ ее незакуреною, то, считая это за отказъ, садится на коня и со всѣми родственниками уѣзжаетъ во свояси. Если-же, напротивъ, замѣтитъ, что изъ трубки курили, то остается въ юртѣ невѣсты и продолжаетъ церемонію сватовства. Онъ вынимаетъ привезенную съ собою чарку и наливаетъ ее айраномъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ его родственниковъ набиваетъ новую трубку табаку, а другой беретъ желѣзными щипцами горящій уголь или даже цѣлую головню изъ чувала, и все трое остаются нѣкоторое время въ безмолвномъ ожиданіи. Наконецъ, отецъ невѣсты, выразивъ словесно свое согласіе на бракъ дочери, выпиваетъ у перваго айранъ изъ чарки, потомъ беретъ трубку изъ рукавъ втораго и затѣмъ закуриваетъ ее отъ головни, которую держитъ въ щипцахъ третій изъ родственниковъ жениха. Послѣ этого

начинается угощеніе, во время котораго отецъ жениха усердно принимается торговать невѣсту на скотъ, на платье, на мягкую рухлядь и пр. Цѣна за невѣсту колеблется у нихъ, считая на деньги, между 5 и 15 рублями. Это первообразъ того «калыма», какой издавна практикуется, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, у всѣхъ прочихъ татаръ. Въ платежѣ калыма, у сибирскихъ татаръ принимаются въ расчетъ, обыкновенно, не качества невѣсты, а состояніе жениха. Калымъ не требуется только за вдову и за прогнанную или бѣжавшую отъ мужа жену. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты нѣсколько бумажныхъ платковъ.

Какъ только просватанный женихъ — ребенокъ подростетъ, онъ начинаетъ ѣздить то и дѣло въ улусъ невѣсты, живетъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ и помогаетъ отцу своей суженой во всѣхъ домашнихъ работахъ. Въ продолженіи этого времени онъ дѣлается тамъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Кромѣ такихъ одиночныхъ посѣщеній запросто, женихъ обязавъ еще вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и ближайшими своими родственниками дѣлать три раза въ годъ официальные визиты своей невѣстѣ и каждый разъ привозить съ собою подарки (арча). Арча эта состоитъ изъ табаку, вина, сушеного кислаго сыра, масла и свѣжаго воловьего и бараньего мяса. Визиты дѣлаются весною, по наступленіи осени и среди зимы.

Свадьбы у нихъ празднуются не прежде, какъ по достиженіи женихомъ и невѣстою 17-ти лѣтняго возраста, и непременно лѣтомъ.

Когда настанетъ день свадьбы, женихъ еще разъ пріѣзжаетъ съ своими родными и родственниками въ улусъ невѣсты и еще разъ задаетъ тамъ пиръ. По окончаніи этого пира, женихъ беретъ за руку невѣсту, и оба надаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: «Акъсы, бала, чоръ»,

НИЖНИЙ НОВГОРОДСКИЙ КРЕМЛЬ.

т. е. хорошо, дочь, поѣзжай. Затѣмъ всѣ поѣзжане садятся верхами и отправляются въ церковь, гдѣ брачный обрядъ совершается по уставу православной церкви.

Послѣ церковнаго благословенія брака, многіе изъ врсенныхъ татаръ считаютъ еще необходимымъ отпраздновать бракъ по своимъ стариннымъ обрядамъ. По выходѣ молодыхъ изъ церкви, родственники тотчасъ-же разводятъ ихъ опять по юртамъ родителей, назначая при этомъ время, когда свадьба должна быть отпразднована по настоящимъ, стариннымъ обрядамъ. Когда этотъ срокъ наступитъ, молодой съ ближайшими родственниками (исключая отца и матери) сѣдаютъ коней и отправляются, наконецъ, за молодою женою, везя съ собою неизбѣжный айранъ, подарки, съѣстные припасы и одного или двухъ живыхъ быковъ. По прибытіи въ улусъ молодой, начинается пиръ. Посреди улуса болятъ и варятъ быка въ котлахъ, а снятую съ него кожу разрѣзываютъ на нѣсколько ремней. Около полудня всѣ уже сидятъ здѣсь въ кружкахъ и пируютъ вплоть до слѣдующаго утра. Молодые парни играютъ при этомъ на балалайкѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда занимаются скачками. Наградю лучшимъ свакунамъ бываютъ ремни, вырѣзанные изъ шкуры вышеупомянутыхъ быковъ. Около полудня слѣдующаго дня снова происходитъ посреди улуса такой-же пиръ, по окончаніи котораго новобрачную одѣваютъ въ самый лучший ея нарядъ: шелковый кафтанъ обшитый мишурою и бахрамою, и шапку изъ чернубурой лисицы съ шелковой верхушкой и шелковой кистью. Молодой въ это время надѣваетъ обмененно суконный кафтанъ, обшитый какимъ нибудь мѣхомъ. Разряженныхъ молодаго и молодую вводятъ, ближайшіе ихъ родственники, въ юрту молодой и сажаетъ ихъ на лавку, покрытую коврами, а противъ нихъ становятся два хора пѣсенниковъ, заранѣе приготовленныхъ. Держа въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали, въ видѣ занавѣсокъ, оба хора стоятъ предъ молодыми и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящій предъ молодымъ, поетъ о томъ, что онъ пріѣхалъ

взять прекрасную молодую, а хоръ со стороны послѣдней сопротивляется этому, требуя подарковъ и угощенія.

Наконецъ, отецъ молодой выпиваетъ чарку айрана, подавая этимъ знакъ всѣмъ присутствующимъ послѣдовать его примѣру. Между тѣмъ, одинъ изъ пѣсенниковъ хора со стороны молодой, говоритъ ей слѣдующее наставленіе: «Поѣдешь ты въ челоуѣку, назначенному отцомъ; даннаго тебѣ копя не изнуряя, не останавливаясь, доѣзжай до мѣста, отцомъ-матерью назначеннаго, и живи счастливо, мирно».

Послѣ этого молодые обходятъ всѣ юрты ближайшихъ родственниковъ и прощаются съ ними. Въ это время впереди нихъ непременно ѣдутъ пѣсенники, держа въ рукахъ развернутыя шали и желая много счастья молодымъ; сзади ихъ слѣдуютъ прочіе поѣзжане. Въ каждой куртѣ повторяется то же самое, что и у отца молодой. Возвратясь еще разъ въ юрту молодой, новобрачные прощаются съ родителями ея, получаютъ ихъ благословеніе и наконецъ отправляются въ улусъ молодаго.

Они ѣдутъ верхами на самыхъ лучшихъ коняхъ, убранныхъ въ самую лучшую сбрую. Впереди молодыхъ, по-прежнему, ѣдутъ пѣсенники съ развернутыми шалами, а позади—челоуѣкъ до 200 народу обоого пола, верхами, съ колокольчиками и бубенчиками.

Спустя немного, отправляются за ними отецъ и мать молодой съ ближайшими родственниками. Предъ самымъ улусомъ молодаго, процессію останавливаютъ молодые парни и дѣвушки, которымъ молодая бросаетъ колечки, серьги и т. под.... Въ самомъ улусѣ для молодыхъ уже построена новая юрта, въ которой еще никто не жилъ. У сибирскихъ татаръ почти общее правило: какъ только сынъ женился, то ему сейчасъ-же отводится особая юрта и особый зимникъ если только, разумѣется, позволяютъ это средства. Приблизясь къ куртѣ молодаго, поѣзжане съ пѣснями объѣзжаютъ ее три раза, и наконецъ останавливаются предъ входомъ. Нѣсколько челоуѣкъ берутъ лошадей молодыхъ за поводья, а отецъ и мать молодаго встрѣ-

чают новобрачныхъ у входа съ чаркою айрана, который выпиваютъ, впречемъ, поѣзжане. Слѣдующій за тѣмъ пиръ и увеселенія тѣже самыя, какіе происходили и въ улусѣ молсдой.

Подлѣ юрты новобрачныхъ ночью зажигаютъ костеръ, предъ которымъ, между прочими свадебными играми и увеселеніями, молодой долженъ бороться съ родственниками своей невѣсты и одержать побѣду. Послѣ отъѣзда гостей молодые отправляются въ приготовленную для нихъ юрту.

Въ прежнее время, въ первую брачную ночь исполнялся еще обрядъ поклоненія молодой солнцу. Въ эту ночь, на зарѣ приходила родственница и выводила новобрачную изъ юрты, накладывала на нее покрывало, подъ которымъ она, склоняясь какъ можно ниже, должна быть ходить по всѣмъ роднымъ и, переходя изъ юрты въ юрту, кланяться солнцу. Полагаютъ, что обрядъ этотъ вынесенъ татарами изъ Персіи, гдѣ женщины и доньявѣ приписываютъ таинственную силу солнечному свѣту, думая, что съ помощью заклинаній и обрядовъ солнечный лучъ можетъ развить плодородіе въ немнѣющей дѣтей замужней женщинѣ.

Въ каждомъ семействѣ, такимъ образомъ, всѣ женатые братья должны имѣть свои отдѣльныя жилища, но имущество не дѣлятъ, ѣдятъ за однимъ столомъ, ведутъ общее хозяйство и живутъ согласно и дружно. Что-же касается до того, что мужа иногда выгоняютъ своихъ женъ, то это у татаръ столь-же обыкновенно, какъ и то, что жены убѣгаютъ отъ своихъ мужей.

При похоронахъ, даже крещеные татары удержали также множество языческихъ обрядовъ. Могилы на ихъ кладбищахъ роются, обыкновенно, съ востока на западъ. Умершихъ мужчинъ хоронятъ въ ящикахъ, женщинъ обертываютъ шелковой матеріей, а дѣтей — берестовой корой. Тѣло покойника кладутъ на спину, а лицо и глаза обращаютъ на востокъ. Въ могилу ему кладутъ съѣстные припасы и льютъ айрапъ. На самой могилѣ закалываютъ любимую лошадь по-

койника, мясо которой съѣдаютъ, а черепъ надѣваютъ на палку, поставленную въ головахъ могилы. Тутъ-же разводятъ костеръ, около котораго пируютъ три дня: пьютъ, ѣдятъ, плачутъ, курятъ, угощаются — все вмѣстѣ.

Сибирскіе татары предъ прочими своими единоплеменниками отличаются болѣе живымъ нравомъ и большей прирожденной любознательностью. Сибирскій татаринъ съ большимъ наслажденіемъ слушаетъ болтовню татарскихъ краснобаевъ, рассказывающихъ въ свободное отъ работъ время, для потѣхи своихъ невзыскательныхъ слушателей, разные quasi-забавные анекдоты, наприимѣръ, «про смѣшнаго татарина», или «про какого-то плутоваго кунца». Есть между ними и любители — историки, повѣствующіе, впрочемъ, весьма сбивчиво, о томъ, какъ царь Кучумъ воевалъ съ казаками, и какъ его Богъ наказалъ и лишилъ царства за гордость и несоблюденіе поста.

Лѣтомъ, въ знойный день, степнякъ-татаринъ, окончивъ свои домашнія занятія, спитъ въ это время гдѣ нибудь подъ юртою или въ юртѣ. Въ аулѣ все тихо и только кое-гдѣ въ холодкѣ слышенъ говоръ женщинъ, которыя сидятъ и починиваютъ — кто рыболовныя сѣти, кто изорванную одежду мужа, кто — что. Подлѣ нихъ въ лубочныхъ или деревянныхъ люлькахъ лежатъ грудныя дѣти; нѣсколько поодаль бѣгаютъ дѣти, что побольше. Но вотъ, вдали послышался топотъ лошади, а потомъ и привѣшанный къ ней бубенчикъ. Житель степей, у котораго слухъ, послѣ зрѣнія, считается едвали не лучшимъ достоинствомъ человѣка, сейчасъ просыпается. Но пока онъ успѣлъ протереть свои заспанные глаза и поправить хоть сколько нибудь свои включенные волосы, бубенчикъ все ближе и ближе, и вотъ предъ самой его юртою слѣзаетъ съ коня его старинный знакомый, сопровождаемый цѣлою ватагою загорѣлыхъ и оборванныхъ дѣтей. Это пріѣзжій гость изъ сосѣдняго улуса.

Сейчасъ-же оба пріятеля отправляются въ юрту, на сцену поя-

вляется айранъ, и завязывается самый одушевленный, самый бойкій разговор о всѣхъ новостяхъ, какія только кому изъ нихъ удалось узнать. При этомъ, ктонибудь изъ собесѣдниковъ—или гость, если онъ считаетъ себя челоѣкомъ дѣльнымъ, или хозяинъ—непрежѣнно поговорятъ о своемъ писарѣ степной думы, и тотъ и другой навѣрное скажутъ, что очень хорошо учить дѣтей грамотѣ, потому что «бичигчилъ кизы кебъ бледдырь ульгуверды» (грамотный челоѣкъ много знаетъ законовъ).

Иногда прохладный вечеръ вызываетъ всѣхъ изъ юртъ на улицу. Старики, всѣ знакомые и даже родственники между собой сходятся въ кружки. Начинаются опять толки о разныхъ новостяхъ дня, заливаемые отъ времени до времени кумысомъ или айраномъ. Между тѣмъ собирается молодежь: кто съ полевыхъ работъ, кто съ охоты, кто съ рыбной ловли, кто послѣ осмотра своихъ стадъ и табуновъ. Подгулявшіе старики раззадориваютъ своихъ дѣтей и внуковъ показать свое удалство, и вотъ тѣ начинаютъ скачки. Послѣ этого, снова попойка и громкія пѣсни раздаются ипогда цѣлую ночь.

До пѣсень татары, вообще, большіе охотники, особенно изъ не мусульманъ. Правда, вся пѣсня сибирскаго татарина ипогда заключается въ трехъ-четырехъ строкахъ, которыя онъ не поетъ, а тянетъ, и которыхъ ему хватаетъ на девять на десять верстъ дороги. Но между этими безсодержательными и безсвязными подъ часъ фантазіями степняка-татарина о разныхъ встрѣчныхъ предметахъ, прозвучить ипогда сильная нота старинной и богатырской пѣсни, довольно еще распространенной въ Сибири. Татарскія богатырскія пѣсни изображаютъ смѣлыми чертами дѣянія какогонибудь преславнаго витязя, заставляють его побѣждать не только людей, но и боговъ, и заключаютъ, обыкновенно, тѣмъ, что непобѣдимый герой добывается наконецъ себѣ жену и спокойно доживаетъ съ ней до глубокой старости.

Колоссальное въ представленіи — главная характеристическая

черта этихъ пѣсень. Въ нихъ постоянно также придается внутренняя жизнь всему существующему въ природѣ: каждой рыбѣ, птицѣ, кусту, камню;—по татарской пѣснѣ, каждое бревно одарено чувствомъ, горюетъ и радуется.

По древнѣйшимъ чародѣйнымъ представленіямъ татаръ, сила магіи, т. е. *мудрости*, ставится выше силы меча; такъ герой ихъ отправляется въ далекія земли за мудрымъ совѣтомъ, и не одинъ *непобѣдимый* побѣждается слабой женщиной, только силою *мудрости* или волшебства. Пѣснь, по понятіямъ татаръ, есть высшее выраженіе мудрости, и итъ въ природѣ существа, которое-бы могло противустоять ей.

Замѣчательно, что почти въ каждой татарской пѣснѣ упоминается о томъ, что люди, т. е. татары, первоначально жили въ одномъ изъ уголковъ земли на берегу *Бѣлаго моря*, у подошвы высокой горы.

Пѣсни татаръ нерѣдко проникнуты глубокой грустью. Вообще, меланхолія далеко не чужда этому племени.

Вотъ одна изъ пѣсень, распѣваемыхъ сибирскими татарамъ:

«Быль одинъ татаринъ, по имени Тьенаръ Кусъ, и было у него много юртъ, много народа и много скота. И было ему не мало уже лѣтъ, когда онъ взялъ себѣ жену молодую и прекрасную. Тьенаръ Кусъ любилъ ее, но она, казалось ему, не любила его, а потому онъ и рѣшился испытать ее. Вотъ онъ однажды и отправился въ степь, будто-бы осматривать скотъ свой, и, отъѣхавъ немного отъ юрты свалился нарочно съ сѣдла и лежитъ себѣ какъ мертвый. Пастухи его, видя, что господинъ ихъ лежитъ на землѣ недвижимъ, бросились въ юрту и рассказали о случившемся домашнимъ. Услыхавъ это, жена его вскочила тотчасъ-же на лошадь и, прискакавъ къ лежащему, начала надъ нимъ плакать. Но Тьенаръ Кусъ недовѣрялъ слезамъ своей жены и все лежалъ недвижимъ. Въ отчаяннѣ жена выхватила кинжалъ изъ ноженъ и сказала: «Не встанешь ты, Тьенаръ Кусъ, и я не хочу больше жить на землѣ. Никогда не скажутъ

люди, что жена Тьенаръ Куса рыскала вдовою, отыскивая себѣ другаго мужа. Нѣтъ, не разстанусь я съ тобою, мой супругъ и владыка! Тьенаръ Кусъ и тутъ не поднялся. И она, вонзивъ кинжалъ себѣ въ грудь, упала подлѣ него мертвая. И стало жаль Тьенаръ Кусу, что онъ подозрѣвалъ ее въ холодности, и всю жизнь свою оплакивалъ опъ затѣмъ вѣрную жену свою.

Сибирскіе татары очень часто сопровождаютъ свое пѣніе игрой на *кобыст* и *джатыланъ*—родъ балалайки съ тремя и семью струнами. Впрочемъ, и эти незатѣйливые инструменты, кажется, заимствованы ими у остяковъ.

Между русскими и татарами-мусульманами въ Сибири установились тѣже недовѣрчивыя отношенія, что и въ Европейской Россіи. Правда, сибирякъ-крестьянинъ болѣе ласковъ съ татаринномъ, чѣмъ европейскій его соотчичъ, но это только любезность за любезность, не болѣе. Всякаго татарина, знакомъ онъ или нѣтъ, русскіе зовутъ въ Сибири «другомъ», но это только потому, что такъ принято и вошло уже между русскими въ обычай издавна, такъ-же, какъ и названіе татарокъ «сестрами». Вообще-же русскіе смотрятъ на татаръ съ видомъ превосходства, не вѣря въ добрыя стороны ихъ нравовъ. Съ своей стороны, и татары соблюдаютъ наружно ласковость и гостепріимство по отношенію къ русскимъ, въ душѣ-же скрываютъ недовѣрчивость, сомнѣніе и опасеніе какой нибудь западни, разставленной хитрымъ, по ихъ мнѣнію, умомъ русскихъ.

Однако, живя долгое время между русскихъ и находясь постоянно въ ближайшихъ сношеніяхъ съ ними, татары сибирскіе не могли не усвоить себѣ постепенно много русскаго. О крещеныхъ татарахъ и шаманахъ мы уже не говоримъ: они съ каждымъ годомъ теряютъ всякую черту своей народности. Но и татары—мусульмане многое внесли даже въ свою домашнюю жизнь, занятое ими отъ русскихъ. Нынѣ, напримѣръ, и въ Сибири далеко не всѣ татарскія женщины находятся въ такомъ загнанномъ и замкнутомъ состояніи, какъ этого

требовали прежніе обычаи татаръ; многія изъ нихъ уже не прячутся отъ мужчинъ и живутъ съ мужьями по человѣчески, въ семьѣ своей имѣютъ право голоса и даже иногда управляютъ всѣмъ домою. Нерѣдкость также встрѣтить въ Сибири и татаръ—мужчинъ, совершенно чуждыхъ мусульманскихъ предрасудковъ и блистательно доказывающихъ свои способности ни въ чемъ не отстать отъ русскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже не считаютъ за грѣхъ замѣнять русскимъ армякомъ или полушубкомъ свой обычный костюмъ, любятъ говорить по русски даже между собою, учатъ дѣтей своихъ иногда русской грамотѣ,—словомъ, многіе изъ нихъ уже не имѣютъ никакихъ международныхъ предрасудковъ. Такое отношеніе сибирскихъ татаръ къ русскимъ, конечно, доказываетъ, что если они не, могутъ совершенно слиться съ русскими, по различію съ ними въ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, то совершенно могутъ составлять съ ними одно гармоническо — цѣлое въ гражданскомъ отношеніи.

XXIII. КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и бытъ.

Татары, извѣстные подъ именемъ «крымскихъ», населяютъ, въ числѣ 276 т. душъ обоего пола, Крымскій полуостровъ и часть степей въ сѣверу отъ Перекопскаго перешейка.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ число крымскихъ татаръ достигало, можетъ быть, нѣсколькихъ милліоновъ, и знаменитое Крымское ханство, простиравшее свою гибельную власть на днѣпровскія, и даже приволжскія земли, играло немаловажную роль на всемъ юговостокѣ Европы. Повелители Крымской орды, знаменитые Гирей, были въ свое время столь могущественны и грозны, что дружбы ихъ домогались въ одно время русскіе, поляки и турки, пока, наконецъ, Екатерина II не положила окончательнаго предѣла господству татаръ на югѣ Россіи.

Въ настоящее время, какъ это было отчасти и встарину, населеніе Крымскаго полуострова представляетъ пеструю и разнообразную картину, какую трудно найдти въ другой европейской странѣ. На небольшомъ пространствѣ въ 476 квад. миль здѣсь встрѣчаются,

кромѣ русскихъ, нѣмцы-колонисты, еврей-караимы, цыгане, евреи, армяне, греки, болгары и проч.. Но какъ не велико количество этихъ пришлыхъ племенъ, все таки главное вниманіе обращаютъ на себя коренные жители полуострова, татары, которые далеко превышаютъ численностью всѣ прочія народности вмѣстѣ взятыя и составляютъ главное населеніе Крыма.

Крымскіе татары хотя и всѣ принадлежатъ къ тюрко-монгольскому племени, но вездѣ, однако, они сохранили свой первобытный типъ. Если вспомнить, сколько народностей прошло черезъ Крымъ и со сколькоими изъ нихъ приходилось вступать въ соприкосновеніе крымскимъ татарамъ, то вполне будетъ понятно все то разнообразіе въ ихъ наружности, какимъ поражается теперь глазъ случайнаго наблюдателя. Если, напримѣръ, доискаться до происхожденія татарскихъ пастуховъ на Чатырдагѣ, то въ жилахъ ихъ найдешь, можетъ быть, больше виммерійской, нежели тюркской или монгольской крови.

Крымскіе татары по наружности и занятіямъ представляютъ, въ настоящее время, три степени, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой; ихъ можно раздѣлить на степныхъ татаръ или ногаевъ, горныхъ татаръ и южнобережныхъ или приморскихъ.

Только въ остаткахъ ногайскаго племени, населяющаго сѣверныя равнины полуострова и уѣзды по ту сторону Перекопскаго перешейка, во всей чистотѣ сохранился монгольской типъ. Здѣсь татары невелики ростомъ и сутуловаты; цвѣтъ лица у нихъ темножелтый нерѣдко переходящій въ мѣдно-красный; носъ небольшой и почти всегда сплюснутый; скулы сильно выдавшіяся; по большей части темные глаза сужены и косо обращены вверху; уши большія и оттопыренныя; волосы на головѣ черные, борода весьма рѣдкая.

Горные татары, обитающіе на сѣверныхъ склонахъ крымскихъ горъ и въ долинахъ, къ нимъ примыкающихъ, во многомъ отличаются отъ ногайцевъ. Они высоки ростомъ, хорошо сложенъ, ловки

и сильны; цвѣтъ лица у нихъ болѣе свѣтлый, приближающійся къ цвѣту кавказскаго племени; глаза большіе и темныя; волосы и борода густыя и черныя. Вообще наружность этихъ татаръ красива.

Татары же, живущіе на южномъ берегу Крыма, положительно представляютъ смѣсь тюрко-монгольской съ греческой, а можетъ быть и съ римскою кровью. Кромѣ того, крымскіе татары, какъ извѣстно, покупали себѣ въ жены черкешенокъ, а также похищали полекъ и русскихъ. Эта смѣсь типовъ, столь различныхъ между собой, и послужила къ улучшенію и облагороженію татарской породы въ южномъ Крыму, гдѣ сталкивались болѣе образованныя народности и гдѣ съиздавна поселились высшіе и богатѣйшіе классы татарскаго общества. Южные татары высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нихъ смуглый, какъ у всѣхъ южныхъ жителей; лицо овальное, продолговатое и очень пріятное; носъ прямой, нерѣдко римскій или греческій; волосы и глаза совершенно черныя. Въ южномъ Крыму попадаются татары и татарки съ такими антично-правильными и прекрасными чертами лица, что невозможно на нихъ смотрѣть безъ восхищенія, и ужь, конечно, татарскаго въ нихъ всего меньше.

Вообще, всѣ горные татары — народъ рослый, статный, красивый и, благодаря беззаботной жизни и прекрасному горному воздуху, пользуются отличнымъ здоровьемъ.

Однако же, нельзя сказать того же о татарскихъ женщинахъ. Онѣ чрезвычайно рано старѣются и нерѣдко подвержены свойственнымъ ихъ полу болѣзнямъ. Причины тому лежатъ отчасти въ ихъ безотрадномъ семейномъ положеніи, а главнымъ образомъ въ томъ обстоятельстве, далеко не безвредномъ, что всѣ онѣ слишкомъ рано становятся матерями — нерѣдко 13 — 14 лѣтъ. Крымскія татарки не вездѣ также отличаются красотой. Правда, чадра ихъ, или головное покрывало, придаетъ всѣмъ имъ нѣкоторую интересность: глаза, любопытствующіе взглянуть сквозь узкую щель чадры, кажутъ

ся очень черными и выразительными, но это только кажется, на самомъ же дѣлѣ большинство татарокъ прегрубаго и некрасиваго типа лица. Только въ южномъ Крыму встрѣчаются женщины въ высшей степени красивыя, съ лицомъ совершенно европейскимъ и бѣлымъ; послѣднее зависитъ отчасти отъ того, что онѣ не работаютъ на солнечномъ жару и даже на улицу не выходятъ съ открытымъ лицомъ, почему совсѣмъ не загораютъ.

Характеръ общественной жизни татаръ выражается и въ наружномъ видѣ ихъ деревень. Всѣ татарскія селенія расположены въ лощинахъ; въ этомъ сказывается можетъ быть привычка прежняго степняка-татарина прятаться отъ взоровъ казака. Дома здѣсь не скученныя, какъ въ русскихъ селахъ, а разбросаны въ безпорядкѣ и отдѣлены другъ отъ друга если не садомъ, то огородомъ, или просто пустыремъ. Вокругъ деревни, болшею частью, примыкая къ самымъ усадьбамъ, лежатъ поля и сѣнокосы. Поля эти, въ свою очередь, обнесены, почти у каждаго хозяина, плетнемъ, а иногда каменною оградой или канавою.

Только въ горахъ, по тѣснотѣ мѣста, дома въ татарскихъ деревняхъ стоятъ не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, хотя также разбросаны въ безпорядкѣ. Въ этихъ селеніяхъ низкія татарскія сакли, обыкновенно, плотно примыкаютъ одною стѣною къ горѣ, такъ что, сходя съ послѣдней, можно легко взойти на домъ, совсѣмъ того не замѣчая.

Жилище татарское — сакля — не вездѣ строится одинаково: на южномъ берегу Крыма татары дѣлаютъ себѣ дома изъ грубыхъ полевыхъ камней, смазываютъ ихъ и оплукатуриваютъ глиною. А на сѣверномъ склонѣ горъ, и особенно въ степяхъ, татарскіе дома строятся изъ крупныхъ самодѣльныхъ кирпичей, приготовляемыхъ изъ смѣси глины съ соломой и провяленныхъ въ теченіи 5 или 6 дней на солнцѣ или вѣтрѣ. Вообще постройка сакли незамысловата. Два

работника выводятъ стѣны изъ самодѣльныхъ кирпичей дня въ три. Часто сакли бываютъ плетенныя, тоже обмазанныя глиною.

Всѣ дома татарскіе узки и длинны, и всегда выбѣлены снаружи известью. Крыша только у богатыхъ дѣлается изъ красной черепицы. По большей же части крыши на домахъ плоскія, земляныя, чуть-чуть только покатыя въ одну сторону, для стока дождевой воды. Устраиваются онѣ такъ: на стѣны сакли владутся плоскія стропила, края которыхъ далеко выступаютъ за вѣншую линію стѣнъ. Концы этихъ стропилъ опираются снаружи на тонкіе деревянные стволы, врытые въ землю, на подобіе колоннъ. Стропила накрываютъ плетенкою изъ ивовыхъ вѣтвей, и на эту плетенку насыпаютъ землю съ мелкимъ щебнемъ. По краямъ крыши земля обыкновенно проросаетъ травой, нерѣдко тутъ красуются и цвѣтоты; а посрединѣ крыши земля утаптывается и уравнивается посредствомъ инструмента, въ родѣ катка, постоянно находящагося на крышѣ. Тутъ же красуются одинъ или два глиняныхъ шалаша, имѣющихъ видъ бобровой постройки — это татарскія трубы; онѣ дѣлаются изъ ивовой плетенки, хорошо вымазанной и выштукатуренной глиною. Можетъ быть, вслѣдствіе такого устройства трубъ, пожаровъ въ татарскихъ деревняхъ почти никогда не бываетъ.

Крыша у татаръ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ у насъ. Прежде всего она служитъ сушильнею. Здѣсь всегда можно видѣть бѣлье, плоды, печенья, вывѣшанныя на ней для просушки; сюда же собираются люди для всякаго рода работъ, для разговоровъ; здѣсь же и гостей принимаютъ. Интересный видъ представляютъ, иногда, различныя группы татаръ, расположившихся на крышахъ въ своихъ пестрыхъ и довольно живописныхъ костюмахъ.

Въ окна вставляютъ стекла только самые богатые татары, или живущіе въ сосѣдствѣ съ русскими и вѣмецкими колоніями; у истыхъ же татаръ такихъ затѣй не водится. Они, просто-на-просто, вставляютъ въ окно рѣшетку изъ тонкихъ спиць и заклеиваютъ ее ма-

сляною бумагою, да иногда вставляютъ въ середину этой бумаги маленькое стеклышко, какъ зрачекъ въ глазу: это больше для удовлетворенія любопытства прекраснаго пола. Иногда же окна закрываются просто деревянною задвижкою, что имѣетъ, конечно, нѣсколько мрачный видъ. Но татарамъ и не нужно особеннаго свѣта въ дому: ихъ домашнія занятія несложны и немногочисленны — лежать на войлокѣ.

Дверь сакли всегда обращена на югъ. Порогъ дѣлается очень высокій, а самая дверь — низкая, такъ что для того, чтобы войти въ домъ, надобно низко нагибаться и высоко поднимать ноги.

Внутри домъ раздѣленъ на три части: прямо противъ входа находится кухня, изъ нея ведутъ двери направо и налево, т. е. въ мужскую половину и въ женскую.

Кухня устраивается очень просто. Очага нѣтъ, а огонь разводятъ на хорошо утоптанномъ земляномъ полу; надъ нимъ поднимается *чело* и *мяга*; послѣдняя, постепенно суживаясь кверху, выходитъ на крышу въ трубу.

Въ комнатѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе печь. Комнатная печь устраивается довольно оригинально. Это шести или восьмисторонняя пирамидка, кверху суживающаяся и покрытая сверху куполомъ: все это сдѣлано изъ необожженного кирпича. Дымовая труба выходитъ въ сторону и соединяется съ кухонною тягою. Куполь или колпакъ надъ печкою украшается различными фигурами и цвѣтною глиною.

Надъ челою печи устраивается выступъ; на немъ, въ видѣ украшенія или для того, чтобы было ближе подъ рукою, кофейникъ изъ желтой мѣди съ крышкою и короткимъ рыльцемъ, на мѣдномъ же подносѣ; вокругъ кофейника чашви, тоже изъ желтой мѣди, съ изогнутыми ручьями. Все это очень чисто вычищено и блеститъ какъ золото.

Стѣны комнаты обыкновенно чисто оштукатурены, но у очень

немногих выбѣлены, а въ рѣдкихъ случаяхъ размалеваны первобытною живописью, изображающею стволы деревьевъ съ развѣтвленіями, окапчивающимися или козлиною головою, или исполинскою птицею, или какимъ-то необыкновеннымъ плодомъ. Все это очень пестро и ярко, но лишено всякаго вкуса и изящества.

Потолка въ саклѣ вовсе нѣтъ. Чтобы скрыть непривлекательный видъ балокъ и перекладинъ, на нихъ развѣшиваютъ одежду и бѣлье. Для этого употребляется, обыкновенно, весь наличный гардеробъ хозяевъ, не исключая никакой части костюма. На самыхъ же перекладинахъ, поверхъ нихъ, наваленъ разный домашній скарбъ: непочатая кудель, коробъ съ пряжею, связка шерсти, кнуты, веревки, ножи, топоръ и т. п.

Полъ комнаты весь устланъ войлокомъ; на немъ, вдоль стѣны съ полкою, лежатъ подушки, одна на другой, въ видѣ турецкаго дивана. Подушки въ наволочкахъ съ бѣлыми и темными прямолинейными узорами. Сверху онѣ покрыты шерстяною, домотканною коричневою матеріею. Вдоль другихъ стѣнъ поставлены сундуки, голубые и красные, съ черными или бѣлыми желѣзными переплетами; они покрыты сверху такою же матеріею, какъ и подушки, а у очень богатыхъ — дорогими персидскими коврами. У бѣдныхъ совсѣмъ подушки не складываются въ видѣ дивана, а просто лежатъ въ углу, покрытыя ситцевымъ одѣяломъ. У богатыхъ же одѣяла дѣлаются изъ толстой турецкой шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ. Кромѣ подушекъ и сундуковъ, другой мебели въ татарской саклѣ нѣтъ.

На женской половинѣ комната имѣетъ приблизительно тотъ же видъ; только здѣсь красуется, сверхъ того, колыбель, расписанная всевозможными красками — изобрѣтеніе бахчисарайскихъ токарей.

Въ саклѣ татарской постоянно соблюдается чистота и порядокъ; войлокъ, посланный на полу, часто выколачивается и вывѣтривается. Вообще, гдѣ участвуютъ руки и глазъ татарка, тамъ все дѣлается исправно и обстоятельно. Это относится одинаково какъ

къ бѣднымъ, такъ и къ богатымъ татарскимъ семействамъ, съ тою лишь разницею, что у бѣдныхъ всего меньше и все дешевле, и комната только одна — въ правой части сакли, а въ лѣвой — печь и кухня, все-таки отдѣленные другъ отъ друга перегородкою.

На дворѣ тоже чистота, благодаря немалому участию женщинъ въ устройствѣ и этой части татарскаго обиталища. Дворъ всегда огороженъ или каменною стѣною, или плетнемъ, обмазаннымъ снаружи глиною.

Для скота внутри двора не строятъ ни хлѣвовъ, ни сараевъ, и, довольствуются простымъ навѣсомъ, да и тотъ далеко не у всѣхъ имѣется, такъ какъ скотъ большею частью держать зимою въ полѣ, на подножномъ борму. Птичники во дворахъ попадаются чаще.

На ночь скотъ вездѣ загоняютъ или во дворъ, или въ особые загонь. Это дѣлается главнымъ образомъ для того, чтобы заготовлять *кизиль*, которымъ татары отапливаютъ свои сакли.

Въ татарской деревнѣ всегда есть нѣсколько колодцевъ, а у степныхъ татаръ — подлѣ каждого дома свой колодезь, изъ котораго поднимаютъ воду колесомъ въ бурдюкахъ или кожанныхъ мѣшкахъ.

Татары всегда и все сами строятъ себѣ, равнымъ образомъ — и деревенскія мечети. Мечеть въ деревнѣ стоитъ всегда особнякомъ. Постройка ея незамысловата; она мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной сакли, и строится, по большей части, изъ грубаго известковаго камня, съ кровлею изъ красной черепицы. Въмѣсто минаретовъ дѣлаютъ каменную лѣстницу, которая ведетъ къ площадкѣ, часто ничѣмъ неогороженной. Сюда входитъ самъ мулла, или *мазинъ* (такъ называютъ крымскіе татары своихъ муэззиновъ), и пять разъ въ день извѣщаетъ правовѣрныхъ, что часъ молитвы наступилъ. Городскія мечети гораздо красивѣе: ихъ строятъ изъ камня съ рѣзными карнизамъ. Минаретъ высочій, нерѣдко доходитъ до 7 сажень и оканчивается шицемъ съ двурогою луною. Аршина на 4 ниже

ВИДЪ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ КАЗАНИ.

пицца сдѣланъ балконъ, окружающій пиццу и на него выходъ изъ башенки минарета.

Крымскіе татары питаютъ замѣтную наклонность къ вѣшнему блеску и роскоши, въ чемъ обнаруживается тѣсное родство ихъ, по качествамъ и свойствамъ натуры, съ востокомъ. Въ этомъ отношеніи они больше имѣютъ сходства съ турками, чѣмъ напримѣръ съ волжскими татарами, стремленіе которыхъ къ востоку скорѣе искусственное, чисто тенденціозное, основанное не на характерѣ народа, а на національныхъ традиціяхъ и преданіяхъ мусульманства. На особенную близость крымскихъ татаръ къ востоку указываетъ также ихъ одежда. Татары одѣваются красиво, иногда даже живописно. Обыкновенный костюмъ крымскаго татарина составляютъ: буртка, широкіе шальвары, стянутые поясомъ, и баранья шапка или красная феска на головѣ.

Куртка шьется изъ особенной турецкой матеріи съ разводами, у богатыхъ—изъ шелковой, а у бѣдныхъ—изъ бумажной. Куртка эта надѣвается сверхъ рубахи, и застегивается спереди металлическими пуговицами, мѣдными или серебряными, а у небогатыхъ—деревянными, обтянутыми тою же матеріей. Рукава куртки дѣлаются узкіе и короткіе; они доходятъ только до локтей и также застегиваются на пуговицы посредствомъ петель изъ сурковъ. Куртка, сверхъ того, часто бываетъ обшита по воротнику и бортамъ серебряными галунами или золотыми сурками въ нѣсколько рядовъ. Отъ локтей до кисти видны рукава рубашки.

Широкіе шальвары надѣваются сверхъ куртки и у талии стягиваются поясомъ различной ширины какого нибудь яркаго цвѣта, исключая зеленаго. Зеленый цвѣтъ, какъ преобладающій въ раю Магомета и вълѣдствіе этого почитаемый священнымъ, предоставляется носить только лицамъ высшаго духовенства и прямымъ потомкамъ Магомета.

Шапка весьма изящной формы дѣлается изъ бараньяго мѣха,

выпшиною въ одинъ футъ или въ полфута, съ краснымъ, сафьяннымъ или суконнымъ доньшкомъ. Фески приготовляются вязанныя, безъ швовъ, съ цѣльнымъ непришитымъ доньшкомъ; обыкновенно ихъ перерабатываютъ на фабрикахъ, гдѣ фески и получаютъ такой видъ, какъ будто онѣ сдѣланы были изъ цѣльнаго куска суконной матеріи.

Феску и шапку крымскій татаринъ не снимаетъ даже въ комнатѣ, и разстается съ ними только тогда, когда ложится спать.

Зжиточные татары носятъ шерстяные чулки, въ которыхъ и входятъ въ комнату; сверхъ нихъ надѣваютъ мягкія, желтыя *мешты*—сафьянныя туфли съ острыми, загнутыми къ верху носками; а сверхъ этой первой обуви надѣваютъ еще калоши или кожаные башмаки на желѣзныхъ подковахъ. Высшій классъ носитъ сандалии, т. е. лапти, сдѣланныя изъ бараньей невыдѣланной кожи; ноги подъ лапоть обертываютъ зимою толстымъ сукномъ, а лѣтомъ—грубымъ полотномъ. Лапоть прикрѣпляется къ ногѣ веревочками или тонкими кожаными ремешками, перевитыми вокругъ ноги крестообразно до самыхъ колѣнъ.

Сверхъ куртки татары надѣваютъ *чекмень*, длинный кафтанъ съ башлыкомъ и очень широкими рукавами; чекмень дѣлается изъ грубаго домашняго сукна коричневаго цвѣта. Татары хлѣбопашцы очень часто употребляютъ этотъ кафтанъ вмѣсто мѣшковъ. Нужно татарину хлѣбныхъ зеренъ или овощей насыпать, онъ скидаетъ съ себя чекмень, связываетъ рукава и полы, насыпаетъ въ этотъ импровизированный мѣшокъ зерна, протыкаетъ подъ узелъ палку и, взваливши себѣ на спину, несетъ куда слѣдуетъ. Зимой, вмѣсто чекменей, татары носятъ тулупы, съ которыми не расстаются въ это время года ни днемъ, ни ночью. Тулупы у нихъ двоякаго рода: одинъ короткій, домашній, по формѣ напоминающей кавалерійскій полушубокъ; другой—дорожный, длинный и широкій.

Татарскихъ мальчиковъ съ четырехлѣтнаго возраста одѣваютъ,

какъ взрослыхъ; а до тѣхъ поръ татарченки бѣгаютъ въ курточкѣ съ узенькими рукавами, надѣтой сверхъ длинной рубашенки, и въ мохватою шапкѣ, а иногда съ голой, бритой и сивей головенной гладкой какъ пузырь, на макушкѣ которой развѣвается хохолокъ, словно у краснокожаго индѣйца.

Женскій костюмъ нѣсколько сходенъ съ мужскимъ. Татарки носятъ шерстяныя домотканныя рубашки, съ открытой шеей и съ короткими рукавами до локтей. Сверхъ рубахи надѣваютъ широкіе шальвары, стянутые на поясѣ и собранные на снурокъ у щиколки; отъ колѣнъ до щиколки ихъ обшиваютъ краснымъ кумачемъ. Поверхъ шальваръ надѣваютъ юбку, тоже шерстяную, и передникъ, собственной работы, иногда очень неискусной.

Сверхъ этого надѣваютъ лѣтомъ бешметъ, длинный кафтанъ изъ бумажной матеріи, на пестрой подкладкѣ; онъ доходитъ до колѣнъ и шьется въ обтяжку, съ узкими короткими рукавами, доходящими до локтей. Края его обшиваются галунами или серебряными шнурами въ нѣсколько рядовъ. Изъ подъ бешмета виднѣются только концы шальваръ, обшитые кумачемъ и мѣшками падающіе на ступни. Бешметъ стягивается вокругъ таліа серебрянымъ поясомъ, ширина котораго различна, смотря по богатству женщины или дѣвушки. Концы пояса уже, чѣмъ середина, и застегиваются спереди круглою серебряною пряжкой, украшенною гранатами или разноцвѣтными, по большей части поддѣльными, камнями. Только у самыхъ бѣдныхъ пояса шелковые или льняные. Подъ поясъ на кафтанъ часто надѣваютъ сложенную угломъ цвѣтную шаль такимъ образомъ, что уголъ ея виситъ назадъ чуть не до пятъ.

Зимомъ, поверхъ бешмета, надѣваютъ *друбе* — шубку, преимущественно красной или зеленой матеріи, съ стоячимъ воротникомъ, и съ узкими рукавами; длина шубки различна: у молодыхъ — до колѣнъ, а у старыхъ — до пятъ. Рукава этой шубки дѣлаются съ обшлагами, очень красиво вырѣзанными, и украшаются по шву металли-

ческими пуговками; края шубки также обшиваются галуномъ или шнурами, а иногда мѣхомъ и широкимъ позументомъ по швамъ.

При выходѣ изъ дома, сверхъ всего надѣваютъ еще *фередже*, суконную накидку, розоваго или зеленаго цвѣта съ короткими рукавами; при недалнихъ отлучкахъ со двора, фередже набрасываютъ на голову, вмѣсто чадры или покрывала.

Обувь женская также нѣсколько разнообразнѣ мужской. Зимомъ въ комнатѣ татарки носятъ такія же туфли, какъ и мужскіе мешты поверхъ которыхъ при выходѣ надѣваютъ также галоши или *катыры*. Лѣтомъ обуваются въ *терлики*, или папучи — полуботинки съ острыми носками, расшитые золотомъ и серебромъ. Когда на дворѣ грязно, то, кромѣ туфель и галошъ, носятъ еще деревянные башмаки. Они дѣлаются изъ легкаго дерева, обыкновенно изъ чернаго тополя; прежде всегда вырѣзывается подошва, верхняя сторона которой усаживается гвоздиками, чтобы нога не скользила; подъ передній и задній конецъ подошвы придѣлывается деревянная ножка, дюймовъ въ 6 или 8 вышиною. Къ серединѣ подошвы припрѣпляется широкій ремень, въ видѣ перехвата, въ который и вставляется нога. Въ этихъ галошахъ можно ходить по глубокой грязи и запачкать обуви; привычныя въ нихъ свободно бѣгаютъ; они только хлябаютъ на ногѣ, но не спадаютъ. Богатыя щеголихи носятъ деревянные башмаки весьма изящной формы, полированные, украшенные рѣзьбою и инкрустаціей изъ перламутра, серебра и разноцвѣтнаго дерева.

Костюмъ дѣвушекъ такой же какъ и у замужнихъ женщинъ, исключая головнаго убора. Замужнія татарки раздѣляютъ волосы на головѣ на обѣ стороны на двѣ пряди, и заворачиваютъ ихъ на вискахъ въ два пучка, называемые *зелифами*; назадъ волосы остаются незаплетенными и висятъ по синѣ распушенные.

Сверхъ такой прически, женщины носятъ *чалму* изъ длиннаго, аршина въ 4, холщеваго полотна. Для этого наматываютъ его

крестообразно на голову такъ, что одинъ конецъ виситъ по спинѣ и прикрываетъ распушенные волосы, а другой конецъ обвивъ вокругъ головы и запрятанъ такъ, что не выскальзываетъ, даже при большой работѣ; во весь день головной уборъ татарки остается на мѣстѣ, какъ она не нагибается, какъ ни хлопочетъ.

Дѣвушки же татарскія заплетаютъ волосы на множество тонкихъ косичекъ, иногда очень длинныхъ, и онѣ висятъ у нихъ по плечамъ и по спинѣ. Верхнюю часть головы дѣвушки покрываютъ красною фескою, такую же, какъ у мужчинъ, но красиво убранною. По срединѣ плоскаго донышка пришивается металлическая пуговица, въ которой придѣлывается кисть изъ золотыхъ нитокъ или шнурковъ; кисть эта по донышку разсыпается звѣздою. По сторонамъ феска расшита золотомъ, или просто мишурою. По краямъ ея нашиваются червонцы, а у бѣдныхъ бронзовыя или мѣдныя монеты, только серебряныхъ не любятъ; иногда монеты эти не пришиты, а висятъ по краямъ фески напизанныя на витки, спускаясь на лобъ и вокругъ всей головы. Дѣвушки особенно шеголяютъ фесками; чѣмъ она наряднѣе, тѣмъ больше чести приносятъ дѣвушкѣ, потому что нарядъ этотъ всегда собственной работы. Кромѣ того, дѣвушки носятъ множество золотыхъ или мѣдныхъ монетъ на груди и на шеѣ въ видѣ ожерелья и нагрудника; чѣмъ больше монетъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ красивѣе кажется татаркамъ.

Всѣ женщины носятъ также разныя украшенія на рукахъ: серебряныя кольца, браслеты изъ стекляруса или изъ серебрянныхъ нитокъ. Женщины ногайцевъ отличаются въ этомъ случаѣ отъ прочихъ татарокъ тѣмъ, что носятъ тяжелое серебряное кольцо, продѣтое въ лѣвую ноздрю. Татарки южнаго берега и горныя не любятъ такого украшенія.

Всѣ наряды и украшенія татарки предназначаются исключительно для дома, потому что съ 17-тилѣтняго возраста каждая татарка, какъ-бы она ни была наряжена, при выходѣ на улицу непремѣнно долж-

на набросить на себя чадру, по крымски — *мараму* — длинное, бѣлое холщевое покрывало, которое живописно покрываетъ ея стройную фигуру, охватывая весь костюмъ и голову и оставляя отъ лица открытыми только глаза.

Можетъ быть, вслѣдствіе того же тепличнаго прозябанія красоты татарокъ, онѣ охотно прибѣгаютъ, при свойственномъ имъ рокетствѣ и, при неизбѣжномъ въ ихъ положеніи, заслужить расположеніе мужа, къ самымъ грубымъ косметическимъ средствамъ. Въ комнатахъ, въ особенностяхъ такой мрачной, какъ татарская, всякія притиранія, даже топорной работы, не такъ замѣтны, какъ на улицѣ, гдѣ марамъ даетъ, однако, возможность татаркѣ совершенно прикрывать всѣ ея косметическія продѣлки. Различныя притиранія и крашенія обратились у татарокъ въ какой-то догматъ красоты, безъ котораго не обходится ни одна женщина, какъ бы она ни была красива, сама по себѣ, безъ этихъ аляповатыхъ, и всегда уродующихъ средствъ. У многихъ отъ природы прекрасныя черныя или темнорусые волосы, но татарка до тѣхъ поръ не примется заплетать ихъ, пока не выкраситъ ихъ въ яркій лисій цвѣтъ. Той же красной краскою малюютъ онѣ себѣ ладони, пальцы и ногти на рукахъ и ногахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ употребляютъ особенную краску — *кму* — порошокъ изъ растенія, приготовляемый на востокѣ. Щеки себѣ татарки бѣлятъ и румянятъ, на лбу кладутъ блескъ, а брови густо сурмятъ, дѣлая при этомъ, такого же цвѣта точку на переносицѣ.

Необходимую принадлежность татарскаго костюма, какъ женскаго, такъ и мужскаго, составляютъ также кожаныя сумочки, заключающія въ себѣ серебряныя ящички, въ которыхъ, въ свою очередь, сурятаны молитвы, нарочно для каждаго написанныя. Эти сумочки, имѣющія значеніе амулетовъ, мужчины носятъ на особыхъ перевязкахъ на груди, или на спинѣ, а дѣвушки вплетаютъ въ косы. Ни одинъ изъ носящихъ молитву не только не знаетъ ея наизусть,

но и не может ее прочесть; они силу приписывают написанным словам, а не смыслу ихъ.

О костюмѣ татаръ, равно какъ и о жилищѣ ихъ, нужно вообще замѣтить, что они постоянно содержатъ и то, и другое въ порядкѣ, чистотѣ и опрятности; рѣдко можно увидѣть на татаринѣ разорванное платье, хотя и весьма часто съ заплатами.

Но если татаринъ такъ причудливъ и отчасти даже изыщенъ въ выборѣ своей внѣшней обстановки, то далеко нельзя сказать того же о взглядахъ татаръ на качества и свойства употребляемой ими пищи. Ни у одной народности нельзя встрѣтить такой невзыскательности, неумѣнья и безвкусія въ приготовленіи пищи, какъ у крымскихъ татаръ. Небрежность и неопрятность играетъ также значительную роль въ дѣлѣ татарской ѣды.

Крымскими татарами употребляются въ пищу слѣдующія кушанья: хлѣбъ, обыкновенно, перекишій, черезчуръ крутой и дурно выпеченный; *нилавъ* изъ пшена и баранины; *катыкъ*, т. е. скисшее, свернувшееся и, потомъ прокипяченное, а иногда еще и просоленное молоко, по большей части—овечье, что-то въ родѣ нашего кислаго молока или творогу, но на вкусъ русскихъ совершенно негодное, у крымскихъ же татаръ весьма любимое.

Изрѣдка, въ какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ, татары готовятъ: *шашлыкъ* — жареную на вертелѣ мелкими кусками баранину; *чирчиръ-бурекъ* или *чубурекъ*, т. е. жареные на бараньемъ салѣ пирожки съ начинкой изъ рубленой говядины; *голубцы* въ виноградныхъ листьяхъ, облитые, вмѣсто сметаны, катыкомъ. Самымъ же роскошнымъ блюдомъ считаются щи, сваренныя изъ разныхъ овощей и фруктовъ и изъ различнаго мяса; чѣмъ разноколибернѣе составъ этого удивительнаго блюда, тѣмъ выше оно цѣнится.

Всякое кушанье у татаръ, обыкновенно, переварено и пережарено до-нельзя, и все обильно приправляется бурдючнымъ жиромъ (сало изъ хвоста крымскаго барана), стручковымъ перцемъ, лукомъ и чес-

нокомъ, который татары поглощаютъ въ огромномъ количествѣ такъ что ихъ одежда и дома насквозь пропитываются острымъ запахомъ этого овоща и нестерпимо разятъ для непривычнаго обонянія.

Мясо татары рѣдко употребляютъ и не имѣютъ обыкновенія солить его. Обыкновенно, они заготавливаютъ на зиму: *какачъ* — вяленую на солнцѣ баранину, и *пастырму* — тоже вяленую говядину. Верблюжье мясо всѣ охотно употребляютъ. Копину ѣдятъ только ногайцы и готовятъ ее такъ же, какъ дѣлали это еще предки ихъ.

До различныхъ лакомствъ татары, а въ особенности татарки, большіе охотники. Самое высокое и дорогое лакомство для нихъ составляетъ *каймакъ* — жирныя, маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ кипяченаго овечьяго молока, во время приготовления брынзы (овечьяго сыра). Каймакъ или варенныя овечьи сливки ѣдятъ преимущественно застывшія, холодныя, когда онѣ имѣютъ вкусъ соленой свѣчи. Какъ лакомство, употребляютъ также сладкіе пирожки съ начинкой изъ фруктовъ и овощей, а рѣдко съ молодой крапивой, вареной въ молокѣ. Весьма распространенное лакомство составляетъ также *бекмезъ* — жидкая фруктовая пастила. Но если крымскій татаринъ пожелаетъ полакомиться на-славу, то беретъ ломтикъ хлѣба, макаетъ его сперва въ бекмезъ, потомъ въ каймакъ, затѣмъ въ медъ, въ коровье масло, и, положивъ сверху всего кусочекъ соленого стручковаго перца, проглатываетъ эту невообразимую смѣсь съ истиннымъ наслажденіемъ... Татарки, сверхъ того, лакомятся рагаты - лукумомъ, халвою, изюмомъ и ля-бляблю (сладкимъ горохомъ).

У крымскихъ татаръ существуетъ также много національных напитковъ, преимущественно прохладительныхъ, къ числу которыхъ относится *шербетъ* или *чарденка* — кислый фруктовый отваръ или просто бекмезъ, разбавленный водою, напоминающій фруктовый

евась. Сланный же распространенный прохладительный напитоком служить *язма*, это — катык или кислое овечье молоко, разбавленное водою, вследствие чего получается жидкость ѓдко-кислаго, отвратительнаго, гнилаго вкуса. Не смотря на это, язма составляет любимое питье татаръ, ихъ національный квасъ, и считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для утоленія жажды.

Употребленіе вина строго запрещено кораномъ для всѣхъ мусульманъ; но большинство крымскихъ татаръ вполне убѣждено, что водка не есть вино, а потому и пьютъ всѣ хлѣбные хмѣльные напитки не хуже гмуровъ.

Лишь степные татары составляютъ исключеніе въ этомъ случаѣ; они не только строго воздерживаются отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ, но считаютъ грѣхомъ даже употребленіе виноградна, изъ котораго, однакожь, сами приготавливаютъ вино, которое, впрочемъ, тотчасъ же сбываютъ съ рукъ и продаютъ въ Симферополѣ.

Нужно вообще замѣтить, что крымскіе татары гораздо умѣреннѣе въ употребленіи пиши чѣмъ напиткиовъ.

Отличительныя черты характера, свойственныя татарамъ всѣхъ трехъ вѣтвей, суть: лукавство, скрытность, лѣнь, беспечность, робость и хвастливость.

Въ частныхъ отношеніяхъ между собою татары донинѣ сохранили патриархальную простоту, уравнивающую, по крайней мѣрѣ наружно, бѣдняка съ богатымъ и знатнаго съ незнатнымъ. Рабочіе кто бы они ни были — все равно, не стѣняясь, входятъ въ домъ своего хозяина, будь онъ самъ бей, и, отдавъ ему съ обычной важностью привѣтствіе, спокойно садятся, хотя-бы въ присутствіи постороннихъ посѣтителей, рядомъ съ хозяиномъ (банакъ-беемъ) по турецки на диванъ и съ достоинствомъ ѣдятъ все, что поставлено для гостей.

Но подобная простота нравовъ нисколько не исключаетъ въ средѣ татаръ общественныхъ отношеній, основанныхъ на корысти, на низкопоклонствѣ. Правда, они живутъ въ своихъ деревняхъ, видимо мирно, безъ ссоръ и дракъ, но дружнаго единенія между ними нѣтъ, и сильнѣйшій всегда стремится подчинить себѣ слабѣйшаго. Эта же черта характеризуетъ и ихъ семейныя отношенія, гдѣ отецъ и мужъ — полновластный владыка надъ женою и дѣтьми.

Татарамъ не чужды понятія правды и добра, но понятія эти слишкомъ темны и узки. Всѣмъ извѣстна честность ихъ между собою; сдѣлки у нихъ заключаются на словахъ, безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ. Воръ у нихъ также всѣми презираемъ и есть явленіе очень рѣдкое. Воровство между ними даже совсѣмъ почти не практикуется, такъ что двери въ домахъ остаются постоянно, даже ночью, незапертыми, а зерновой хлѣбъ, зарытый на дворѣ, остается тамъ до употребленія совершенно неприкосновеннымъ. Но въ то же время, человекъ, который ловокъ и можетъ болѣе или менѣе тонко всякаго проведсти и надуть, не только иновѣрца, но и своего брата татарина, пользуется у нихъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ дѣлецъ и умница. Поэтому всѣ сельскія власти у нихъ, самимъ же міромъ избираемыя, отъявленные міроѣды и плуты, они же и первые богачи въ деревнѣ.

Понятія татаръ о гостепріимствѣ весьма своеобразны. Гостепріимство оказываютъ они всякому путешественнику, хотя-бы и иновѣрцу, и каждая бездѣлица, принадлежащая гостю, почитается святыней, до которой никто не дотронется. Принимаютъ они гостя радушно; татарка тотчасъ бѣжитъ суетиться и хлопотать; приготавливаетъ ему постель, сидѣнье; подаетъ трубку и табакъ, а черезъ нѣсколько минутъ появляется и кофе. При этомъ, за свое гостепріимство татары, даже бѣдные, никогда не требуютъ платы; но всѣ одинаково охотно принимаютъ подарки, состоящіе изъ табаку или

денегъ, и отъ нихъ гость почти всегда услышитъ слова: «дай мнѣ то, что ты любишь». Если даже просто побывать на короткое время въ гостяхъ хотя - бы у какого нибудь татарскаго бей, и, за оказанный имъ радушный пріемъ, предложить ему рубль то это нисколько не смутитъ дворянина-мусульманина, а напротивъ — онъ приметъ этотъ рубль съ большимъ удовольствіемъ и даже не безъ достоинства, какъ должную дань уваженія въ его особѣ.

Спокойствіе въ манерахъ и нѣкоторая важность въ движеніяхъ составляютъ вообще отличительную черту крымскаго татарина. Чтобы ни дѣлалъ татаринъ, онъ дѣлаетъ это съ нѣкоторымъ врожденнымъ достоинствомъ; во время молитвы онъ ничѣмъ не отвлекается; войдя въ кофейню, онъ медленно садится, поджавъ ноги, на разостланномъ на полу войлокѣ или коврѣ, держа длинный чубукъ во рту, — и съ важнымъ лицомъ принимается за чашку кофе и пьетъ его малыми глотками, тихо и важно.... Если онъ занимается поденною работою у чужихъ, то и въ этомъ случаѣ работаетъ также спокойно и важно.

Веселость у нихъ проявляется порывами, по большей части только въ минуты отдыха. Тогда всѣ они собираются въ кружокъ, физиономіи ихъ оживляются, слова такъ и сыплются, смѣхъ не умолкаетъ, и идутъ безконечные разговоры о разныхъ предметахъ. Трубка — составляетъ необходимое условіе татарскихъ бесѣдъ, которыя продолжаются иногда нѣсколько часовъ сряду, и даже послѣ долговременной утомительной охоты, не смотря на усталость, они толкуютъ до полуночи. Но лишь только наступитъ часъ работы, говорливость моментально исчезаетъ и смѣняется молчаніемъ, серьезнымъ выраженіемъ лица и медленными, лѣнивыми движеніями.

Можетъ быть, ни въ одной мѣстности въ Россіи не способствуютъ такъ сильно всѣ обстоятельства быстрому развитію промышленности и народнаго богатства какъ въ Крыму, а между тѣмъ нигдѣ нѣтъ такой поголовной бѣдности какъ между крымскими татарами.

Правда, сѣверная степная часть Крымскаго полуострова немного разнится по своей природѣ и климату вообще отъ нашихъ южныхъ степей; но какъ и послѣднія, она представляетъ всѣ удобства для занятія хлѣбопашествомъ и, въ особенности, скотоводствомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Южная же часть Крыма, защищенная горами отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера и открытая благодатнымъ южнымъ вѣтрамъ, приносящимся съ моря, пользуется теплымъ и мягкимъ климатомъ и справедливо можетъ носить названіе «русской Италіи». Здѣсь успѣшно растетъ виноградъ, лавровыя и оливковыя деревья, кипарисы, гранаты, однимъ словомъ — всѣ произведенія Средней Италіи. Проѣзжія дороги идутъ тамъ черезъ фруковые сады и орѣховыя лѣса; осенью деревья покрыты зеленью и цвѣты благоухаютъ на открытомъ воздухѣ, а Черное море, съ его прозрачною синевою, круглый годъ не перестаетъ плескаться, ласкаль въ прекрасному берегу.... Недаромъ этотъ берегъ издавна привлекалъ къ себѣ множество поселенцевъ даже изъ неменѣ роскошныхъ по природѣ странъ Европы.

Къ числу занятій татаръ относятся: садоводство, виноградничество, табаководство, огородничество, скотоводство, а главнымъ образомъ — хлѣбопашество.

Не смотря на всѣ выгоды разведенія въ Крыму плодовъ, овощей и нѣкоторыхъ колониальныхъ растений, — татары, по отсутствію предпріимчивости и по унаслѣдованной привычкѣ, предпочитаютъ поддерживать свое существованіе хлѣбопашествомъ. Но и это главное занятіе татаръ находится у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи, хотя климатъ и почва въ высшей степени благопріятствуютъ хлѣбопашеству.

Нечего и говорить, что татары оказываются вполне безпомощными противъ такихъ бичей земледѣлія въ Крыму, какъ недостатокъ воды и частыя засухи, саранча, весеннія утренники, болѣзни винограда и т. под. Правда, крымскіе татары, наравнѣ съ турками и

другими восточными народами, могутъ назваться мастерами орошенія и фантановъ. У нихъ можно встрѣтить фонтаны и на дорогахъ, и въ деревняхъ, и даже на горахъ; но все это устроено больше для кейфа мѣстныхъ жителей, а не для хозяйственныхъ потребностей. Земледѣльческій участокъ инога татарина часто обращается въ пустыню отъ недостатка воды, а хозяину его все-таки лѣнь взятыся за заступъ. Неудивительно поэтому, что, въ случаѣ засухи, сотни татарскихъ семей въ этомъ благодатномъ краю терпятъ голодуху, не менѣе какихъ-нибудь ирландцевъ.

Садоводствомъ татары занимаются въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на то, что въ Крыму садъ довольно умѣренныхъ размѣровъ, при одномъ,—двухъ работникахъ, часто даетъ одну,—двѣ тысячи годового дохода. Но если татарину удалось обзавестись десяткомъ грецкихъ орѣшинокъ, онъ уже не пашетъ и не жнетъ и считаетъ положеніе своего семейства вполне обеспеченнымъ, потому что отъ продажи орѣховъ у него остается достаточно денегъ для удовлетворенія его ничтожныхъ потребностей. Въ существующихъ татарскихъ садахъ ухода за деревьями, разумѣется, нѣтъ никакого.

Огородничество и табаководство также ограниченное и существуетъ только въ предѣлахъ мѣстныхъ потребностей, при томъ же дѣломъ этимъ исключительно занимаются женщины.

На татарскихъ женщинахъ вообще лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы. Жена татарина колетъ дрова, тоскаетъ топливо, носитъ воду, ходитъ за скотомъ, гоняетъ его въ поле, прядетъ, тклетъ и шьетъ на себя и всю семью, печетъ хлѣбы и работаетъ не только на мужа, но и на всѣхъ его работниковъ. А мужъ все больше сидитъ, сложивши калачикомъ ноги, да покуриваетъ, и не будь въ домѣ его жена-работница, онъ терпѣлъ-бы нужду въ самомъ необходимомъ. Вообще, крымскій татаринъ не мастеръ зашибить копейку и не имѣетъ въ этомъ отношеніи ничего общаго съ своими казанскими и симбирскими единоплеменниками.

Причиной этому, кромѣ вліянія климата, а можетъ быть и близкаго сосѣдства турокъ, служитъ также отсутствіе среди крымскаго населенія дѣятельнаго русскаго элемента. Колонизація Крыма русскими только еще въ зародышѣ. Самая лучшая часть его — южные берега—до сихъ поръ украшались только элегантными дачами русскихъ вельможъ, не преслѣдующихъ, конечно, на первомъ планѣ, экономическихъ цѣлей. Правда, помимо этой колонизаціи, въ Крыму устроено было правительствомъ нѣсколько малороссійскихъ поселеній; но поселенія эти, по своей малочисленности и разобщенности съ русскими, сами стали отчасти подражать татарамъ въ дѣлѣ обработки земли. Впрочемъ, хозяйство русскихъ здѣсь во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ у татаръ, и это даетъ уже нѣкоторое понятіе о благотворности будущей русской колонизаціи для крымскаго татарскаго населенія.

Если ко всему вышесказанному прибавимъ частыя выселенія татаръ въ Турцію и вслѣдствіе этого постепенное уменьшеніе въ Крыму рабочихъ рукъ,—то намъ вполне будетъ понятно жалкое экономическое положеніе «Русской Италіи» и ея мусульманскихъ обитателей.

Скотоводство у крымскихъ татаръ, у этихъ потомковъ знаменитыхъ скотоводовъ-кочевниковъ, находится теперь въ плачевномъ состояніи, не смотря на обиліе пастбищъ въ Крыму и на отличную породу крымскаго скота. Лошади крымскія—часто дорого-цѣнными верховые иноходцы; рогатый скотъ некрупный, но крѣпкій, красивый и выносливый; при этомъ, содержаніе лошадей и скота въ Крыму почти ничего не стоитъ при полной возможности держать скотъ круглый годъ на подножномъ корму. Не смотря на все это, большинство татаръ держитъ лошадей и крупнаго скота всего по 2—3 штуки, да овецъ по столько-же... Большія стада имѣются только у очень богатыхъ татаръ, преимущественно же у русскихъ скотопромышленниковъ.

Изъ татарина, когда-то самостоятельнаго скотовода, выработался теперь особый типъ батрака-пастуха, извѣстный подъ названіемъ «чабана».

Пастушеская жизнь особенно развита среди горныхъ татаръ, и тамъ - то *чабанъ* представляетъ очень распространенный типъ и играетъ чуть-ли не первенствующую роль въ дикихъ ущельяхъ и долинахъ крымскихъ горъ, въ особенности на горѣ Чатырдагѣ. Крымскія горы большею частью состоятъ изъ покрытыхъ травою хребтовъ, называемыхъ татарами «айлами». И какъ швейцарцы гонять весною рогатый скотъ на горы, такъ и татары взбираются съ своими овцами на айлы и остаются тамъ цѣлое лѣто. На горахъ этихъ пасутся преимущественно овцы, вѣроятно потому, что движеніе по нимъ съ крупнымъ рогатымъ скотомъ неудобно, къ тому же на айлахъ трава очень короткая, болѣе удобная для овецъ, чѣмъ для крупнаго скота.

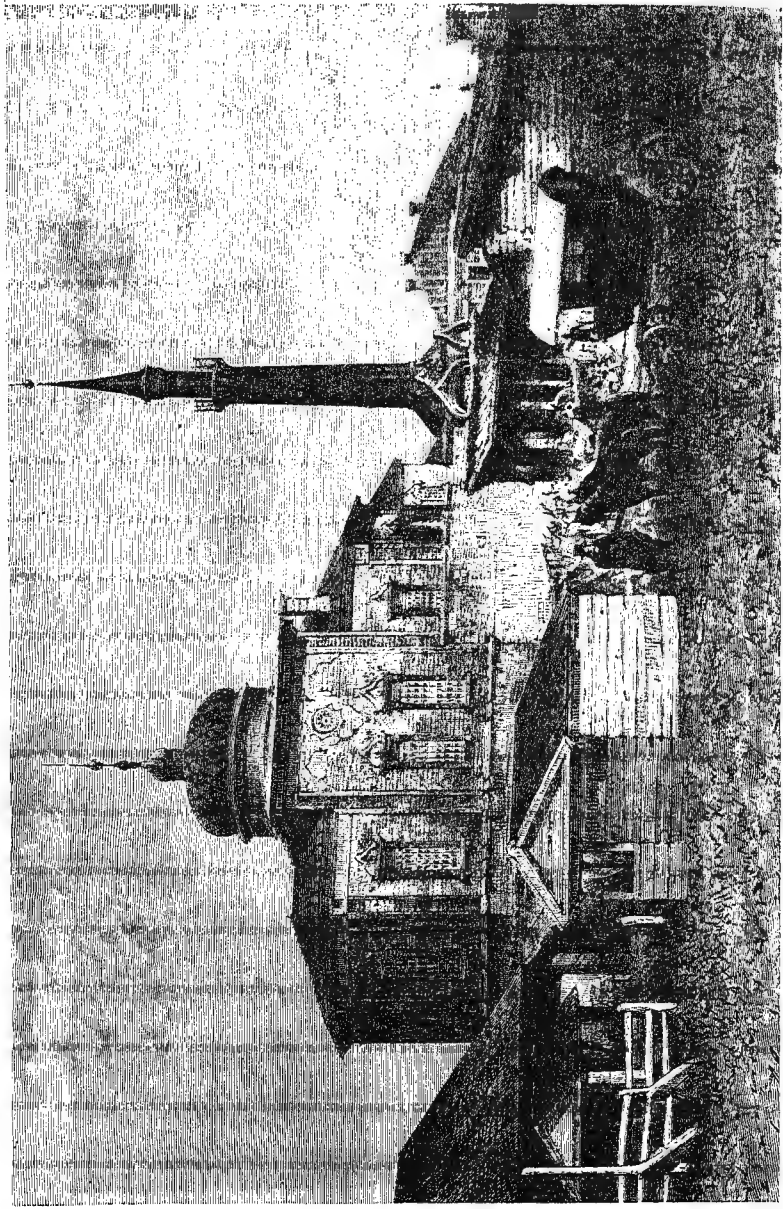
Чабаны составляютъ особый классъ—пастуховъ овецъ. Въ южныхъ степяхъ между чабанами можно встрѣтить даже и русскихъ пришельцевъ изъ какой-нибудь Курской губерніи, перенявшихъ этотъ родъ занятія вѣроятно отъ татаръ.

Вслѣдствіе установившагося въ Крыму обычая — держать скотъ и зиму, и лѣто на подножномъ корму, чабаны проводятъ большую часть времени года въ степи или въ горныхъ долинахъ, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ жилищъ. Сообразно съ этимъ выработалась и вся ихъ бытовая обстановка. Одѣваются они въ овчинную буртку, въ овчинные штаны, а сверхъ этого носятъ еще овчинный полушубокъ; обуваются въ буйволовые сандали, шапки носятъ остроконечныя, бараньи, и глубоко надвигаютъ ихъ на голову. У чабана ножъ за поясомъ, черезъ плечо — широкая черная перевязь, на которой въ черномъ футлярѣ, хранятся молитвы Магомету, молитвы, которыхъ ни одинъ чабанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ изъ нихъ не рискнетъ выйти на пастбище. Чабаны — это

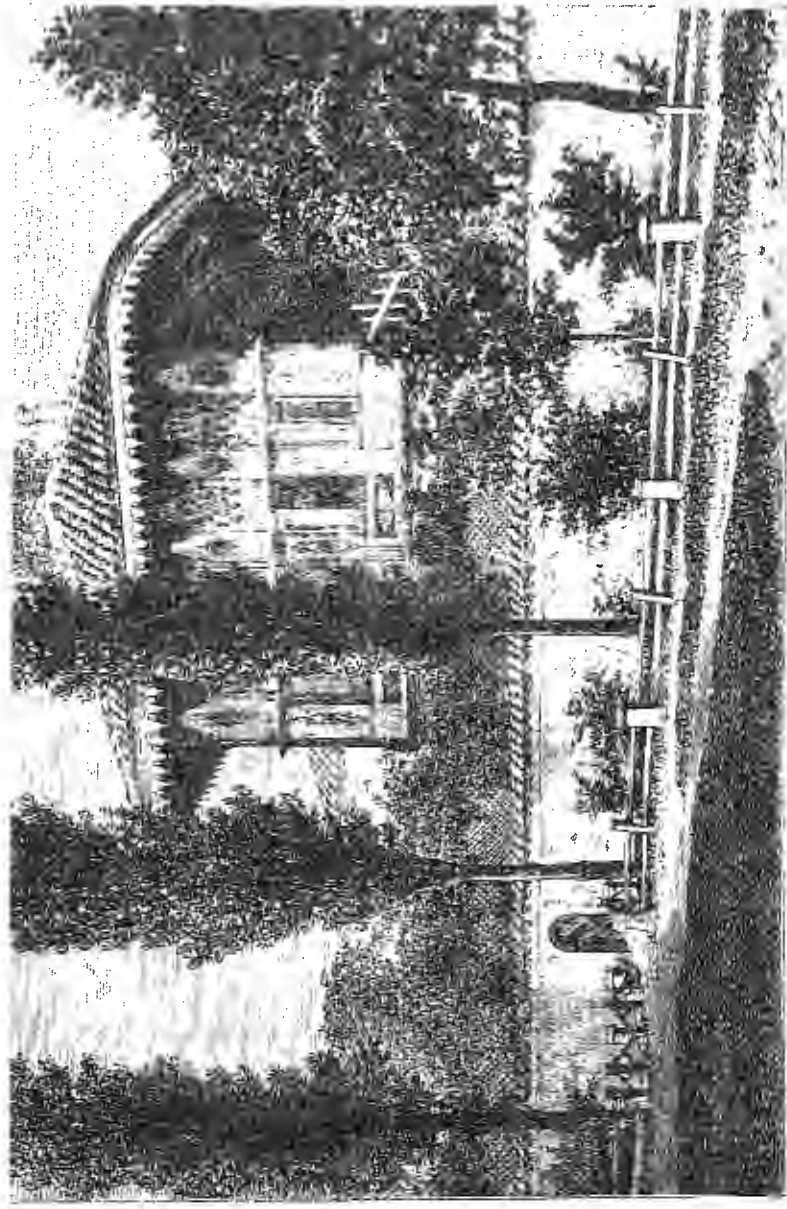
загорѣлые, закаленные, здоровенные пастухи, одичалые, крайне - суетливы, но смѣлые и въ извѣстныхъ случаяхъ — рѣшительные. Они привычны къ особенностямъ степной и горной природы, довольны своимъ образомъ жизни, котораго не оставляютъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и отличаются любовью къ овцеводству и своеобразною заботливостью объ овцахъ.

Чабаны не держатъ своихъ стадъ, но нанимаются всегда артелью въ пастухи къ какому-нибудь богатому татарину или русскому скотопромышленнику. Къ стаду въ двѣ тысячи головъ нанимаются обыкновенно пять чабановъ. Одинъ изъ нихъ атаманъ, т. е. староста, другой — кашеваръ. На кашеварѣ лежитъ также обязанность являться, разъ или два въ недѣлю, въ хозяйскую экономію за полученіемъ припасовъ для чабановъ. Если у одного хозяина имѣется нѣсколько *отаръ*, т. е. стадъ овецъ, то чабаны и атаманы каждой отары подчинены главному овчарю, который избирается тоже изъ чабановъ.

Не смотря на спеціальныя качества и преимущества чабана, онъ стоитъ хозяину недорого. При хозяйскихъ харчахъ атаманъ получаетъ въ годъ отъ 40—60 рублей, а прочіе чабаны отъ 30—50 р.; кашеваръ довольствуется 12—20 рублями въ годъ. Если же стадо состоитъ изъ однихъ простыхъ овецъ, нелучшенной породы, какъ это бываетъ постоянно у горныхъ татаръ, то плата чабанамъ производится не деньгами, а натурою, и въ этомъ случаѣ они не наемщики, а скорѣе — пайщики хозяина. Вознагражденіе имъ производится слѣдующимъ образомъ: атаманъ получаетъ отъ хозяина, на себя и на чабановъ, два раза въ годъ, по одной овцѣ съ каждыхъ тридцати, и по два пуда муки на каждую сотню овецъ. Разсчетъ этотъ дѣлается 23 апрѣли и 26 октября. Кроме того, онъ можетъ готовить себѣ *брынзу*, т. е. овечій сыръ, для чего атаманъ отдѣляетъ отъ стада, въ началѣ августа, отъ 200—300 овецъ, пасетъ ихъ отдѣльно двѣ недѣли, для досианія, и готовитъ брынзу на цѣлый годъ для себя и прочихъ чабановъ, отдавая и хозяину извѣстную часть

УЛИЦА ВЪ БАХЧИСАРАЯ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

ея. При подобномъ способѣ вознагражденія, у каждаго чабана накапливается въ годъ отъ 16 до 20 овецъ, которыхъ онъ держитъ при хозяйскомъ стадѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ у него образуется собственное маленькое стадо, которое онъ можетъ отдѣлить отъ хозяйскаго и сдѣлаться самостоятельнымъ скотоводомъ.

При каждомъ стадѣ, управляемомъ чабанами, непрѣнно находится нѣсколько особой породы собакъ-овчарокъ, которыхъ чабаны держатъ на свой счетъ, если получаютъ плату натурою, а если деньгами, то на счетъ хозяина. Собаки эти необыкновенно свирѣпы, на высокихъ ногахъ, поджарыя, лохматыя, съ длинными челюстями, почти всѣ бѣлыя, а глаза словно кровью налитыя. Назначеніе ихъ — подгонять къ стаду отставшихъ овецъ, не допускать къ нимъ незнакомыхъ людей и защищать стадо отъ нападенія волковъ, которые появляются въ большомъ количествѣ, въ особенности тогда, когда въ лѣсахъ лежитъ глубокой снѣгъ. Обязанности свои овчарки исполняютъ иногда даже черезчуръ усердно; онѣ страшно злы и сильны, и въ одиночѣ разрываютъ волка, а при случаѣ и человѣка. Только чабанъ умѣетъ укрощать этихъ свирѣпыхъ псовъ и командовать ими, съ помощью какого-то гоготанья, свиста и энергическихъ словъ.

При движеніи стада къ водою или обратно, впереди идетъ атаманъ; за нимъ нѣсколько козъ, которыя замѣняютъ собою сигнальную трубу, такъ какъ ревуть благимъ матомъ при появленіи волка или при видѣ другой какой-нибудь опасности. Овцы глупы, и въ подобныхъ случаяхъ молчатъ, поэтому слѣдуютъ цѣлымъ стадомъ, непосредственно за козами; по сторонамъ стада идутъ прочіе чабаны, а сзади кашеваръ съ собаками и съ паромъ воловъ, запряженныхъ въ фуру, нагруженную разными припасами, въ числѣ которыхъ находятся: ржаной хлѣбъ, пшено, кукурузная мука, соль, а также — войлокъ, кизякъ, котелокъ для приготовления пищи, ложки и проч. Впрочемъ, подобныя передвиженія стадъ съ чабанами и ихъ имуществомъ происходятъ только въ степяхъ. Горные же чабаны

живутъ въ шалашахъ, врытыхъ въ землю. Тамъ у нихъ находится и все ихъ обзаведеніе: сырные котлы, овчины, сѣдла, потники, войлоки, съѣстные припасы и прочее. Вокругъ такого шалаша пасутся овцы.

Когда степное стадо останавливается въ полдень, или ночью, кашеваръ съ возомъ помѣщается въ центрѣ отары, а вокругъ ея располагаются чабаны съ собаками, при чемъ, въ жаркое время дня, овцы, по врожденному инстинкту, лежатъ или стоятъ, сбившись въ кучу и наклонивъ голову.

Хорошимъ чабаномъ въ Крыму очень дорожатъ. Нерѣдко въ степи и на горахъ стадамъ угрожаютъ разныя опасности, напримѣръ: пожаръ степи, вьюга и т. п. Въ этихъ-то критическихъ случаяхъ опытный чабанъ и оказывается необходимымъ; тутъ онъ прилагаетъ къ дѣлу всю свою ловкость и знаніе. Огонь на степи въ лѣтнее время при вѣтрѣ распространяется съ такою силою, что легко можетъ обхватить все стадо. Чабанъ, замѣтивъ огонь въ какой-нибудь сторонѣ степи и предвидя опасность, не теряя времени, зажигаетъ противоположное пространство, недалеко отъ стада, по вѣтру, такъ, что въ одно время стадо находится между двумя огнями; затѣмъ, чабанъ, ни мало не медля, перегоняетъ стадо на выжженный имъ участокъ, и этимъ предотвращаетъ опасность: первоначальный огонь, достигнувъ черты убожища, изготовленнаго чабаномъ, не можетъ уже проникнуть къ стаду.

Въ зимнее время, въ случаѣ, если поднимется мятель и застигнетъ стадо въ открытой степи, то чабанъ старается, какъ можно скорѣе, загнать отару въ одинъ изъ загоновъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ степи. Загоны эти состоятъ изъ непокрытаго пространства, огороженнаго земляною насыпью. Во все продолженіе вьюги, чабанъ гоняетъ овецъ по загону; этою постоянною бѣготнею овцы предохраняются отъ массы снѣга, падающаго на нихъ, сваливаютъ его на землю и притаптываютъ тотчасъ ногами. Иногда, во

время необыкновенной продолжительной вьюги, овцы натаптывают такъ много снѣгу, что подъ конецъ спиною достаютъ до самаго верха земляной насыпи загона, имѣющей высоту двухъ аршинъ. Между тѣмъ стадо спасено.

Чабанамъ извѣстны многія простыя средства леченія овецъ, составляющія обыкновенно ихъ секретъ. Накримѣръ, при укушеніи овцы волкомъ, они раскаляютъ кость и прижигаютъ ею рану. — Игообразныя сѣмена степныхъ растений, ковыля и метлицы, часто проникаютъ, чрезъ руно и кожу, въ животъ овецъ, отчего овца болѣетъ, теряетъ аппетитъ и, наконецъ, ежели не будетъ подана помощь, издыхаетъ. Хорошій чабанъ, узнавъ по примѣтамъ причину недуга, прилагаетъ особенное стараніе къ отысканію вкравшихся сѣменъ и, тщательно вынимая ихъ, нерѣдко спасаетъ овцу отъ гибели.

Чабанъ знаетъ въ лицо каждую овцу, каждаго барана; при утренней и вечерней повѣркѣ, онъ, обыкновенно, не считаетъ овецъ, *пересчитываетъ* ихъ, и тотчасъ замѣчаетъ, если нѣтъ одной, двухъ, десяти и т. д. Когда наступитъ время сбора овечьего молока для приготовленія брынзы, чабаны принимаются въ извѣстные часы дня доить овецъ. Съ этою цѣлью чабанъ снимаетъ овчинную куртку, засучиваетъ рукава рубахи по локоть и, пропуская мимо себя овецъ по одиночкѣ, грубо хватаетъ каждую одною рукою за заднія ноги и приподнимаетъ сверху, а другою рукою, сильнымъ нажатіемъ, выдавливаетъ молоко изъ вымени разомъ въ поставленный на землю ушатъ. Занятіе это одинаково мучительно, какъ для овецъ, такъ и для ихъ патроновъ. Во время доенія овецъ съ чабана льется потъ градомъ.

При всей своей грубости въ обращеніи съ овцами, чабаны питаютъ къ нимъ своеобразную привязанность и заботятся о нихъ какъ отцы. Атаманъ наблюдаетъ обыкновенно за всею отарою. Отара, въ свою очередь, дѣлится на группы, какъ полкъ на батальоны, и каж-

дый изъ этихъ второстепенныхъ отрядовъ имѣетъ своего отца-командира. Главный врагъ чабана, недающій ему покоя ни днемъ, ни ночью, — волкъ. Нерѣдко такимъ образомъ является и человекъ. Это происходитъ вслѣдствіе своеобразныхъ понятій чабановъ о чести и общественной нравственности. Къ благосостоянію стада своего хозяина, каждый чабанъ считаетъ своею обязанностью относиться съ полнѣйшею добросовѣстностью; но украсть овцу изъ отары другаго владѣльца—признается у нихъ неменьшимъ удалствомъ. Подобнымъ продѣлкамъ много помогаетъ знакомство чабановъ съ порядками въ каждой отарѣ, а также ущелья и труппы горъ, гдѣ похищенная добыча находитъ себѣ надежный пріютъ; обычай этотъ, вѣроятно, составляетъ остатокъ прежней «баранты» и заставляетъ чабана держать ухо востро противъ своихъ сосѣдей—товарищей по ремеслу.

О правильномъ уходѣ за овцами и объ улучшеніи породы ихъ, между чабанами, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Они сильно заражены предрасудками и привычками, часто препятствующими даже поддержанію стада въ обыкновенномъ его видѣ. Овецъ держатъ въ хлѣвахъ и кормятъ сѣномъ только въ сильную зимнюю мятель или когда степь бываетъ покрыта очень глубокими снѣгами. Въ обыкновенную же погоду, зимою, овцы сами выкапываютъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга передними ногами. Чрезъ это надѣются сберечь сѣно, которое, вслѣдствіе степныхъ пожаровъ, истребленія саранчею и дороговизны рабочихъ рукъ, стоитъ иногда очень дорого.

Множество предрасудковъ постоянно отвлекаютъ вниманіе чабановъ отъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія несчастій. Такъ, по убѣжденію чабана, для предотвращенія грозы, достаточно связать ноги черному волу и, бросивъ его въ грязное болото, уйдти не оглядываясь. Животное это вскорѣ начнетъ ревѣть и умолять пророка о спасеніи; милостивый заступникъ также не замедлитъ, и сейчасъ же появится солнце, и ливень прекратится. Отъ

засухи или бездождя стоит только закопать живаго вола, приговаривая, что онъ отдается въ жертву землѣ, требующей у Аллаха воды; если послѣ этого дождь всетаки не пойдетъ, то необходимо закопать еще одного вола, но уже съ двумя хлѣбами, прикрѣпленными къ рогамъ.

Зимой, когда работы полевья окончены, и у каждаго заводятся лишнія деньженки, общественная жизнь татаръ нѣсколько оживляется. Всю зиму большинство татаръ ровно ничѣмъ не заняты, всю зиму они наслаждаются кейфомъ, водкою и бузою (татарскимъ пивомъ) музыкою и пѣніемъ. Все это они получаютъ за весьма умѣренныя пѣны въ спеціальныхъ по этой части заведеніяхъ—бузніѣ, кофейной и кабакѣ. Татары любятъ общество, любятъ быть въ гостяхъ, убитъ время въ разговорѣ, но не принимаютъ гостей у себя, поэтому домашніе пиры и бесѣды бывають у нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ-то: во время свадьбы, обрѣзанія, похоронъ и проч. Домъ, въ особенности небогатаго мусульманина, какъ жилище его жены и дочерей, не представляетъ удобства для веселыхъ мужскихъ пирушекъ. Оттого-то татаринъ ищетъ развлечения внѣ дома, въ общественномъ заведеніи, устроенномъ, обыкновенно, въ азіатскомъ вкусѣ.

Музыкою и пѣніемъ услаждаютъ татаръ цыгане. Татары презирають ихъ, какъ падшее племя, въ отношеніи религіозномъ—недоразвитое, половинное (по мнѣнію крымскихъ татаръ, всѣхъ религій въ мірѣ—семьдесятъ семь съ половиною: половинка эта приходится на долю цыганъ), и созданное изъ омерзительнаго вещества, въ противоположность имъ самимъ, слѣпленнымъ изъ чистѣйшей пшеничной муки. Не смотря на это, они охотно слушаютъ цыганскую музыку и пѣніе, и съ полною вѣрою обращаются въ трудныхъ случаяхъ къ ихъ колдуньямъ за совѣтомъ, леченіемъ и ворожбою. Упражняются цыгане больше въ національныхъ татарскихъ пѣняхъ, и музыка ихъ часто напоминаетъ копачье мяуканье, не то влягъ по-

росенка. Искуснѣйшіе артисты знакомятъ татаръ и съ европейскою музыкою — польками, кадрилими и проч., составляя изъ всего этого какія-то неслыханныя попури. Инструментовъ немного — свирѣль, скрипка и всеоглушающій барабанъ—дѣло рукъ самихъ виртуозовъ.

Увеселенія татаръ немногосложны. Азартная игра въ карты, борьба и скачки—составляютъ обыкновенное ихъ развлеченіе. Борьбою развлекаются по большей части на свадьбахъ. Публика становится въ кружокъ, посрединѣ помѣщаются два джигита; они наклоняются другъ къ другу и берутъ одинъ другаго за кушаки. Музыка начинается какой нибудь маршъ, и оба джигита начинаютъ переминаться на мѣстѣ, изловчатся, тянутъ другъ друга за кушаки, стараясь повалить одинъ другаго и возбуждая тѣмъ неописанный восторгъ въ зрителяхъ. Когда одинъ изъ противниковъ оказывается вдругъ сваленнымъ на землю, взрывъ дикихъ восклицаній привѣтствуетъ побѣдителя.

Скачки для татаръ составляютъ высшее наслажденіе. На губернскаго скачки они собираются даже изъ отдаленныхъ городовъ и деревень, заранѣе навѣшивая на своихъ лошадяхъ различныя амулеты, съ цѣлю обезпечить за собою побѣду надъ соперниками. Даже женщинамъ дозволяется бывать на скачкахъ, и онѣ, въ качествѣ зрителейницъ, собираются на нихъ во множествѣ, становятся въ бѣлыхъ марамахъ гдѣ нибудь поодаль, въ длинную шеренгу, представляя изъ себя какъ бы сплошную линію полотна.

Для горныхъ татарокъ во время различныхъ празднествъ самое любимое удовольствіе составляютъ качели и танцы.

Танцы производятся по большей части подъ національную татарскую музыку, состоящую изъ *сазы* (скрипки), *зурны* (свирѣли) *дире* (бубень) и турецкаго барабана. Сазы или скрипки—трехструнныя; во время игры ихъ упирають не въ подбородокъ, а на колѣно, и играютъ на нихъ смычкомъ собственнаго издѣлія.

Иногда крымскіе татары пляшутъ и подъ пѣніе, въ особенности

подъ любимую свою пѣсню «Варылячъ» Танцамъ ихъ нужно отдать полную справедливость—одно на искуснаго плясуна-джигита стоитъ всего татарскаго музыкальнаго репертуара. Ничего живѣе, выразительнѣе и граціознѣе этого танца не встрѣтитъ ни у одной народности въ предѣлахъ Россіи. Пляска татаръ чисто мимическая и исполняется скорѣе общими положеніями тѣла и движеніями рукъ, чѣмъ ногами.

Дѣти съ восьмилѣтняго возраста, какъ мальчики такъ и дѣвочки, также участвуютъ въ танцахъ; но замужнимъ женщинамъ пляски дозволены только до сорокалѣтняго возраста. Танцы татаръ исполняются, подобно европейскимъ, сообразно съ переходами мелодіи; но у татаръ мужчины никогда не плещутъ вмѣстѣ съ женщинами, и въ этомъ состоитъ огромное различіе ихъ танца отъ европейскаго.

Пѣснями татары крымскіе чрезвычайно бѣдны. Время богатства и блеска восточной поэзіи у крымскихъ мусульманъ уже прошло, и это доказывается бѣдными остатками стихотвореній, которыя до сихъ поръ живутъ въ народѣ, но едва заслуживаютъ названія поэзіи. Въ свободное время татары занимаются больше разсказами о *джинахъ* злыхъ духахъ, каковы на примѣръ: *обуры* (вѣдьмы), *диси* (духи гиганты), *нери* (нѣжныя и прекрасныя женщины), *мюнкиръ-венскиры* (вызыватели мертвыхъ) и проч.

Между крымскими татарами существуетъ также множество разныхъ легендъ и преданій о богатыряхъ разбойникахъ и владахъ. Крымскій полуостровъ весьма богатъ замѣчательными явленіями природы какъ на примѣръ таинственными горными пещерами, оврагами и горами, поражающими чрезвычайно прихотливою формою своихъ частей и игрою природы въ ихъ общемъ расположеніи; не менѣе богатъ Крымъ и памятниками искусства—древними замѣчательными монументами, развалинами храмовъ и башенъ, гробницами усопшихъ татарскихъ шейховъ, составляющихъ теперь, подъ названіемъ *азизовъ* святыню для еваторійскихъ татаръ, съ особеннымъ благоволеніемъ

относящихся къ ихъ могиламъ. Все это нашло себѣ различное толкованіе въ безчисленныхъ легендахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ.

Содержаніе же собственно пѣсень у крымскихъ татаръ весьма бѣдно, да онѣ и малочисленны. Напѣвъ ихъ чрезвычайно монотонный, тягучій, изрѣдка переходящій въ размѣръ болѣе оживленный.

Между пѣснями про славный Бахчисарай, про любовь и разныя житейскія радости, обращаютъ на себя особенное вниманіе грустныя обращенія къ родинѣ, сложенныя въ позднѣйшее время татарами, выселившимися въ крымскую кампанію въ предѣлы Турціи. Пѣсни эти почему-то весьма распространены между теперешними обитателями Крыма—собратами выселившихся; содержаніе этихъ пѣсень исполнено слезъ и жалобъ на горькое житье-бытье на чужбинѣ.

Крымскіе татары, исповѣдуя одинаковую съ волжскими татарами магометанскую вѣру суннитскаго толка, и строго соблюдая чисто обрядовую сторону этой религіи, многихъ положеній корана все-таки не соблюдаютъ или же толкуютъ превратно. Причиной этому служить отчасти малое знакомство ихъ съ кораномъ, что объясняется, въ свою очередь, безграмотностью. Въ этомъ отношеніи крымскіе татары никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ волжскими татарами, у которыхъ безграмотность считается позоромъ для истиннаго мусульманина и между которыми грамотность распространена почти поголовно, даже въ средѣ деревенскихъ жителей и женщинъ. У крымскихъ же татаръ грамотные очень рѣдки.

Правда, публичныхъ школъ въ Крыму не имѣется, но за то, по мусульманскому обычаю, при каждой мечети мулла обязанъ, за извѣстное умѣренное вознагражденіе, обучать всякаго желающаго, хотя бы и взрослога, татарской грамотѣ, корану и арабскому языку, какъ это дѣлается у казанскихъ татаръ. Въ Крыму же этотъ обычай если и практикуются, то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Причиной тому служить отчасти бѣдность крымскаго татарина. Изъ трехъ-че-

тырехъ крымскихъ деревень, развѣ одинъ только татаринъ въ состояніи платить муллѣ за обученіе своихъ сыновей, — и въ этомъ случаѣ отдають на выучку муллѣ обыкновенно 13-ти лѣтнихъ мальчиковъ, а до того времени говорятъ: «дѣтя молодъ и неразумень».

Отъ природы татары очень любопытны; если ихъ поразить что-нибудь новое, небывалое, они до тѣхъ поръ не успокаиваются, пока не узнають того, чего знать хотять. Это могло бы еще служить для нихъ одной изъ побудительныхъ причинъ выйти изъ обычной лѣнливой неподвижности и равнодушія; но за отсутствіемъ всякихъ другихъ благопріятныхъ условий, и эта способность гложетъ въ татарахъ.

Даже муллы, для которыхъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ выгодно развитіе среди татаръ охоты къ ученію, и они немного дѣлають въ этомъ отношеніи. Мусульманское духовенство въ Крыму, вообще, имѣетъ слабое вліяніе на своихъ прихожанъ. Муллы выбираются изъ среды самой паствы, и выбираются далеко не вслѣдствіе ихъ особенной набожности или благочестія, а также и не за хорошія позванія, въ которыхъ большинство муллъ смыслить небольшие самото послѣдняго пастуха-татарина. Можетъ быть поэтому татары въ южномъ Крыму довольно равнодушны къ религіи и не отличаются ни фанатизмомъ, ни нетерпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ южный Крымъ время отъ времени пробираются изъ Турціи разные подозрительные миссіонеры съ цѣлію поддерживать въ татарахъ исламъ, возбуждать въ нихъ фанатизмъ и, между прочимъ, собирать съ нихъ деньги на какое-то, якобы религіозное дѣло... При этомъ нерѣдко случается, что татары, вмѣсто почетнаго приѣма и приношеній, которыя, пожалуй, навлекли бы на нихъ бѣду, преспокойно перевязываютъ пришельцевъ и, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отправляютъ ихъ въ стань...

Не смотря на скромную роль духовенства въ средѣ крымскихъ мусульманъ и на его, въ сущности, ничтожную дѣятельность на пользу

интересовъ мѣстнаго населенія, крымскіе муллы все-таки не церемонятся съ правовѣрными и дѣлають съ своихъ прихожанъ весьма значительные поборы. Можетъ быть никакое духовенство въ мірѣ не получаетъ такого большаго содержанія, какъ крымскіе муллы.

Духовенство при каждой мечети въ Крыму составляютъ, обыкновенно, слѣдующія лица: *хатимъ* (кіятибъ), *имамъ* и *мазинъ* (муэзинъ). Имамы или муллы отличаются отъ остальныхъ правовѣрныхъ покроемъ своей одежды. Муллы опоясываютъ пальвары поясомъ зеленого цвѣта; по верхъ всего носятъ синіе, или голубые плащи съ стоячимъ воротникомъ. Голову покрываютъ бѣлою чалмою, а *хаджи-муллы*, т. е. муллы побывавшіе въ Меккѣ и удостоившіяся поклониться священной каабѣ, носятъ чалму зеленого цвѣта. Нужно кстати замѣтить, что заповѣдь о посѣщеніи Мекки и Медины, обязательная для всякаго мусульманина, исполняется въ Крыму почти однимъ только духовенствомъ, такъ какъ дороговизна путешествія въ Аравію, по карману развѣ только мулламъ, а отнюдь не такимъ бѣднымъ мусульманамъ какъ крымскіе татары-хлѣбопашцы, которымъ и мечтать о Меккѣ не приходится.

Источникомъ содержанія крымскаго духовенства служатъ слѣдующія доходныя статьи: во 1-хъ, *вакуфъы*, или вакуфныя земли т. е. принадлежащія духовенству. Вакуфовъ считается въ Крыму до 30 тысячъ десятинъ, предоставленныхъ въ полное владѣніе духовенства.

Во 2-хъ, *ишуръ*, т. е. десятая часть всякаго дохода, которая должна быть отдаваема, по корану, въ пользу бѣдныхъ и духовенства; подать эта, главнымъ образомъ, поступаетъ, конечно въ пользу духовенства, такъ какъ проходитъ прежде всего черезъ его руки и вносится плательщиками — зажиточными татарами — весьма исправно, хотя и не безъ остроумныхъ оговорокъ.

Въ 3-хъ, *зіакетъ*, или подать, отдаваема по предписанію корана, въ пользу бѣдныхъ и духовенства въ видѣ извѣстнаго про-

цента съ движимаго имущества: со всего денежнаго наличнаго капитала, цѣнныхъ вещей, рогатаго скота, верблюдовъ и лошадей. Червонцы, украшающіе фески и грудь татарскихъ дѣвушекъ, также не изъяты отъ этой подати.

Въ 4-хъ *фитырѣ* — подать, взимаемая, по предписанію корана, опять въ пользу бѣдныхъ и духовенства съ каждой мусульманской души обязательно, по большій части натурою: съ наиболѣе богатыхъ — финиками, съ остальныхъ — изюмомъ, пшеницей и даже ячменемъ. Опрѣдѣленные размѣры-фитыра — 48 фунтовъ.

Въ 5-хъ, доходы отъ курбанъ-байрама, — праздника, справляемаго въ 70-й день послѣ перваго байрама. Доходы эти состоятъ изъ остатковъ жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ утромъ въ первый день курбанъ-байрама. Всякій хозяинъ долженъ принести въ этотъ день за каждую живую душу своего семейства барана или овцу; даже для бѣдныхъ обязательно въ настоящемъ случаѣ принесеніе жертвы, съ тою лишь льготою, что семеро бѣдныхъ могутъ, сложившись вмѣстѣ, принести одно крупное животное — корову или лошадь. Едва-ли не большая часть мяса и кожъ всѣхъ жертвенныхъ животныхъ идетъ въ пользу духовенства, меньшая-же бѣднымъ, хотя по закону вся предназначается для бѣдныхъ. — Въ настоящее время кожи иногда сами хозяева продаютъ, но часть вырученныхъ денегъ отдается все-таки духовенству; такъ что, по вычисленію нѣкоторыхъ изслѣдователей быта крымскихъ муллъ, курбанъ-байрамъ даетъ духовенству по крайней мѣрѣ 20,000 руб. въ годъ, если принять во вниманіе количество мусульманскаго населенія въ Крыму и положить на долю духовенства только половину всѣхъ кожъ животныхъ, приносимыхъ въ день курбанъ-байрама.

Присоединивши къ означеннымъ статьямъ дохода духовенства плату за разныя требы, какъ-то: обрѣзаніе, заключеніе браковъ, похороны, отчитываніе больныхъ, что въ большомъ ходу у крымскихъ татаръ, и проч., получимъ въ результатъ, во всякомъ случаѣ, до-

вольно почтенную цифру доходовъ крымскихъ муллъ. Объяснить такое обиліе источниковъ содержанія крымскаго духовенства не трудно: въ прежнее время, большая часть вышеозначенныхъ податей и налоговъ, не смотря на предписанія корана, шла въ пользу крымскихъ хановъ, а съ уничтоженіемъ ихъ, подати эти естественно перешли почти цѣликомъ въ руки ловкихъ муллъ и муфтіевъ.

Религіозные обряды и празднества у крымскихъ татаръ совершенно одинаковы съ тѣми, что у волжскихъ татаръ; поэтому распространяться о нихъ въ настоящемъ очеркѣ было бы излишне. Семейные же обряды и обычаи крымскихъ татаръ довольно своеобразны и носятъ на себѣ чисто мѣстной отпечатокъ.

Послѣдствія всякаго варварскаго быта обрушиваются прежде всего едва ли не на женщинъ, въ особенности въ мусульманскомъ мірѣ. Женщина всегда и вездѣ первая несетъ на себѣ всѣ невыгоды умственной неразвитости и дикости народа; такъ и въ средѣ крымскихъ татаръ, до сихъ поръ остающихся, вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ условій, на степени развитія какого нибудь полукочеваго народа. Въ особенности варварскіе обычаи сопровождаютъ роды татарки, на которые приглашается, какъ и вездѣ, повивальная бабка. Роженицу держатъ, обыкновенно, подъ лоханкой, и притомъ постоянно въ сидячемъ положеніи. Сверхъ того, повивальная бабка считаетъ непремѣннымъ долгомъ постоянно встряхивать ее — съ благой цѣлью, разумѣется облегчить и ускорить разрѣшеніе. Усердіе этой бабки простирается часто до того, что она привязываетъ подъ мышки несчастную страдалицу къ потолку и дергаетъ ее снизу вверхъ, что есть мочи... Неудивительно, что многія не выдерживаютъ этой звѣрскаго операци и на ней же выпускаютъ духъ.

Зато любовь татарки къ своимъ дѣтямъ не знаетъ границъ; любовь эта, впрочемъ, чаще всего выражается въ разныхъ примѣтахъ. Суевѣрныя до крайности, вѣрующія, что и вѣдьмы враждуютъ про-

тивъ дѣтей, и злой духъ немилостивъ къ нимъ, и человекъ можетъ взглянуть ихъ на смерть, — татарки со дня рожденія обвѣшиваютъ своихъ дѣтей разнаго рода молитвами, зашитыми въ вошанкахъ, амулетами и другаго рода предметами, въ родѣ синихъ бусъ, змѣиныхъ головокъ, клещей отъ морскаго рака, мѣдныхъ монетъ и т. п. въ полномъ убѣжденіи отклонить этими средствами вліяніе враждебныхъ силъ.

Замѣчательно, что между татарскими мальчиками въ Крыму многіе остаются необрѣзанными, единственно по той причинѣ, что отцы ихъ, по бѣдности, не въ состояніи сдѣлать приличный *синетъ-той* (свадьбу обрѣзанья), а исполнить важнѣйшій догматъ религіи безъ приличнаго угощенія почти ничего не значить. Поэтому, нѣкоторые татары запаздываютъ съ обрѣзаньемъ лѣтъ до 30, и такихъ наберется, можетъ быть, не одна тысяча. Исходъ изъ такого непріятнаго положенія получается отчасти въ слѣдующемъ обычаѣ: на обрядъ обрѣзанья дѣтей богатыхъ мусульманъ собирается, обыкновенно большое число мальчиковъ, неимѣющихъ отцовъ, а также и взрослыхъ бѣдныхъ, гдѣ всѣ они и получаютъ обрѣзаніе, такъ сказать въ счетъ угощенія отъ конакъ-бая (хозяина дома). На пирахъ этихъ присутствуютъ, обыкновенно, родственники и знакомые хозяина, мулла, читающій во время обряда молитвы, и цюрульникъ, совершающій самое обрѣзаніе. Но, не смотря на щедрое содѣйствіе богатыхъ людей, многіе татары въ Крыму такъ и умираютъ необрѣзанными, избѣгая въ зрѣломъ возрастѣ подвергать себя этой мучительной операциіи. Въ этомъ случаѣ, мулла при погребеніи тѣла мусульманина, умершаго безъ выполненія столь важнаго обряда, обязанъ положить покойнику на рукахъ и на ногахъ мизинцы для того, чтобы на томъ свѣтѣ онъ былъ узнавъ и принятъ какъ мусульманинъ.

Особенный отпечатокъ на семейную жизнь мусульманъ кладетъ постановленіе корана о бракѣ. По корану, всякій мусульманинъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, хотя зажиточные татары и

муллы почему-то предпочитаютъ этому числу цифру семь. Большинство же крымскихъ татаръ, какъ это бываетъ и у всѣхъ другихъ мусульманъ, женится по недостатку средствъ только на двухъ, а многіе и на одной. Для такихъ бѣдняковъ какъ крымскіе татары, въ отношеніи къ многоженству особенно стѣснительнъ всеобщій мусульманскій обычай, по которому каждая жена должна имѣть особую комнату и особой столъ, приготовляемый ею самою, что доступно, разумѣется, только для болѣе или менѣе зажиточныхъ людей.

Татары рѣдко женятся ранѣе 30 лѣтняго возраста; дѣвушки же татарскія выходятъ замужъ гораздо раньше, иногда 15 и даже 13 лѣтъ. Отецъ выдаетъ свою дочь замужъ, не спрашивая на то ея согласія, и нерѣдко за человекъ, котораго та и въ глаза не видала до свадьбы. Женихъ, какъ и у волжскихъ татаръ, вноситъ за невѣсту ея родителямъ калымъ или выкупъ. Размѣры калыма колеблются между 25 и 1,000 руб., иногда выкупъ уплачивается скотомъ или вещами. Калымъ играетъ въ Крыму особенную роль, благодаря тому обстоятельству, что здѣшніе татары, отчасти по бѣдности, отчасти по врожденному отвращенію къ труду, не особенно гнушаются экстраординарными средствами къ пропитанію. Наиболѣе недостаточные родители охотно выдаютъ своихъ дочерей за богатыхъ, но завѣдомо порочныхъ и ненадежныхъ въ отношеніи къ жизни людей, когда судьба просватанной дѣвушки, при извѣстной легкости развода у мусульманъ, уже рѣшена, лишь бы только на этотъ разъ получить за нее побольше выкупу. Этой спекуляціей чадлюбивые родители поправляютъ свое состояніе...

Со своей стороны невѣста приноситъ въ даръ жениху около 20 вышитыхъ платковъ. Вышитые платки — это важная часть приданнаго; женихъ очень часто условливается заранѣе, сколько платковъ невѣста приготовить къ свадьбѣ. Во все время идутъ переговоры о калымѣ, что иногда длится цѣлый годъ, невѣста только и дѣлаетъ, что вышиваетъ съ своими подругами платки и полотенца.

Случается иногда, что назначенный родителями невесты выкупъ бываетъ такъ великъ, что жениху нѣтъ возможности выплатить его. Тогда онъ чрезъ знакомую или родственницу заранѣе условливается съ невестой, подѣлываетъ къ назначенному мѣсту, сажаетъ съ собою на лошадь и вмѣстѣ съ нею скачетъ прочь. При этомъ считается необходимымъ, чтобы она закричала раза три и звала на помощь.

На слѣдующій же день женихъ является къ отцу, снова возобновляетъ съ нимъ переговоры о выкупѣ, которые, обыкновенно, очень скоро оканчиваются къ полному удовольствію жениха, вслѣдъ за тѣмъ является мулла для прочтенія молитвъ, и бракъ считается законнымъ.

Обрядъ заключенія брака у крымскихъ татаръ тотъ же, что и у волжскихъ, при чемъ характеристическимъ явленіемъ служитъ то обстоятельство, что не только вся процедура сватовства, но и самый обрядъ бракосочетанія происходитъ въ отсутствіи невесты.

Передъ началомъ свадебнаго торжества, въ домѣ, гдѣ долженъ происходить пиръ, моютъ, чистятъ, бѣлятъ и устанавливаютъ вещи въ порядокъ. Стѣны сакли украшаются вышитыми платками, войлоки разстилаются вездѣ новые, на подушки надѣваются новыя наволочки; все получаетъ праздничный видъ. Торжество начинается, обыкновенно съ вечера какого-нибудь дня, и длится сутокъ трое, непрерывно, а иногда дольше недѣли, съ перерывомъ на одинъ только субботній день. Гости раздѣляются на три группы — пожилыхъ мужчинъ, юношей и женщинъ, пирующихъ каждая въ отдѣльномъ домѣ, а иногда въ нѣсколькихъ домахъ. Женихъ прощается съ холостой жизнью въ кругу своихъ товарищей, а невеста въ кругу подругъ. Каждой группой избирается свой распорядитель, распорядителься музыкой и угощеніемъ. На немъ же лежитъ еще одна очень важная обязанность: онъ собираетъ съ гостей приношенія въ пользу новобрачныхъ. Размѣръ этихъ приношеній назначается имъ же самимъ, и горе тому гостю, который отказался-бы почему либо въ точности

исполнить это требованіе! Съ такимъ вольнодумцемъ распорядятся какъ на большой дорогѣ: если нѣтъ при немъ денегъ, снимутъ съ него всю одежду и, въ заключеніе, выгонятъ съ позоромъ изъ собранія. Цифра этой своеобразной пошлины бываетъ иногда довольно солидная — рублей 50 и болѣе съ каждаго гостя! Впрочемъ, размѣръ ея всегда соглашается съ состояніемъ новобрачныхъ и нисходитъ для бѣдныхъ до одного рубля и даже до полтинника. Подобныя поборы за угощеніе въ пользу хозяевъ происходятъ не на однихъ только свадебныхъ пирахъ, но и на другихъ семейныхъ торжествахъ, какъ на примѣръ — по случаю обрѣзанія и т. под.

Когда гости собрались, ихъ подчуютъ кофемъ; музыканты начинаютъ свои убійственныя экзерциціи. Пожилые мужчины курятъ и бесѣдуютъ, развалившись на подушкахъ, а молодежь — пляшетъ, исключая молодыхъ, которые обязаны въ теченіи всѣхъ долгихъ дней свадьбы сидѣть неподвижно въ углу — женихъ, храня глубчайшее молчаніе, невеста безпрерывно — воя... Въ такомъ порядкѣ время проходитъ до ужина, подаваемого не ранѣе ночи. Гости, невидѣвшіе во весь вечеръ ничего, кромѣ кофе, навидываются на ужинъ какъ голодные волки. Послѣ ужина является, наконецъ, буза и водка, и тогда-то пачинается ужъ настоящій пиръ; вино (хлѣбное, а не виноградное) льется рѣкою, дымъ отъ трубокъ стоитъ въ саклѣ столбомъ. Пиръ копчается, обыкновенно, тѣмъ, что всѣ гости, мертвецки напившись, валяются съ ногъ и часто тутъ же засыпаютъ.

На слѣдующій день снова повторяется то же, опять объяденіе, куреніе табаку и пьянство, и такъ до послѣдняго дня свадьбы, когда въ домъ жениха привозятъ наконецъ невесту.

Гости жениха выѣзжаютъ ей на встрѣчу верхами и лишь только завидятъ маджару съ невестой, тотчасъ же вся кавалькада несется впередъ. Тутъ пачинается настоящая джигитовка. Нѣкоторые изъ всадниковъ, желая показать свое искусство въ верховой ѣздѣ, бросаютъ поводья, ударяютъ ногой по лошади и, принавъ къ лукѣ,

съ гизаньемъ мчатся по дорогѣ. Никто не хочетъ отставать, и потому скачка бываетъ самая отчаянная.

Между тѣмъ на встрѣчу имъ подвигается маджара съ невѣстой; передъ нею ѣдутъ верхами два молодые джигита рядомъ, держа въ рукахъ длинные шесты, между которыми растянута шаль или огромный платокъ, прикрѣпленный двумя противоположными краями къ верхнимъ концамъ двухъ шестовъ. Поѣздъ невѣсты состоитъ часто изъ нѣсколькихъ маджаръ; въ переднихъ сидятъ старухи — родственницы невѣсты, а сама невѣста — въ послѣдней.

Всадники во всю скачъ подлетаютъ къ маджарамъ, отсюда старухи востлывыми руками помахиваютъ пестрыми, бумажными платками. Лучшіе и искуснѣйшіе изъ наѣздниковъ, первые прискакавшіе къ мѣсту, получаютъ изъ рувъ старухъ по платку. Счастливицы тотчасъ-же привязываютъ подарки къ лошадинымъ уздамъ, и снова начинается скачка, еще отчаяннѣе первой. За счастливицами гонятся остальные поѣзжане, стараясь отнять у нихъ платки; при этомъ не жалѣютъ ни лошадей, ни собственной головы. Нѣкоторые увертываются съ такой отвагой и такимъ искусствомъ, что успѣваютъ отбиваться отъ погони, и, доскакавъ до выѣзда въ деревню, мгновенно спрыгиваютъ съ коней и съ торжествомъ показываютъ платокъ. Тутъ дарятъ имъ еще платокъ, часто вышитый самою невѣстою. Но эта награда рѣдко кому достается, такъ какъ татары всѣ отличные наѣздники и уберечься отъ погони трудно.

При выѣздѣ въ деревню, къ поѣзду присоединяются музыканты, до тѣхъ поръ игравшіе въ домѣ жениха. Поѣздъ двигается по деревнѣ шагомъ, впереди идутъ музыканты, съ барабаномъ, скрипкой и зурнами (свирѣлями). Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и звуковъ музыки, поѣзжане и сами музыканты приходятъ по временамъ въ экстазъ и оглашаютъ воздухъ дикимъ взвизгиваніемъ...

У первыхъ же домовъ деревни жители устраиваютъ для поѣзда баррикаду: владутъ бревно, поливаютъ маджару, и изъ за нея

встрѣчаютъ поѣзжанъ ружейными и пистолетными выстрѣлами. Тогда начинаются переговоры съ засадою. Выходятъ оттуда парламентары и объявляютъ, что пропуску нѣтъ, развѣ заплатятъ 500 рублей. Обѣ стороны нѣсколько времени торгуются, прибавляютъ уступаютъ, и, наконецъ, дѣло кончается тѣмъ, что пропускаютъ за 5 рублей. По дорогѣ еще встрѣчаются остановки, но здѣсь отдѣляются гораздо дешевле нѣсколькими копѣйками.

Маджара съ невѣстой подѣзжаетъ, наконецъ, къ самому дому жениха и останавливается какъ можно ближе къ низенькой двери савли. Предъ этимъ изъ дому всѣ мужчины уходятъ и становятся поодаль отъ маджары; нѣкоторые даже обертываются къ ней спиной, чтобы не видѣть невѣсты. Молодые джигиты, ѣхавшіе впереди маджары съ платкомъ на шестахъ, передаютъ его женщинамъ и тоже отходятъ въ сторону. За то старухи начинаютъ ужасно суетиться; онѣ переговариваются, условливаются, мечутся въ маджарѣ, и разстилаютъ въ ней платокъ, полученный отъ джигитовъ; послѣ этого невѣста, закутанная съ головы до ногъ въ *мараму* или бѣлое покрывало, медленно поднимается въ маджарѣ и ложится на разостланную для нея носилки. Старухи сейчасъ же берутъ платокъ за всѣ края и поднимаютъ его вмѣстѣ съ невѣстою. Сходя съ телѣги хилы и неловкія старушенки нерѣдко падаютъ вмѣстѣ съ своей драгоценной ношю, при чемъ невѣста получаетъ иногда значительные ушибы, стучаясь головой объ колесо или о землю; но ничто не можетъ заставить старухъ отказаться отъ ихъ права внести невѣсту въ домъ жениха.

Когда невѣста внесена, такимъ образомъ, на женскую половину савли, всѣ мужчины опять входятъ въ домъ, и снова начинается музыка, угощеніе и ширь до полуночи.

Положеніе женщины въ татарской семьѣ — самое безотрадное. Мы уже видѣли, что татары взваливаютъ на своихъ женъ самыя тяжелыя домашнія работы. Помимо этого, они держатъ ихъ въ со-

вершенномъ отчужденіи отъ всего свѣта. Войти въ саклю татарина можно только въ присутствіи хозяина; если же его нѣтъ дома, то надобно посидѣть или у воротъ, или у входа въ домъ, дожидаясь его возвращенія. При появленіи же чужаго мужчины въ самой саклѣ, хотя-бы и въ присутствіи хозяина, женщины тотчасъ же уходятъ на свою половину, или за неизбѣнимъ ея въ кухню. Для прислуживанья гостю остается одна только старуха. Нужно ужъ быть близко знакомымъ съ татаринкомъ, чтобы жена и дочери его не убѣгали отъ гостя и даже прислуживали ему; но никогда все-таки онѣ не вступаютъ съ нимъ въ разговоры. Таково отношеніе татарскихъ женщинъ къ постороннимъ мужчинамъ, все равно—къ гурамъ, или правовѣрнымъ. Только въ байрамъ Новаго года (когтерласъ байрамъ), женщины въ Крыму, какъ и у волжскихъ татаръ, веселятся вмѣстѣ съ мужчинами на загородныхъ гуляньяхъ. Во все-же остальное время онѣ скрыты отъ постороннихъ глазъ, четырьмя стѣнами, или же непроницаемой для чуждаго взора «марамой».

Будучи заключены, обычаемъ и закономъ, въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ домашней жизни, татарки всѣ страдаютъ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ и изыскиваютъ всевозможныя средства, чтобы проникнуть во внѣшнюю общественную жизнь, которая имѣетъ для нихъ какую-то особенную прелесть и служить предметомъ постоянного удивленія. Онѣ по цѣлымъ днямъ поглядываютъ въ окно на кривую и узкую улицу, чтобы удовлетворить своему жадному любопытству и этимъ хотя нѣсколько разогнать несносную скуку вѣчной домашней жизни. Всякій посторонній человѣкъ, проходя мимо татарской сакли, если въ ней есть окна со стеклами, всегда замѣтитъ нѣсколько паръ черныхъ женскихъ глазъ направленныхъ на него съ крайнимъ любопытствомъ, но съ приближеніемъ путника глаза эти быстро исчезаютъ за матовымъ отблескомъ стекла. Точно также, подходя къ полуотворенной двери татарскаго дома, посторонній мужчина еще издали увидитъ нѣсколько жен-

скихъ головъ въ бѣлыхъ повязкахъ, въ родѣ чалмы, и въ красныхъ, расшитыхъ золотыми монетами фескахъ, изъ подъ которыхъ роскошно вьются безчисленныя косички курчавыхъ волосъ; но не успѣетъ онъ сдѣлать пяти шаговъ, какъ смутное видѣніе пропадаетъ во внутренности дома... Изрѣдка случается бывать нѣкоторымъ татаркамъ въ гостяхъ у христіанскихъ женщинъ, и тогда удивленію мусульманокъ нѣтъ конца; все въ комнатахъ привлекаетъ ихъ вниманіе; когда же дѣло доходитъ до нарядовъ, то изумленіе ихъ достигаетъ такой степени, что онѣ стоятъ неподвижно, съ полуоткрытыми ртами, и только время отъ времени тихо произносятъ: «Алла, Алла» (Боже, Боже!..).

Обращаніе татаръ съ женами—крайне грубое, исключющее всякую внимательность или чувство великодушія къ слабѣйшему полу. Жена находится въ совершенномъ подчиненіи мужу и онъ считается полнымъ властелиномъ ея. Каждый день, послѣ утренней молитвы, каякъ-бей (хозяинъ дома) закуриваетъ трубку и, поджавъ ноги, садится противъ печи. Проходитъ четверть часа — онъ ничего не говоритъ, только моргаетъ своими узенькими глазами и куритъ. Когда выкуритъ трубку, онъ начинаетъ поминутно обращаться къ женѣ съ приказаніями подать хлѣба, воды, чесноку, или ватку, что она тотчасъ и исполняетъ. Потомъ онъ опять куритъ, и молча, съ серьезнымъ лицомъ, сидитъ прислонясь къ печкѣ. Пройдетъ еще полчаса — онъ спрашиваетъ у жены, что дѣлаетъ корова или лошадь, и жена въ бурную погоду должна выйти изъ дому, чтобы принести отвѣтъ своему повелителю, который продолжаетъ грѣть ноги и курить. Большая часть зимы проходитъ для мужчинъ въ подобномъ бездѣйствіи; ни до какихъ домашнихъ работъ они зимою и недотрогиваются, во всемъ полагаясь на своихъ женъ. Только когда истощится у татарина весь скудный запасъ его продовольствія, онъ поднимется самъ и сходить не дальше какъ къ одному изъ своихъ сосѣдей, большею частью къ русскому государственному

крестьянину, чтобы занять у него четверть ржи, которую долженъ возратить впоследствии съ процентами, или даже работою въ лѣтнее время.

Мужей своихъ татарки называютъ не иначе, какъ *мѣсяцмъ*. Называть поименно — не запрещено, но считается не уважительнымъ. *Ай газымъ* — «мѣсяць глазъ моихъ», говоритъ татарка своему деспоту-мужу...

Положеніе мусульманской женщины становится особенно невыносимымъ вслѣдствіе широкихъ постановленій корана о свободѣ развода между супругами, постановленій, повидимому уравнивающихъ положеніе обѣихъ сторонъ, но на дѣлѣ безобидныхъ только для мужчинъ. Постановленія эти совершенно одинаковы, какъ у крымскихъ, такъ и у волжскихъ татаръ.

При такихъ условіяхъ брачной жизни, нельзя ожидать отъ супруговъ семейныхъ добродѣтелей, и мусульмане ими не особенно отличаются. По отзыву самихъ татаръ, вѣрность ихъ женъ «катыга» не стоитъ; вѣрность мужей стоитъ, конечно, не дороже... При этомъ, общество и духовенство смотритъ на вѣроломство супруговъ сквозь пальцы, такъ какъ святость брака у мусульманъ почти лишена всѣхъ нашихъ общественныхъ, религіозныхъ и юридическихъ гарантій.

По смерти мужа, положеніе женщины становится едва-ли не болѣе безотраднымъ, чѣмъ при его жизни. Жена наследуетъ всего $\frac{1}{20}$ часть изъ его скуднаго имущества, но и при полученіи этой ничтожной доли вынуждена играть самую жалкую и подчиненную роль. Родственники мужа и кади (судья) являются, обыкновенно, въ домѣ покойнаго, ѣдятъ, пьютъ и дѣлятъ его имущество безъ всякаго участія со стороны жены, которая даже не имѣетъ права жаловаться на замѣчательную несправедливость и обязана хладнокровно смотрѣть, какъ растаскиваютъ добро, частію ея нажитое, платя ея сотканныя и шитыя, и при этомъ должна еще употребить всѣ усилія, чтобы

какъ можно болѣе приличнымъ образомъ угостить своихъ грабителей... Нужно еще прибавить, что дѣлежъ имущества, происходитъ обыкновенно въ самый день похоронъ и часто сопровождается ссорами и драками, особенно если дѣло происходитъ въ отсутствіи кади и на все это только-что осиротѣвшая женщина, грустная, убитая горемъ, также должна смотрѣть спокойно.

Обряды и обычаи, соблюдаемые крымскими татарами при погребеніи умершихъ, также отличаются нѣкоторыми особенностями. Въ болѣзняхъ татары рѣдко лечатся даже домашними средствами. Только въ самыхъ упорныхъ недугахъ татары рѣшаются прибѣгать къ отчитыванію муллъ, прикладыванію къ больнымъ частямъ тѣла различныхъ «дуа» — молитвъ или изреченій изъ корана и къ содѣйствію «джинджи» — знахарей, практикующихъ съ помощью самаго зуряднаго шарлатанства и поступающихъ, иной разъ, въ особенности съ беременными женщинами, чрезвычайно безчеловѣчно. Немудрено поэтому, что среди крымскихъ татаръ встрѣчаются нерѣдко жалкіе калѣки, прозябающіе главнымъ образомъ въ Бахчисараѣ, въ качествѣ нищихъ.

Самые обычаи при погребеніи умершихъ тѣсно связаны съ представленіями татаръ о загробной жизни вообще. По ихъ понятіямъ, душа праведника оставляетъ человѣческое тѣло тихо и безъ боли; душа же грѣшника покидаетъ тѣло только послѣ долгой и упорной борьбы, сопровождаемой жестокими страданіями. Душу изъ тѣла отзываетъ *ангелъ смерти*, который тотчасъ же передаетъ ее съ рукъ на руки другому ангелу, для препровожденія ея къ двумъ другимъ гевіямъ испытателямъ, специально занимающимся приготовленіемъ душъ къ лучшей жизни и къ вѣчнымъ наслажденіямъ райа. Во все продолженіе этого приготовленія и испытанія, т. е. во время самаго погребенія и довольно долгое время спустя послѣ погребенія, душа остается еще въ тѣлѣ, хотя уже и безжизненною. Испытаніе заканчивается самой трудной экзерциціей: душу прово-

дятъ по *Сарытъ* — т. е. по мосту, проведенному надъ адомъ; мость этотъ тоньше самой тонкой волосинки и острѣ лезвія самой острой сабли. Понятно, что праведникъ пройдетъ по сарытъ легко и свободно, а грѣшника ждетъ неминуемая гибель. Когда испытаніе кончится, такимъ образомъ, въ пользу испытываемаго, душа его тотчасъ же улетааетъ на небо, гдѣ она остается до страшнаго суда, а тѣло, между тѣмъ, вкушаетъ уже, не выходя изъ могилы, всѣ удовольствія и наслажденія рая Магомета. Но если умершій оказался недостойнымъ небесной награды, то его тѣло подвергается въ могилѣ страшнымъ мукамъ и ядовитымъ уязвленіямъ 99 семиглавыхъ драконовъ, а душа возвращается на землю, гдѣ скитается, не находя нигдѣ успокоенія, и потомъ низвергается въ седьмой ярусъ преисподней. Адъ, по понятіямъ татаръ, состоитъ изъ 7 ярусовъ, населенныхъ чудовищными людьми, какихъ только могла изобрѣсть восточная фантазія.

Суевѣрные и брезгливые, татары не любятъ долго возиться съ покойниками. Не усѣветъ кто либо изъ нихъ скончаться, какъ его уже тащатъ на кладбище. При такомъ варварскомъ обычаѣ, весьма возможны случаи погребенія живыхъ людей, и, вѣроятно, случаи эти нерѣдки, такъ какъ были уже не разъ обнаружены примѣры подобныхъ похоронъ.

Въ назначенный для похоронъ день, собираются въ домъ покойнаго всѣ родственники и знакомые его. Умершаго сажаютъ на подушку, прислонивъ спиною къ стѣнѣ; на ноги ему надѣваютъ чулки, туфли; тѣло обертываютъ бѣлымъ саваномъ, а на голову надѣваютъ ермолку съ длинной бѣлой кистью. Въ сторонѣ ставятъ хлѣбъ, кружку съ водой, кувшетъ съ табакомъ и трубку. Женщины вокругъ завываютъ, ломаютъ руки, бьютъ себя въ грудь, причитаютъ, царапаютъ лицо и т. п. Когда всѣ гости собрались, мертваго бережно поднимаютъ и бережно, не разстроивая костюма, несутъ на рукахъ, или сажаютъ на маджару, запряженную волами, и везутъ шагомъ; нѣкоторые ѣдутъ

верхомъ. Родственники несутъ вещи, стоявшія въ саклѣ подлѣ тѣла покойнаго; женщины идутъ за маджарой, съ плачемъ и горькими рыданіями, между которыми постоянно слышны слова «Аллахъ, Аллахъ». Мулла тихо идетъ впереди. Только молодые люди иногда горячатъ лошадей и скачутъ изъ стороны въ сторону, но, укротивъ коней, опять присоединяются къ шествію.

Пріѣхавъ на кладбище, останавливаются не въ далекомъ разстояніи отъ приготовленной могилы. Покойника очень осторожно спускаютъ въ могилу, сажаютъ его тамъ лицомъ къ востоку, прислонивши спиною къ одной изъ стѣнъ, обложенной досками, а ноги протягиваютъ въ углубленіе, вырытое въ противоположной стѣнѣ; затѣмъ поправляютъ складки савана; подлѣ кладутъ хлѣбъ, ставятъ кружку съ водой, трубку съ табакомъ и огниво, и при этомъ постоянно приговариваютъ: «ловко ли тебѣ? хорошо ли сидѣть?»

Такое положеніе даютъ тѣлу для того, чтобы умершій могъ сохранить почтительную и приличную позу, когда будетъ отвѣчать ангеламъ - испытателямъ на внушительные вопросы касательно его вѣры и поведенія на землѣ. Продовольствіе же ставится въ могилу въ виду того, что участь покойника пока еще не рѣшена, и что, до окончанія испытанія, ему во всякомъ случаѣ придется самому о себѣ позаботиться.

Когда покойникъ усаженъ въ могилу и поставлено все нужное подлѣ него, тогда берутъ заранѣе приготовленныя доски и кладутъ ихъ надъ покойникомъ въ наклонномъ положеніи, образуя надъ нимъ нѣчто въ родѣ навѣса. Одинъ конецъ досокъ упирается въ землю подлѣ ногъ, а другой — надъ головой въ стѣну могилы, такъ что покойникъ сидитъ какъ въ шалашѣ. Когда все готово, родственники принимаются зарывать его, при этомъ всѣ плачутъ и громко причитаютъ, даже мужчины голосатъ какъ бабы. Только мулла во все время остается спокоенъ и, неподвижно стоя въ головахъ могилы, продолжаетъ читать молитвы....

Насыпавъ надъ покойникомъ холмикъ и поставивъ на него каменную плиту торчкомъ, всѣ присутствующіе отходятъ на нѣкоторое разстояніе отъ могилы, кромѣ муллы, который остается на прежнемъ мѣстѣ. Припавъ лицомъ въ землѣ, мулла начинаетъ читать молитвы вслухъ и потомъ громко спрашиваетъ: «что ты подѣлываешь?» Мгновеніе спустя, отвѣчаетъ самъ - же, только измѣненнымъ голосомъ: «сизу и дожидаюсь ангела - испытателя». — «Доволенъ - ли ты своими похоронами?» — «Доволенъ. Но молитесь побольше за меня, я много грѣшилъ». — «Видѣлъ-ли ты такихъ-то и такихъ-то — что они подѣлываютъ?» — «Имъ далеко еще до блаженства, нужно больше молиться и за нихъ». Отвѣты эти выслушиваются съ глубочайшимъ вниманіемъ и принимаются за отвѣты покойника, при чемъ каждый смекаетъ уже, какою владѣе надобно ему дать въ мечеть и сколько придется заплатить муллѣ, чтобы онъ побольше помолился за умершаго родственника или знакомаго.

По возвращеніи домой, гости садятся за приготовленный заранее обѣдъ, состоящій изъ хлѣба, сыра, одного или двухъ цѣликомъ жаренныхъ барановъ и изъ неизбѣжныхъ пилава и катыка; очень часто на поминкахъ фигурируетъ и водка. Такіе-же пиры устраиваютъ въ 3 день, въ 9 день, черезъ 3 мѣсяца и черезъ 3 года.

Кладбище у крымскихъ татаръ имѣетъ тотъ-же видъ, и у волжскихъ: такое-же голое, унылое мѣсто, безъ тѣни и зелени, съ неправильными грудями камней, торчкомъ покрывающихъ неровную мѣстность. Форма памятниковъ въ Крыму болѣе груба и однообразна чѣмъ въ Казани, но надписи на нихъ составлены въ томъ-же духѣ. Могила муллы здѣсь отличается тѣмъ, что въ головахъ ея ставится плита или труба, верхъ которой обдѣланъ въ видѣ головы въ чалмѣ, а въ ногахъ утверждается шесть съ пестрыми лоскутками и съ придѣланной къ нему чашечкой, для приношеній на мечеть отъ людей набожныхъ.

Мусульманство до того вошло въ плоть и кровь татаръ, что от-

части успѣло уже стереть въ этомъ племени многія чисто національныя черты, и теперь трудно было-бы искать среди нихъ какихъ-нибудь оригинальныхъ самобытныхъ обычаевъ или обрядовъ; все имѣетъ своимъ источникомъ религію и ею же поддерживается. Точно также мало найдется у татаръ и празднествъ, происхожденіе которыхъ можно было-бы приписать чисто народнымъ обычаямъ, неимѣющимъ никакой связи съ религіозными вѣрованіями и обрядами мусульманъ. Всѣ празднества у крымскихъ татаръ чисто религіозныя, какъ и у волжскихъ ихъ единоплеменниковъ. Нѣкоторую оригинальностью отличаются только малые праздники, менѣе популярныя среди мусульманъ, чѣмъ ихъ три большихъ праздника — Рамазанъ-Байрамъ, Курбанъ-Байрамъ и Катерласъ-Байрамъ.

Особенно замѣчательныя праздники, установленныя въ честь пророковъ и справляемый въ *ашеръ-аѣ* (мѣсяцъ кушанья). На этомъ праздникѣ нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія христіанскихъ племенъ, долгое время жившихъ въ Крыму совместно съ татарами. Въ *ашеръ-аѣ*, крымскіе софты или семинаристы получаютъ отъ муфтія (высшаго духовнаго лица) дозволеніе обходить дворы всѣхъ мусульманъ и пѣть священные *илляги* или гимны Магомета и Явубъ-Шейгамбера (Иоанна крестителя). Въ каждой медресе собирается такимъ образомъ до 200 софтовъ. Они дѣлятся на партіи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой значекъ и направляется въ свой, заранее опредѣленный, округъ деревень. Партіи софтовъ обходятъ всѣхъ мусульманъ и собираютъ за пѣніе «илляговъ» все безразлично: платки, полотенца, яйца, пшеницу, куръ и проч.

Въ иллягахъ воспѣваются различныя предметы, поучительнаго свойства, рапримѣръ: доброта пророка Магомета, гнѣвъ Аллаха на дерзкихъ и непослушныхъ предъ родителями софтовъ, и т. под. Илляги поются хоромъ и возбуждаютъ обыкновенно, рыданія у женщинъ и чрезвычайно сильно дѣйствуютъ даже на пожилыхъ мужчинъ. Вслѣдствіе этого, софты принимаются съ особеннымъ раду-

шiemъ и каждый бѣднякъ съ удовольствіемъ жертвуетъ имъ послѣднее свое имущество.

Не менѣе замѣчательнъ также праздникъ *кефершиш*, справляемый крымскими татарами черезъ каждыя 25 лѣтъ. Онъ справляется собственно въ Бахчисараѣ и установленъ ради посвященія нѣкоторыхъ правовѣрныхъ въ классъ торговцевъ и въ различные ремесленные цехи; до этого посвященія каждый ремесленникъ и торговецъ считается какъ-бы не признаннымъ и неутвержденнымъ въ своей профессіи. На празднествѣ посвященія присутствуетъ самъ «нагибъ»—лицо, происходящее по прямой линіи отъ Магомета. Званіе это передаются старшему сыну. Нагибъ живетъ на счетъ мусульманъ и играетъ у нихъ немаловажную роль. Однакоже, власть и отличія его званія мало извѣстны, такъ какъ онъ живетъ въ глуши, въ какой-то татарской деревнѣ.

Всѣ бахчисарайскіе ремесленники и торговцы предъ днемъ кеферша соединяются въ артели, числомъ до десяти. Каждая артель избираетъ себѣ старосту, который дѣятельно собираетъ съ членовъ ея сахаръ, куръ, овецъ, кофе, фрукты, разныя закуски, бузу, водку и тому подобные припасы для предстоящаго пиршества.

Все это свозится въ день кеферша въ Вофудскій садъ въ Бахчисараѣ; туда-же собирается и публика и духовенство, со всѣхъ сторонъ, верхами, въ маджарахъ и разныхъ другихъ экипажахъ. Садъ устилается коврами и подушками. Площадка сада покрывается лучшимъ ковромъ съ особеннымъ сидѣньемъ по срединѣ для нагиба, а по сторонамъ—для двухъ его ассистентовъ. Позади нагиба помѣщаются въ нѣсколько рядовъ высшія духовныя лица, а за ними въ перспективѣ сидятъ посвящаемые, съ цвѣтными перевязками черезъ плечо. Остальныя мѣста въ саду занимаетъ публика, среди которой виднѣются и христіане, а въ особенности—греки.

Празднество начинается молитвою одного изъ муллъ, который становится на коврѣ передъ нагибомъ и громко произноситъ: «Магометъ

я привелъ къ тебѣ избранное стадо, посвящающихъ себя на торговлю.» Затѣмъ мулла вызываетъ одного изъ посвящаемыхъ, становится по лѣвую его сторону, беретъ лѣвой рукой за лѣвое ухо, а ладонью правой своей руки ударяетъ его по бритой головѣ такъ, что ударъ направляетъ посвящаемого прямо къ нагибу, у котораго онъ и цѣлуетъ руку. Такому же ухорванію и толчкамъ подвергаются и всѣ остальные посвящаемые, послѣ чего начинается ѣда и попойка, продолжающіяся до поздней ночи.

Какъ крымскіе татары ни дичатся русскихъ, но изъ всѣхъ національностей, съ которыми имъ приходится сталкиваться, они съ наибольшою терпимостью относятся къ «казакамъ», какъ они называютъ всѣхъ русскихъ. Грековъ же, евреевъ и армянъ они терпѣть не могутъ. При всемъ томъ расположеніе, которое они намъ оказываютъ, отзывается скорѣе неискренностью и страхомъ, объясняемымъ сознаніемъ нашей силы и невольнымъ къ ней уваженіемъ. Между тѣмъ нѣкоторое добродушіе характера и отсутствіе фанатизма въ религіи наклонность къ почитанію нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ и памятниковъ и, наконецъ, вполне уже окрѣпшая любовь къ осѣдлой жизни—все это не можетъ не представлять хорошихъ задатковъ для окончательнаго сближенія крымскихъ татаръ съ русскою народностью.